

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. Ф. Алиева

**Структурно-типологическое
исследование языков
Юго-Восточной Азии**

Москва

2015

ББК 81.2 (5М+5И+5Ин+5Ф+83)

А 50

Рецензенты:

к. филол. н. Ю. А. Ландер,
д. филол. н. Е. Л. Рудницкая

Алиева Н. Ф.

А 50 Структурно-типологическое исследование языков Юго-Восточной Азии / Институт востоковедения РАН. — М: ИВ РАН, 2015. — 168 с.

ISBN 978-5-89282-611-2

Задача этой монографии — дать обобщенное описание австронезийских (АН) языков, представленных несколькими основными группами, образующими отдельные структурные типы.

Во вводной, I части книги речь идет о принципах описания языков региона ЮВА, а также рассказывается об истории начатого в 1945 г. изучения малайского (индонезийского) языка в нашей стране.

Во II части описаны малайский, филиппинский, восточно-индонезийский, океанийский типы языков. Языки островов Сулавеси, Калимантан, Мадагаскар, не представляющие групповые типы, не охвачены. Чертам австронезийской семьи противопоставлены особенности индокитайского типа, отличающегося в структурном отношении. Поставлен и рассмотрен вопрос о «языковом союзе» в Индокитае.

В III части анализируются и обобщаются свойства и особенности АН языков как отдельной семьи на лингвистической карте мира. В конце работы даны общие таблицы, отражающие структурные черты рассматриваемых языков.

ББК 81.2 (5М+5И+5Ин+5Ф+83)

ISBN 978-5-89282-611-2

© Алиева Н. Ф., 2015

© Институт востоковедения РАН, 2015

Содержание

Задачи и методы исследования	5
Ареал и исследуемые языки	5
Условные сокращения.....	6
Существующая литература	7
Принципы выделения и описания структурных типов	31
Агглютинация индонезийского типа	36
Доминанты языкового строя	39
Условные обозначения в таблицах:.....	43
Структурные типы островных и полуостровных языков ЮВА.....	47
Малайский тип (МТ).....	47
Филиппинский тип (ФТ).....	65
Языки Восточной Индонезии (ВИТ)	76
Океанийский тип (ОТ).....	94
Индокитайский тип структуры (ИТ)	104
Пять типов языков ЮВА: черты сходства и основные различия	123
Уровень морфемы и слова.....	123
Классификация слов по семантическим и функциональным признакам	136
Синтаксический уровень. Сочетания слов	141
Синтаксис. Предложения	148
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Контрасты грамматических структур в островных и полуостровных языках Юго-Восточной Азии.....	153
Список литературы.....	159

Часть I

Задачи и методы исследования

Глава 1

Ареал и исследуемые языки

Генеалогические подразделения

Юго-Восточная Азия в лингвистическом понимании охватывает:

1. Острова, включая Океанию на востоке и Мадагаскар на западе, но исключая регион Новой Гвинеи с относящимися к нему островами, население которых говорит на языках папуасской семьи; и

2. Индокитайский полуостров, который нередко именуют континентальной Юго-Восточной Азией и соответственно его языки — континентальными. Это определение явно таит в себе некоторый сдвиг в масштабе, поэтому я, говоря о языках полуострова, применяю термин «полуостровные».

В то время как островные языки — а их несколько тысяч — принадлежат фактически к одной, австронезийской, семье, языки полуострова, которых не более ста, распределяются по нескольким семьям: австроазиатской (АА), тайской (Т), сино-тибето-бирманской (СТБ), австронезийской (АН). Основные подразделения, о которых здесь идет речь, — это вьет-мыонгское и мон-кхмерское австроазиатской семьи, тайская семья в основном составе и малочисленная чамийская группа малайческих языков австронезийской семьи. Есть еще лоло-бирманское подразделение синетической семьи, которое типологически отличается существенно и здесь не рассматривается.

Языки региона демонстрируют огромное разнообразие структурных типов — от чисто аналитических, лишенных синтетических средств в грамматике и деривации, до чисто синтетических с богатой агглютинацией и другими средствами словоизменения; конечно, существуют многочисленные промежуточные и смешанные варианты. Вполне вероятно, что по мере того, как в пределах этого, прежде разделенного границами колониальных монополий региона будут расширяться и активизироваться связи между

государствами и народами, предполагающие и взаимное изучение языков, будет расти потребность в синхронно-лингвистических сопоставлениях между существующими здесь структурными разновидностями.

Особенно интересен вопрос о том, насколько генетическое единство сказывается на структуре языков.

Условные сокращения

- АА — австроазиатская семья
- АН — австронезийская семья
- СТБ — сино-тибето-бирманская семья
- Т — тайская семья
- ВИТ — восточно-индонезийский тип
- МТ — малайский тип
- ИТ — индокитайский тип
- ОТ — океанийский тип
- ФТ — филиппинский тип
- Д — дополнение
- П — подлежащее
- С — сказуемое

Глава 2

Существующая литература

Историческая справка

Нельзя отрицать, что для изучения генетических связей языков этого региона, в частности, с применением методов сравнительно-исторического языкознания (возможности которого здесь отнюдь не широки, ввиду малочисленности письменных памятников), были проведены важные исследования и предложены интересные идеи (краткий обзор см. в [Сирк 1982; 1983; 2008; Оглоблин 1996; 2009]). К сожалению, очень мало работ, в которых хоть отчасти рассматриваются совокупно языковые семьи и островов и полуострова, преобладают, естественно, исследования, в которых изучаются те и другие в отдельности.

Ставился в частности вопрос о возможной генетической общности языков разных групп. В. Шмидт, например, выдвинул гипотезу о генетически единой австроазиатской семье, развившейся в две современные семьи — АН и АА [Schmidt 1906]. П. Бенедикт не принял аргументацию Шмидта и выдвинул теорию австро-тайского единства [Benedict 1975; 1976], получившую поначалу поддержку многих ученых. Нельзя, однако, сказать, что автором этой идеи представлены достаточные и убедительные свидетельства такого единства. Может быть, свою роль сыграло то, что сам Бенедикт был далек от изучения АН языков. Во всяком случае, в последние полвека в АН языкознании, весьма интенсивно развиваемом американо-гавайскими, австралийскими, нидерландскими учеными, теории Шмидта и Бенедикта не вызывают большого интереса. Сама огромная АН семья, ее история, деление на подсемьи и более мелкие генетические группы, ее структурное многообразие исследуются с истинным энтузиазмом и с применением современных научных методов. В 2005 г. вышло фундаментальное и обобщающее издание «Австронезийские языки» под редакцией А. Аде-

лаара и Н. П. Химмельманна [Alexander Adelaar, Nikolaus P. Himmelmann], интернациональное по составу авторов (российскую науку представляет А. К. Оглоблин). В исследованиях разного направления интенсивно применяются лексико-статистические методы, разработанные И. Дайеном [Duyn 1971] и усовершенствованные его последователями, в сфере АН — прежде всего Сводешем [Swadesh]. Среди новых работ как образец использования лексико-статистического метода (и не только его, конечно) может быть назван сборник статей «Chamic and Beyond» [Chamic 2004].

В сопоставительных синхронно-структурных исследованиях внимание лингвистов было в первую очередь направлено на фонетико-фонологические проблемы, преимущественно на музыкальный тон и регистр, преглоттализацию, пре- и постаспирацию, структуру моносиллабической морфемы в языках Индокитая. Что касается АН языков, которые, как правило, не имеют подобных сложных фонетических явлений, то лингвисты занимались и занимаются установлением фонологических и лексических соответствий между подгруппами этой семьи, этимологией и, конечно, специфической проблемой носовых фонем, поскольку пренализация и назализация согласных на границах морфем представляет собой важную характерную черту морфонологии АН.

Особенности произношения описываются в соответствующих учебниках и грамматиках, достигнуты важные результаты в инструментальном исследовании фонетики.

В общем контексте в информацию относительно разных языков и их связей в ЮВА представляется естественным включить сведения о той роли, которую сыграли в изучении соответствующих тем советские авторы.

В основе исследований, отраженных в данной книге, лежат результаты работы по описанию, научному анализу и типологическому сопоставлению языков Азиатско-Тихоокеанского региона, которая в течение нескольких десятилетий проводилась специалистами Отдела языков Института востоковедения РАН. Выдающаяся роль в организации этой работы принадлежала ныне покойным Г. П. Сердюченко, В. М. Солнцеву, И. Ф. Вардулю.

Изучение языков Юго-Восточной Азии — малайского (индонезийского и малайзийского), тагальского, полинезийских и АН в целом, вьетнамских, мон-кхмерских, тайских, тибето-бирманских — стало совершенно новой областью для русского советского языкознания, и ей было уделено особое внимание.

Несколько позже научные исследования, как и преподавание языков в этой области, стали активно развиваться в Ленинграде.

Названные народы ЮВА очень далеки от границ России, и их языки практически до конца XIX века не были известны русским лингвистам.

Первые, весьма скудные сведения о малайском языке в нашей стране привел в приложении к своей книге М. М. Бакунин, бывший посол в Малайе; книга была в наше время переиздана, но без раздела о языке [Бакунин 1902; 2007].

Официальное изучение малайского языка в СССР началось в 1945 году, когда свою независимость от Голландии провозгласила Индонезия. Несколько позже, в 1949 г., после окончания антиколониальной войны единым государственным языком этой страны был провозглашен индонезийский — так стал называться малайский, издавна игравший роль всеобщего средства общения на Малайском архипелаге. В 1945 году именно малайский стала преподавать в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ) в Москве Людмила Александровна Мерварт, самостоятельно изучавшая его еще с 20–30-х годов.

Роль Л. А. Мерварт в изучении языков ЮВА

Когда эта выдающаяся женщина открыла совершенно новое в нашей стране направление востоковедения, ей было 57 лет. Дочь известного в Петербурге врача А. М. Левина, который в свое время ездил в Индию для участия в борьбе с эпидемией бубонной чумы и полюбил эту страну, она переняла от отца интерес к Востоку. Параллельно с учебой на Бестужевских курсах Людмила Александровна изучала санскрит и восточную филологию в университете. Она входила в число первых «бестужевок», боровшихся за право женщин на получение диплома о высшем образовании. Сначала преподавала языки в гимназии, затем поступила на работу в Музей антропологии и этнографии (МАЭ). Здесь встретила с А. М. Мервартом, молодым немцем, принявшим православие, этнографом, увлеченным индологией. Они поженились, а в 1914 г. были направлены в научную командировку в Индию и на Цейлон для изучения местных народностей и сбора коллекций для МАЭ.

Началась и окончилась Первая мировая война, в России произошла революция. В Индии колониальные власти предлагали супругам продать собранные ими ценные коллекции и заодно перейти к англичанам на работу, но Мерварты отказались. Они считали своим долгом возвратиться домой и доставить коллекции в Россию. Советские органы перевели ученых деньги на дорогу. Но возвращение откладывалось: у Людмилы Александровны умер новорожденный ребенок, сама она тяжело болела. Наконец, в 1918 году супругам удалось сесть на пароход и приплыть — с остановками, в частности, в Бирме, где английские колониальные власти три месяца прудержали их в тюрьме, — но нет, не в Питер, а во Владивосток. Военная и по-

литическая обстановка в России была такой, что сразу отправиться в центр страны было невозможно — это удалось ученым только в 1924 году, уже вместе с двумя детьми. В те годы, когда целые группы русской интеллигенции эмигрировали на Запад, Мерварты вернулись в Петербург, и даже с частью собранной в Индии коллекции. Они сразу окунулись в научную работу, стали преподавать индологию и цейлоноведение, публиковать новейшие для России сведения и данные, обрабатывать этнографические материалы. Во время научной командировки во Франции, Голландии, Германии Людмила Александровна, занимавшаяся малайским языком, приобретала там учебники и словари.

Несмотря на голод и тяжелые бытовые условия в Ленинграде, Мерварты полностью посвящали себя науке и передавали свои знания новой интеллигенции.

В начале 30-х годов все рухнуло. Начались новые «разоблачения контрреволюции», погубившие многих ученых. И Александра Михайловича и Людмилу Александровну не раз вызывали в ВЧК, задерживали, отпускали. В 1932 г. сначала он, затем она были приговорены к 5 годам ссылки. Александр Михайлович через полгода скончался. Людмила Александровна тяжело болела на нервной почве. Благодаря хлопотам коллег ее досрочно отпустили. Более того, в 1936 г. ей без защиты диссертации была присвоена ученая степень кандидата филологических наук.

Как «враг народа», она не могла продолжить работу в научных учреждениях Ленинграда. В 1938 году Л. А. Мерварт переехала с детьми в Москву, где стала преподавать в институтах иностранные языки. Я, будучи студенткой МИВ, Московского института востоковедения (1949–1954 гг.), много общалась с этой незаурядной женщиной, она старалась приобщить меня к науке. О своей тяжелой судьбе она мне рассказывать, конечно, не могла — все сведения получены уже теперь, из архивов АН.

В 1941 году сын Людмилы Александровны ушел добровольцем на оборону Москвы и погиб.

Л. А. Мерварт работала на радиоперехвате, в эвакуацию не уезжала. В 1942 г. она стала сотрудницей в Издательстве иностранных и национальных словарей — помощником заведующего редакцией восточных словарей.

В 1945 году начался активный «малайско-индонезийский» период ее жизни: преподавание, написание учебников, переводы классической литературы, организация издания сначала маленьких, учебных, затем большого индонезийско-русского словаря. Она верила в своих студентов, и всех нас привлекала помимо учебы к занятиям наукой и к преподаванию индонезийского. Ее студенты по Военному Институту работали нашими преподавателями языка.

Изучение Индонезии

Интерес к Индонезии в СССР нарастал, связи с этой страной ширились, необходимо было знание языка. На малайское отделение брали абитуриентов с отличной отметкой по английскому, который требовался, прежде всего, для чтения специальной литературы и к тому же давал основу для изучения еще одного, мало известного в России европейского языка — голландского, а именно голландцы, владевшие колониальной Индонезией (так называемой Нидерландской Индией), разносторонне изучали и описывали эту экзотическую страну. Все специалисты по малайскому языку в России (этот язык был объявлен государственным в бывших британских колониях Малайе, Брунее и Сараваке, на Борнео, а также в Сингапуре) с самого начала должны были читать и по-голландски.

В то время живой информации о странах малайского мира у нас практически не было. Очень не хватало книг, газет, общения с носителями языка. И в этом отношении некоторым из нас сильно повезло — летом 1954 года, после окончания Московского института востоковедения (который в том же году был закрыт), 5 человек из нашей группы были отправлены переводчиками на экономическую ярмарку в Джакарту на целых 2 месяца!

В Джакарте как раз открылось посольство и другие представительства СССР. Двое из нас остались работать там, остальные вернулись в Москву — здесь тоже было чем заняться. Мы привезли с собой чемоданы книг на языке и о языке. Поскольку изучение индонезийского отныне началось в Московском государственном институте международных отношений, там были нужны преподаватели.

В ИВ АН, т. е. Институте востоковедения АН СССР, было активизировано изучение стран Юго-Восточной Азии, и так как в первую очередь требовалось знание языков — приглашали аспирантов. Первым поступил А. С. Теселкин, год спустя — автор этих строк, еще года через два — Ю. Х. Сирк, переехавший из Эстонии. Одновременно индонезийско-малайские отделения были открыты в новосозданном Институте восточных языков (ныне Институт стран Азии и Африки, ИСАА при МГУ), и на Восточном факультете Петербургского университета.

Первые лингвистические описания исследуемого ареала в советском востоковедении

В 60-е годы связи между СССР и странами Азии и Африки, особенно с бывшими колониями, развивались очень интенсивно и многосторонне. Это отразилось в организации исследований в ИВ: в 1958 г. был создан

Отдел языков под руководством Г. П. Сердюченко. В отделе были намечены этапы организации работы для охвата все большего числа языков. Сначала была предпринята серия кратких описаний, очерков о ранее не изучавшихся у нас языках. Для расширения знаний в области многочисленных малайско-полинезийских языков (ныне называемых австронезийской семьей, АН) это была очень удачная идея. Началось, естественно, с очерков индонезийского [Теселкин, Алиева 1961], яванского и древнеяванского [Теселкин 1961, 1963]; но вскоре разные специалисты, имевшие сведения о других языках, заинтересовались этой работой и стали предлагать для серии очерков свои описания. Здесь надо отметить роль сотрудничавшего с нашим отделом профессора В. Д. Аракина, лингвиста широчайших знаний: он написал обзорный очерк «Индонезийские языки» [1965], несколько очерков о языках Полинезии и острова Мадагаскар. Серия получила известность и за границей: очерк А. С. Теселкина по древнеяванскому языку был переведен и издан в США [1972], а словацкий лингвист Виктор Крупа, работавший на Новой Зеландии, прислал «Язык маори» [М., «Наука»: 1967 — на русск. яз., 1968 — на англ.], затем очерк «Полинезийские языки» [1975], получивший признание в Европе и изданный на английском в Голландии [Кгура 1973], а позднее еще «Гавайский язык» [1979]. Полный перечень дан в конце настоящей книги. Всего об австронезийских языках в серии было опубликовано около 20 работ.

Круг изучаемых языков расширялся и далее. Из описаний малайско-яванского ареала первыми появились карманные словарики, составленные Н. Ф. Булыгиным и Л. И. Ушаковой: Русско-индонезийский [1958] и Индонезийско-русский [1963], подготовленные под редакцией Л. А. Мерварт в Гос. изд-ве иностранных и национальных словарей. В 1963 г. вышел еще один — Учебный русско-индонезийский словарь (для иностранцев), авторы А. Г. Лордкипанидзе и А. П. Павленко. В 1961 г. вышел объемный Индонезийско-русский словарь [Р. Н. Коригодский, О. Н. Кондрашкин, Б. И. Зиновьев]; позже за ним последовал Большой индонезийско-русский словарь в 2-х томах, под редакцией Р. Н. Коригодского [1990], и в 2004 г. — меньший по объему, но очень актуальный — В. А. Погадаева.

Более полный Русско-индонезийский словарь (на 27 тыс. слов) был выпущен издательством «Советская энциклопедия» в 1970 г. под редакцией Шахрула Шарифа (авторы: Е. С. Белкина, А. П. Павленко, А. С. Теселкин). Наконец, в 2004 г. вышел Русско-индонезийский словарь Л. Н. Демидюк и В. А. Погадаева (около 25 тыс. слов и словосочетаний), более ориентированный на повседневное использование, в том числе, в учебном процессе.

Таким образом, специалисты по Индонезии словарями были обеспечены. Сложнее обстояло дело со специфическими вариантами лексикологии

в Малайзии, особенно учитывая сохранность диалектных форм малайского в этой стране. Для практического использования полностью подходит вполне актуальный двусторонний малайский словарь В. А. Погадаева [2008].

Естественно, преподавание языка невозможно без учебников и учебных пособий. Они создавались постоянно, начиная с 1945 г. в Военном институте (в рукописной форме на стеклографе) и до настоящего времени, — на всех малайских/индонезийских отделениях востоковедных вузов.

Политика активных связей СССР со странами Востока диктовала и изучение лингвистической ситуации в каждой из них. Уже в 1960 году Г. П. Сердюченко дал указание Н. Ф. Алиевой писать об этой ситуации в Индонезии. Затем в Отделе был организован Сектор социолингвистики под руководством отличного организатора и специалиста Л. Б. Никольского, проходили конференции, готовились сборники статей. Этой работой стала специально заниматься Е. С. Кондрашкина, уже пожившая в Индонезии, имевшая необходимые материалы. В 1986 г. вышла ее книга, посвященная социолингвистике этой страны [Кондрашкина 1986]. К сожалению, в последующие годы интерес к предмету как-то угас, хотя Индонезия не перестает быть уникальной страной с точки зрения ее социолингвистических особенностей.

Создание новых научных грамматик

Между тем в советских научных центрах после освобождения от пут марксизма и сталинских интервенций в языкознание развитие лингвистики шло очень активно, и это отражалось в работе нашего Отдела.

Как в синхронии, так и в диахронии выдвигались принципиально важные темы. Ставились специально вопросы фонетики и фонологии, включая проблемы ударений и тонов, морфологии (специально — редупликация), структуры словосочетаний и разных типов предложений, включая малоизученную проблему полипредикативности, оказавшуюся весьма разносторонней и привлекающую пристальное внимание наших специалистов по разным языкам. Для понимания индонезийского синтаксиса эти исследования оказались весьма плодотворными — мои доклады и статьи получили признание коллег и в Индонезии, и в Малайзии.

Одновременно в Ленинграде выдвигались и обсуждались общие теоретические проблемы предикатно-актантных отношений, реализуемых в разных залоговых формах и конструкциях. Полезной была и постановка вопроса о квантитативной типологии.

Необходимость создания полных научных грамматик восточных языков проявилась со всей актуальностью. Руководство Отдела языков

не ограничилось задачей создания серии очерков. С самого начала был поставлен вопрос о подготовке полных научных описаний грамматического строя. Индонезистов в этой работе возглавил проф. В. Д. Аракин; авторский коллектив состоял из Н. Ф. Алиевой, Ю. Х. Сирка, к которым позже присоединился преподаватель Восточного факультета ЛГУ А. К. Оглоблин. В коллектив не вошел А. С. Теселкин — он был мобилизован как военный переводчик для работы с индонезийским контингентом, служил на флоте, а по возвращении направлен преподавателем в Военный институт, где много лет возглавлял кафедру. Я не случайно пишу об этом: были и другие индонезисты-мужчины, которые прошли службу военных переводчиков.

Подготовка к написанию научной грамматики требовала не только знакомства с уже существовавшими и в Европе и в Индонезии книгами, — необходимо было рассматривать структуру языка с позиций новой советской лингвистической школы, нацеленной на типологическое освоение строя языков разных генетических семей и групп, которыми был богат Советский Союз и которые пристально изучались и описывались. Наши европейские предшественники обычно базировались на представлениях традиционного индоевропейского языкознания. Кроме того, в Индонезии были также авторы, находившиеся под влиянием представлений арабской школы, поскольку получили образование в мусульманских центрах.

Общий подъем теоретических исканий стимулировал и наши поиски решений для анализа строя индонезийского языка. Все перечисленные авторы защитили кандидатские диссертации на темы, напрямую связанные с этой основной задачей, причем прибегали к помощи коллег-индонезийцев, которых уже было немало в Москве и Ленинграде. Обязательно применялся традиционный для нашей науки метод изучения текстов классических и новых литературных произведений и периодической печати, делались выписки и анализировались примеры, которых у каждого из нас были тысячи. Разные специалисты делали попытки научного исследования фонетического строя.

Работа шла в духе тесного сотрудничества, ознакомления и обсуждения написанного каждым из нас под общим руководством В. Д. Аракина и при доброжелательном отношении руководства Отдела. К 1966 г. книга была в основном завершена, общее научное редактирование В. Д. Аракиным проведено. Однако как раз в 1965 г. в Индонезии произошел политический переворот, сказавшийся на отношениях между нашими странами. Публикация нашей книги затормозилась, но все же в 1972 г. в Москве «Грамматика индонезийского языка» объемом 32,5 а.л. вышла в свет. В советских изданиях на нее были опубликованы 2–3 вполне положительные рецензии. Реакция за рубежом была неожиданно активной и добро-

желательной; рецензии появились в научной периодике Голландии, Англии, Германии, Франции, Чехословакии, — везде нашлись специалисты, знавшие русский язык. Все авторы отмечали, что работа отражала новые, современные (для того времени) лингвистические представления. Информацию о выходе в свет нашей «Грамматики» дали газеты Индонезии и Сингапура. Произошло как бы вторжение наших ученых в мировую науку об Индонезии (без США — там еще этой науки не было). Активизировалась переписка с европейскими коллегами, нам стали присылать книги и журналы, и — чем дальше, тем больше — приглашения на конгрессы и конференции.

Тогда, в пору конфронтации в мире двух общественно-политических систем, непосредственных контактов между учеными было еще очень мало. Но все же в 1981 году Н. Ф. Алиева и Е. С. Кондрашкина приняли участие в III Международном конгрессе по австронезийскому языкознанию (ICAL) на о-ве Бали, где у них завязались очень дружественные контакты с коллегами и появилась возможность познакомиться с новейшей специальной литературой.

Вскоре в Джакарте сначала одним издательством, а затем в рамках индонезийско-голландского проекта изучения индонезийской лингвистики (ILDEP; голландский ученый В. Стокхоф — глава проекта) начал обсуждаться вопрос о публикации нашей «Грамматики» на индонезийском языке в Индонезии.

Активное положительное участие в решении этого вопроса принимало наше посольство, особенно один из его руководителей — А. И. Хмельницкий. Мы, авторы, естественно, были рады, стали дополнять и совершенствовать свои разделы (и разделы В. Д. Аракина, уже покойного). Особенно значимым было дополнение раздела фонетики и фонологии результатами инструментальных исследований, проведенных к тому времени Л. Г. Зубковой и другими специалистами. Ю. Х. Сирк составил подробную библиографию работ советских авторов.

Непростой задачей было выполнить перевод всей книги на индонезийский язык в Москве. Общую редакцию осуществил В. И. Печкуров. Редактировала текст по программе ILDEP Альма Альманар, которая на заключительном этапе согласовывала свою работу с Н. Алиевой. Ввоз в Индонезию книг на ее языке из-за границы был запрещен — еще действовал закон голландской колониальной администрации. Но и это препятствие удалось преодолеть — переправить текст перевода в Индонезию помогло Министерство иностранных дел СССР.

В 1991 г. наша «Грамматика» была опубликована на индонезийском языке, что стало, конечно, моментом торжества нашей науки за рубежом

[Alieva et al. 1991]. К авторам начали поступать приглашения участвовать в конгрессах и конференциях — и эти приглашения можно было принимать — ведь пришла «перестройка»!

Каждый из нас в разное время получал приглашения на 2–3 месяца поработать в научных центрах Индонезии, Малайзии, выступать там с докладами, публиковать серии статей. Причем к Ю. Сирку обращались уже не как к малайсту, а как к специалисту, изучавшему язык Южного Сулавеси — бугийский.

Конечно, все это очень способствовало и обогащению наших практических знаний языка, лингвистической ситуации, знакомству с литературой и местными авторами.

Говоря об изучении малайско-яванской подсемьи австронезийских языков, следует особо подчеркнуть интерес к яванскому, его древней и современной формам, в первые же годы проявленный А. С. Теселкиным, который дал их описания в серии очерков [Теселкин 1961; 1963]. Как упоминалось, его очерк по древнеяванскому был переведен и опубликован в США, а свою кандидатскую диссертацию этот автор посвятил описанию современного яванского языка [1963]. К сожалению, затем А. С. Теселкин оказался оторван от научной работы.

Близким к яванскому сунданским языком занимался и описал его для серии очерков рано ушедший из жизни А. П. Павленко [Павленко 1965].

В связи с изучением яванского и — шире — малайско-яванских языков следует подчеркнуть исследования и преподавательскую деятельность А. К. Оглоблина, профессора Петербургского университета. Его публикации в этой сфере весьма разнообразны и по жанру и по темам; вершиной международного признания является включение его раздела по яванским языкам в коллективную монографию по австронезийскому языкознанию [Ogloblin 2005]; это, по моему мнению, — один из основных разделов книги.

Начало изучения других подсемей АН языков

От малайско-яванской группы можно перейти к другим подразделениям АН языков.

Здесь самой ранней была работа над главным языком филиппинской группы — тагальским (= тагалог). Со свойственным ей филологическим чутьем Л. А. Мерварт поняла значимость этого языка для анализа структурной специфики АН семьи и, еще когда мы были студентами, организовала для его изучения кружок у себя дома. Позже, когда мы стали сотрудниками Отдела языков ИВ АН, появился эмигрант с Филиппин Мануэль Крус, который стал преподавать тагалог уже на более высоком уровне. Кроме того,

при его активном участии составлялись словари. Л. И. Шкарбан избрала тагалог как главное направление своей научной деятельности. Уже в 1966 г. в серии очерков вышла их совместная работа, посвященная этому языку [Крус, Шкарбан 1966]. Далее тагалог стали преподавать В. А. Макаренко и И. В. Подберезский в Москве, Г. Е. Рачков в Ленинграде, писались учебники и статьи.

Л. И. Шкарбан со свойственной ей остротой лингвистического мышления провела ряд исследований по различным, весьма нестандартным явлениям тагальской грамматики, обобщенным позже в ее монографии и докторской диссертации [Шкарбан 1995; 1996; здесь же дана библиография]. Недавно Л. И. Шкарбан завершила и готовит к публикации новое, проведенное на высоком теоретическом уровне исследование строя этого языка.

Некоторые лингвисты побывали на Филиппинах, выступали там с докладами. Большую полевую работу на Филиппинах провела М. В. Станюкович, сотрудник Кунсткамеры в Петербурге. Ее исследования посвящены эпическим сказаниям горного филиппинского народа ифугао. Ифугаоские эпические сказания называются худхуд. Работы базируются на анализе текстов худхудов на языках ифугао, тували и келей-и (асипуло ифугао), как опубликованных, так и не опубликованных, включая более 60 часов записей фольклора ифугао, собранных Станюкович за три полевых сезона у эпических сказителей в провинции Ифугао (1995, 2006, 2008).

Ю. Х. Сирк (он умер в январе 2012 г.) уже в 70-х годах заинтересовался языками Южного Сулавеси и опубликовал очерк «Бугийский язык» [Сирк 1975], который вскоре был издан в Париже [U. H. Sirk 1979] в серии изданий ассоциации «Archipel», а затем в нашей серии очерков на английском [U. Sirk 1983].

Но главным интересом всей жизни у этого прирожденного лингвиста было сравнительно-историческое исследование АН языков, как лексики, так и грамматики. Начиная с 80-х годов им был опубликован ряд статей на эти темы как на русском языке, так и на английском в разных зарубежных изданиях, что принесло ему известность во многих странах среди коллег, щедро снабжавших его научной литературой. Объемная книга, обобщающая, уже систематизированно, результаты этой работы «АН языки: введение в сравнительно-историческое изучение», появилась в 2008 г. [Сирк 2008]. Книга — не только очень ценный вклад в наше восточное языкознание, она входит в ряд самых крупных системных работ на эту тему в мировой АН лингвистике. Значимость исследований Ю. Х. Сирка была отмечена в честь его 75-летия публикацией в Германии под редакцией Ю. А. Ландера и А. К. Оглоблина сборника, в который дали статьи многие известные специалисты [Lander, Ogloblin, eds. 2008].

Следующее большое подразделение АН семьи — это языки населения островов Тихого океана: полинезийские, меланезийские, микронезийские.

В нашей науке первыми работами по ним, как упоминалось, были очерки В. Д. Аракина [Аракин 1963; 1965; 1973; Arakin 1981] и словака Виктора Крупы [Крупа 1967; 1975; 1979; Krupa 1968; 1975]. Последний по времени очерк — «Язык ниуэ» [Полинская 1998].

Несколько позже тему обобщающих и сравнительных описаний по океанийским языкам избрал В. И. Беликов [1985]; он использовал их материал в несколько новом аспекте — изучения конвергенции, образования креолов и пиджинов [Беликов 1998; 2005; Belikov 1987; 1988; 1988; 1990]. Это была тема его докторской диссертации.

Ранее находившиеся на периферии изучения АН семьи языки Восточной Индонезии постепенно стали объектом интереса многих лингвистов, к их числу относятся и М. И. Членов и С. Ф. Членова. Еще в советские годы М. И. Членов, работавший в этом регионе переводчиком, стал специализироваться по этнографии. Оба — и он, и находившаяся с ним С. Ф. Членова интересовались языками местных аборигенов и собирали полевой материал, привлекая информантов. В настоящее время многое из собранного ими увидело свет, есть публикации и на английском языке [Chlenov, Chlenova 2008; Chlenova 2008].

Эти материалы интересны, поскольку знакомят нас с типологическими особенностями языков, выделяющихся среди АН семьи особым богатством категорий местоимений, их синтаксических функций, при уменьшенном числе аффиксов в сфере предикатно-актантных отношений. Подобные же черты свойственны океанийскому типу языков.

Осталось упомянуть об изучении языков населения лежащего недалеко от юго-восточного берега Африки Мадагаскара и ближних к нему островов. Мореплаватели с Малайского архипелага (видимо, с юго-восточного Калимантана, бывшего Борнео) в результате многолетнего, с долгими остановками в разных странах по пути передвижения достигли этого острова и обосновались на нем.

Теперь принята точка зрения, что это произошло в VII–VIII веках н.э., но ранее разные авторы говорили о переселенцах, прибывших сюда задолго до начала н.э., и в первых веках ее — такого мнения придерживался и В. Д. Аракин [Аракин 1963].

Объединяющий язык — малагаси, бывший мальгашский, — безусловно, генетически принадлежит к АН, хотя, конечно, он и подвергался лексическому и структурному воздействию языков аборигенов Африки, а также семитских и персидского.

Имеется несколько различных его диалектов, основной из них — мерина, на котором сформировался язык богатой художественной литературы.

Первые письменные памятники, записанные арабской графикой, относятся к XVI в. Среди малагасийцев были известны ученые, которые специально изучали свой язык и описывали его. После превращения острова в колонию Франции в конце XIX в. французские лингвисты стали проявлять большой интерес к этому языку и его диалектам.

В Москве первые научные сведения о языке малагаси были опубликованы в серийном очерке [Аракин 1963].

Должна быть отмечена интересная, новаторская работа А. Федорова. Этот лингвист, ранее изучавший малагасийский, в своей кандидатской диссертации сравнил его структуру (по результатам полевой работы экспедиции, в которой А. Федоров участвовал) с весьма отличным, но тоже АН языком в другом конце полушария — чамийским языком чру (тьру) в восточном Индокитае.

Среди советских специалистов на острове Мадагаскар были и такие, кто изучал язык, составлял учебники и словари для русских. Среди них — Л. А. Карташова, которая отдала все силы изучению малагасийской филологии. Вышел составленный ею сборник разных статей об этом экзотическом острове [Карташова, сост. 2006]. Правительство острова наградило ее орденами, она была избрана членом Академии Мадагаскара. (Поскольку языки этого острова не складываются в отдельный структурный тип, здесь они не рассматриваются.)

Автор включается в работу экспедиции во Вьетнаме и знакомится с языками иного строя

До 80-х годов прошлого века я занималась АН языками, в первую очередь — индонезийско-малайской сферой. Однако в 1979 г. я была включена — в качестве индонезиста — в число участников Советско-вьетнамской экспедиции по изучению языков нацменьшинств Вьетнама. Пришлось изучать вьетнамский язык и участвовать в сборе полевых материалов по языкам кхмер, ксингмул, мыонг, чам, джарай. Два последних — малайские языки чамийской подгруппы, претерпевшие сильные изменения структуры в результате контактов с соседними языками.

В целом пришлось знакомиться с совершенно иными, отличными от малайских, структурами на всех уровнях. Главные отличия — это аналитизм, отсутствие морфологии, моносиллабизм морфем, с тональной фонологией. Ведь в АН языках преобладают двусложные корневые морфемы, для которых нерелевантны тоны, а иногда и ударения.

Таким образом, я втянулась в сравнение и анализ различий между языковыми системами островного АН ареала и ареала Индокитайского полу-

острова. Нельзя не отметить, что сопоставительные исследования такого рода нехарактерны для ЮВА: австронезистам хватает разнообразного материала на островах, а специалисты по языкам Индокитая имеют достаточно проблем на полуострове и интересных сопоставлений с языками азиатского континента, так что до островов руки не доходят. Конечно, давало себя знать и наследие колониальной раздробленности: французы, англичане, голландцы, испанцы и прочие — все изучали языки своих колоний по-своему.

И вот после возвращения из экспедиции в 1980 г. я должна была заниматься языком чам, готовить публикацию. Надо было осмыслить аналитическую систему этого языка, который во многом утерял АН черты. Одновременно следовало постигать особенности грамматической структуры языков Индокитая. И параллельно с этим — нащупать подходы к систематическому изучению типологической ситуации в языках этой части региона ЮВА.

В результате этой работы было сформулировано в виде перечня признаков понятие индокитайского языкового союза (которое стало основой для описания индокитайского типа языков в данной книге). В этом помогли, с одной стороны, исследования по Балканскому языковому союзу и, с другой — уже опубликованные к тому времени и в Москве, и в Петербурге богатые описания аналитических языков Индокитая. Этот обзор дан в части II, главе 5 «Индокитайский тип».

Креолизация и пиджинизация в эволюции языков австронезийского ареала

Чтобы предложить читателям более или менее широкую картину социолингвистической ситуации, представляется целесообразным совместить описания взаимосвязей разного типа между языками данного огромного региона. На протяжении долгого времени эти связи формировались между народностями, религиозными, торговыми и племенными группами. Взаимоотношения приобретали разные формы конвергенции на основе разных языков и наречий, деловых, торговых контактов. Поэтому ниже мы описываем эти взаимоотношения отдельно.

Нет сомнения, что процессы конвергентного развития наблюдаются как между генетически чуждыми, так и между родственными языками, при условии, что соответствующие этносы обитают на одной территории близко друг к другу и географические условия не препятствуют контактам — хотя препятствия тоже возможны, в виде горных цепей и водных преград.

При изучении Юго-Восточной Азии мы имеем дело с процессами обоих типов.

Влияние колонизации

Сначала попытаемся дать общий обзор явлений двусторонней конвергенции как между родственными, так и между неродственными языками в островном регионе, относящемся к Юго-Восточной Азии, Океании, включая Мадагаскар. В этом огромном регионе обитают многочисленные народы, говорящие на языках самой большой в мире австронезийской (АН) семьи, число языков которой на островах Малайского архипелага, вместе с Филиппинами, определяют от 800 до 1000. Ясно, что это различие в оценках зависит от уровня изученности и одновременно — от того, как разграничиваются языки и диалекты, а это, в свою очередь, связано с явлениями сближения, смешения, стирания границ между идиомами того или иного уровня.

Еще одну тысячу языков и диалектов насчитывают на островах Океании; эта цифра постоянно возрастала в последние десятилетия по мере роста изученности региона, что относится и к другим частям островного мира. Ведь весь регион был разделен на части границами колониальных владений различных империй — Голландии, Великобритании, Франции, Германии, США, ревниво и жестко охранявших свои владения. Лишь после Второй мировой войны, с упразднением колониального статуса стран ЮВА, определявшего их разъединенность, этническое семейство АН предстало перед учеными как нечто целое.

Естественно, что в первую очередь внимание лингвистов было обращено на проблемы сравнительно-исторического, т. е. генеалогического анализа, и на этом направлении достигнуты большие успехи, хотя есть и значительные различия в классификационных подходах. В этих исследованиях широко применялись методы лингвостатистического сравнения, разработанные на АН материале И. Дайеном и А. Сводешем. В России опубликована незаурядная работа Ю. Х. Сирка — исследование компаративно-исторических проблем АН семьи [Сирк, 2008].

В отличие от сравнительно-исторического метода анализа ниже предлагается синхронное структурно-типологическое исследование проблем языковой конвергенции, и безусловно важные вопросы генеалогической классификации составляют как бы фон изучения, потому что наличие иных семей также не может быть игнорировано.

В целом проблематика языковой конвергенции в формировании и креольских и «пиджинизированных» языков в рассматриваемом регионе весьма многообразна. Ее специфика во многом определяется историей формирования государств, наций и национальных культур с теми особенностями, которые были навязаны разным народам колониальными режимами и унаследованы этими народами вплоть до нашего времени. Поэтому,

невзирая на АН родство народов, проблемы языковой ситуации должны рассматриваться в каждой стране отдельно.

Конвергентные процессы в Индонезии

Особенность Индонезии (бывшей Голландской Индии) с ее сотнями островов, населенных родственными, но разными народами, — это наличие малайского языка как средства их общения со времен раннего средневековья.

На МЯ существовала и существует богатая литература как в традиционных жанрах, так и переводная.

Под «их общением» имеются в виду контакты торговцев-мореплавателей с жителями прибрежных населенных пунктов, распространение религиозных учений: сначала индуизма и буддизма, затем — ислама, позже, в отдельных местах — христианства, и, наконец, военные действия и административное присутствие европейцев. Первыми колонизаторами были португальцы, вскоре вслед за ними — испанцы, затем голландцы, англичане и уже в XX веке американцы. Именно малайский язык был в той или иной мере знаком местным жителям, что позволило налаживать связи — вплоть до некоторых островов Филиппинского архипелага и на западе Океании.

Заметим попутно, что особенностью колониальной политики Голландии, в отличие от других государств-колонизаторов, было использование малайского языка во всех сферах общения с туземцами и недопущение их к европейской культуре; некоторые послабления стали намечаться только в первых десятилетиях XX века.

Естественно, что внедрение в обиход малайского языка при общении с родственным населением разных островов приводило к образованию просторечных смешанных говоров с АН основой, краткие сведения о которых будут даны ниже.

Малайцы поддерживали цивилизационные и религиозные связи с жителями Индии. Особенно важным было влияние санскрита, пришедшего в древние века на Суматру и Яву вместе с носителями государственной власти, а с ним также воздействие индуизма, буддизма, культуры Древней Индии, — в частности, письменности, ее применения в деловой и литературной сферах. Эти привнесенные образцы послужили основой для развития письма и составления текстов на малайском, яванском, балийском, сунданском языках, в современных литературных формах которых сохранились следы влияния санскрита. Но были и другие пути проникновения в Юго-Восточную Азию культуры Индии и Цейлона — обычная морская торговля, включая поставку рабов из Индии. Это был фактор влияния на язык, например, в Батавии.

Совсем иной характер носит имевшее место на территории Малайского архипелага взаимодействие с неавстронезийскими народами. Дальше всего в глубь времен уходят, видимо, контакты с австроазиатскими этносами, конкретно — с монкхмерскими. Существует точка зрения и о генетической близости этих семей [W. Schmidt 1906; A. Capell 1979]. На позициях признания общих генетических истоков или, по крайней мере, очень давней и тесной интерференции АН и МК языков стояли авторы, предшествовавшие французу Э. Бенвенисту, предложившему концепцию австро-тайской генетической общности [Benveniste 1960], также еще не получившую всеобщего признания. М. Дури говорит, например, о мон-кхмерском влиянии на язык ачех: в зарослях джунглей Суматры до сих пор, видимо, кочуют аборигены неавстронезийского, скорее всего, австроазиатского, генезиса. МК аслийские (аборигенные) племена обитают во внутренних районах Малайзии; они держатся изолированно, и языковая интерференция с местными малайскими диалектами весьма ограничена; напротив, в сфере официального и культурного общения в данное время молодое поколение аслийских народов должно пользоваться стандартным МЯ.

Связи с языками тайской семьи восходят к более поздним, средневековым временам. В некоторых районах — на севере современной Малайзии, на островах Мокен и Моклен — эти связи были весьма интенсивными, в результате чего сформировались смешанные малайско-тайские диалекты.

Языки другой неавстронезийской семьи, также издавна более или менее соприкасающиеся и взаимодействующие с АН, — папуасские, которые бытуют на востоке и юго-востоке Малайского архипелага, главным образом на Новой Гвинее. Разные стороны этого взаимодействия освещались многими авторами, причем интерес к предмету, особенно со стороны австралийских и американских (гавайских) ученых постоянно растет. Но пока безусловно преобладают публикации фрагментарных описаний, наблюдений, собранных во время практической работы, в лучшем случае — с использованием методов полевых исследований. Научный уровень этих описаний становится все выше, о чем говорит, в частности, издание ежегодных сборников статей. Однако пока нет работы, в которой проблема получила бы полное и систематическое освещение на уровне современной лингвистики.

Другой древнеписьменный язык — китайский, который играл определяющую цивилизационную роль для народов Индокитайского п-ва, на Малайском архипелаге и Филиппинах такого значения не имел. Проникновение китайского в разговорные формы малайского и других островных языков шло с разной интенсивностью в разных районах и зависело в первую очередь от торговых контактов, которые устанавливали в том или ином месте китайские мореплаватели. Малайско-китайские и китайско-малай-

ские просторечные жаргоны (*Melayu baba*, *Melayu pasar*) звучали на базарах в портовых поселениях и других подобных местах торговли. По мере того как в течение XX века укреплялись позиции и развивались нормы индонезийского языка, влияние китайского сокращалось и сфера его применения ограничивалась общением внутри групп китайских мигрантов. Что касается лексических заимствований из китайского, то они до сих пор везде довольно многочисленны, особенно в сферах торговли, ремесленничества (термины мер, веса, инструментов, товаров и т. д.).

Проникновение европейцев в Юго-Восточную Азию началось в XV–XVI веках с посещений португальских мореплавателей, стремившихся в Индию, Ост-Индию, к «островам пряностей», за драгоценными металлами, камнями и всевозможными экзотическими товарами. Португальцы сначала устраивали в разных прибрежных местностях — в Гоа, Малакке, Бирме, Сиаме, на Яве, Молукке и др. — простые торговые фактории, которые постепенно перерастали в военные укрепления.

Этому сопутствовало возникновение креольских диалектов на основе португальского с примесью просторечного малайского и элементов местных языков прибрежного населения, вступавшего в контакт с португальцами. Такого рода просторечные жаргоны (типа *Melayu Betawi*) были и в Джакарте на о. Ява (будущей столице Индонезии), и на Малакке, и во многих пунктах на путях мореплавания охотников за тропическими богатствами на восточных островах архипелага — Молукках, Сулавеси, Висаях, вплоть до Филиппин. Постепенно на востоке архипелага, особенно на Филиппинах и Висайских о-вах, где сначала пытались установить власть португальцы, преимущественные позиции все больше захватывали испанские завоеватели; в XV–XVI вв. они приплывали сюда из уже колонизованной Южной Америки.

В начале XVII века в Ост-Индию по уже проложенным путям стали прибывать голландцы; они были лучше вооружены, чем португальцы, и организованы единым руководством Ост-Индской компании. Колонизовавшие Индию англичане несколько позже укоренились на западе Индокитая — в Бирме, Малакке, Сингапуре.

Со временем португальское влияние ослабевало и в жизни, и в языках, уходя и из креольских диалектов, тяготевших к малайским составляющим; их стали обозначать как малайские диалекты (*Melayu Ambon*, *Melayu Menado* и некоторые другие). На п-ве Малакка по мере усиления власти англичан с начала XVIII века португальская креолизация сошла на нет; ныне здесь никто не упоминает о наличии таких креольских диалектов, хотя некоторые их пережитки еще остались (по крайней мере, отмечаются в словарях).

Особое положение сложилось только в восточной части о-ва Тимор, которая оставалась португальской колонией и при власти голландцев и после образования независимой Республики Индонезия. Попытки индонезийцев силой включить эту территорию в состав своей республики не увенчались успехом, в основном из-за того, что международные организации и Австралия этому препятствовали. В 2002 г. Восточный Тимор стал независимым государством Тимор-Лешти, а его государственным языком объявлен теттум — смесь португальского и местного языка того же названия.

Чтобы полнее обрисовать ситуацию в Юго-Восточной Азии (не затрагивая пока Океанию), напомним, что страны Центрального и Восточного Индокитая исконно находились под эгидой китайских императоров, с соответствующими последствиями для цивилизации, государственной организации, культуры и, конечно, языка и литературы этих стран. Подчинение европейским колонизаторам произошло после завоевания их Францией в XVIII–XIX вв.

Таким образом, весь этот огромный, богатый, но не объединившийся для сопротивления район ЮВА оказался поделен между европейскими империями. И это означало приход новых языков, которые колонизаторы внедряли в своих владениях на правах государственных.

Из всех этих колоний лишь в одной проводилась особая языковая политика — на территории современной Индонезии. Ост-Индская компания всячески ограничивала для туземцев возможность изучать голландский язык и знакомиться с европейской культурой. Колониальным народам — а среди них были носители высокой традиционной культуры на Яве, Суматре, Бали, — отводилась неизменная роль неспособных к сопротивлению черных дикарей, преклоняющихся перед божественными белыми «бланда» — как голландцев называли в Индонезии. Что же касается голландских чиновников, офицеров, священников, то они прибывали в колонию, уже изучив в метрополии малайский язык и сдав по нему экзамен.

В 1860 г. эта политика претерпела некоторые изменения: был принят «этический курс» (т. е. нормы отношения к местному населению) — в Индонезии создано несколько школ с преподаванием на голландском языке для подростков из высших слоев местного общества. Однако в Европу выпускников этих школ не пускали, тем более для получения высшего образования. Даже к 1955–1956 гг. в независимой Индонезии было всего 3–4 профессора-индонезийца — представители аристократии, которые получили в Голландии степень доктора наук (личная информация автора, исходящая от проф. Прийоно).

Издавна не только китайские купцы, но и индийцы, особенно с восточного побережья, совершали путешествия на острова Индонезии с целью

торговли. В первую очередь, конечно, они останавливались в портах Суматры, Сингапура, Северной Явы и далее на восток, и это не могло не влиять на языковую ситуацию в здешних местах. Особенно сказывались последствия торговли людьми. Португальцы, первые европейские колонизаторы на Яве, привозили много рабов из Индии в район Джакарты; образовался португальско-индийский пиджин, который и лег в основу разговорного жаргона Батавии.

Из Индии по мере развития торговли на острова Индонезии приходила также буддийская религия (и этот процесс продолжался), обремененная в определенные языковые формы, что влияет на речь и словесное творчество местных жителей. Этим, так сказать, высоким литературным уровнем индонезийско-индийская языковая конвергенция не ограничивалась. Малайские мореплаватели посещали Цейлон, основывали там поселения, смешиваясь с местным дравидийским населением, что привело к образованию специфического местного пиджина [Adelaar 2005].

Однако в следующем веке власть на Яве уже принадлежала голландцам, которые выселили индийских рабов из района Батавии, так что формирование диалекта столицы пошло иным путем.

Малайский язык, со всеми его вариантами, диалектами, креолами и пиджинами, по всей вероятности, входит в число 5–6 самых распространенных языков мира. Процесс его распространения начался в ранние V–VI вв., а может быть, и до этого. Возможно, этому способствовали характерные для этноса черты: малайцы издавна были отличными торговцами и мореплавателями, выходили в море и на ближние и на дальние расстояния для торговли, какого-либо промысла, а то и с целью пиратства.

Конечно, и другие этносы островного мира занимались мореплаванием, в результате чего австронезийцы освоили и Мадагаскар, и Океанию, однако именно малайские диалекты и жаргоны воспринимались как язык межэтнического общения в прибрежных поселениях на островах вплоть до Филиппин и Новой Гвинеи. Поэтому, рассматривая языковую конвергенцию в изучаемом ареале, мы уделяем внимание прежде всего малайскому языку, вполне обоснованно с давних времен получившему известность как «лингва франка» архипелага и частично — полуострова.

Ведь языки чамийских народов, в начале нашей эры уже обитавших на побережье и в центральных районах Юго-Восточного Индокитая, — это малайские языки. Причем литературная форма древнечамского языка (давшего самые первые письменные памятники среди австронезийских народов и их языков) во многом сходна с малайскими памятниками, даже по алфавиту индийского (паллавского) происхождения.

Собственно малайские насельники стали занимать земли Малаккского п-ва довольно поздно, в XIII–XIV вв., причем уже в конце XVI — начале XVII вв. сюда вторглись португальские колонизаторы и султанский двор Малакки переселился на о-в Риау.

Исследования А. Аделаара, никем не опровергнутые (хотя столкновение противоречивых мнений и теорий — обычное явление в австронезистике), показали, что местом первоначальных поселений малайских племен (под разными названиями) было северо-западное и западное побережье о-ва Борнео, откуда их пироги плыли сначала на о-ва Бангка и Билитон, далее на о. Суматру, на Цейлон. Позже или одновременно группы малайцев отправлялись на восток, на Молукки, Целебес, Тимор [Adelaar, 2005]. Контакты и смешение языков — малайского с местными — происходили по-разному.

Европейские лингвисты уделяли много внимания изучению и описанию малайского письменного языка; к середине XIX в. существовало множество грамматик и учебников, причем наиболее признанной была литературная форма, отработанная при дворе султанов о. Риау. Таким образом, малайский язык, можно сказать, был готов к роли общего официального языка, и он стал исполнять эту роль в Голландской Индии поэтапно — с 1860 г., затем на новом уровне в 1928-м и в 1942 г. И он был окончательно провозглашен единым языком в Конституции Республики Индонезии 1945 года.

Взаимовлияние языков, принадлежащих к разным семьям, наблюдается и на островах и в Индокитае. Здесь на сравнительно небольшой территории в результате многовековых передвижений и перемещений обитают в контакте носители языков нескольких семей и языковых групп. В целом на территории Индокитая можно исследовать явления конвергенции двух родов — сближения и скрещения двусторонние, происходящие — весьма вариативно — в определенных ограниченных областях, и смешения многосторонние, по типу языкового союза. На всю эту пеструю картину как бы наброшена двойная сетка влияния языков, базирующихся в основном вне Индокитая, — это влияния древних форм индийских и китайского языков и письменностей, привнесенных вместе с религиозными идеологиями и торговыми связями.

Феномен языкового союза мы исследуем и описываем отдельно по данным интерференции неродственных языков в регионах восточного и центрального Индокитая (соответственно исключая территории Малайзии и Бирмы): см. ниже: ч. II гл. 5 «Языки ИТ».

В Восточной Индонезии фактически продолжается ареал АН языков, где они смыкаются с языками Новой Гвинеи и соседних островов; исконное население здесь — папуасы. Происходят естественные контакты между на-

родностями разной генетики, смешение этносов и их языков. Степень этого смешения нарастает от запада к востоку. На самом восточном из крупных островов — Тиморе — наблюдается особенно интенсивное папуасское влияние на местные АН диалекты. Есть на востоке острова и район, населенный новогвинейцами.

На других архипелагах и островах Восточной Индонезии — Южных Молукках, Ару — местные языки также в той или иной степени претерпели внешние влияния, и результатом явились значительные типологические изменения в их строе. Основные сведения об этом даны в главе 5 части II, здесь подчеркнем лишь некоторые изменения — те же, которые характерны для языков ВИТ:

- обеднение аффиксации;
- богатые парадигмы местоименных клитик, которые не только заменяют имена, но и выражают синтаксические связи;
- почти полное отсутствие в языках ВИТ столь важных в ФТ и МТ морфологических средств выражения предикатно-актантных отношений.

В плане национально-языковой конвергенции регион Океании, населенный сотнями народов в основном австронезийской генетики, представляет исключительную по сложности и разнообразию картину. АН народности, в том числе, малайцы, приплывали на пирогах и яхтах еще в первые века нашей эры. Они передвигались, меняли место, выбирая, где лучше жить. При этом разные племена соединялись или делились, что неизбежно сопровождалось делением и скрещением языков, число которых дошло до тысячи.

Среди других азиатских народов также умелыми мореплавателями были, вероятно, китайцы, группы которых приплывали на острова и оседали на них.

Более существенное историческое значение имело появление на островах мореплавателей из Европы. Сначала, как и везде, это были португальцы (XV–XVIII вв.), но они не оказали существенного влияния на развитие экономики и культуры региона. В начале XVII в. предприняла экспедицию в Океанию голландская Ост-Индская компания, но ее внимание было сосредоточено в основном на Малайском архипелаге. В XVII–XVIII вв. английские мореплаватели стали постепенно осваивать регион, его острова и архипелаги. Базой англичан были Новая Зеландия и Австралия, откуда отправлялись экспедиции в иные части Тихого океана. Интерес к Океании проявляют и другие империи Европы. Французы основываются во Французской Полинезии (центр — о-в Таити), немцы — на о-вах Самоа и Новой Гвинеи, в 1896 г. Гавайское королевство подчинили себе американцы.

Колонизаторы подчас просто истребляли местное население, в других случаях оно гибло от занесенных инфекций, к которым у местных жителей не было иммунитета. Молодых аборигенов забирали служить на европейские суда, перемещали на разные острова для работы на плантациях; рабочую силу дополнительно привозили из Индии, Японии, с Филиппин.

Описанные межэтнические контакты, естественно, порождали проблему языкового общения. Необходимость речевого общения людей приводит к смешениям языков, говоров и наречий, образованию многих пиджинов и креольских языков. Среди них наиболее распространенными были формы бытового общения, которые формировались из смеси элементов английского с языками аборигенов. Так появились языки ток-писин, бичламар, бислама, пиджин-фиджи и многие другие варианты с участием разных диалектов.

Подробный квалифицированный обзор межэтнических контактов и сопутствующих им конвергентных языковых процессов, с богатой библиографией, дан в монографии проф. В. И. Беликова «Пиджины и креольские языки Океании» (М., 1998). Как иллюстрацию я заимствую из этой книги данные одной из итоговых таблиц, характеризующие ситуацию на Гавайях, колонии США, где исконный язык в конце концов был утрачен полностью, а гавайские названия сохранились только в стандартном английском.

Таблица 1

**Акультурация основных групп иммигрантов
на Гавайских островах за 1910–1930 гг.**

Этническая группа	Всего иммигрантов, тыс. чел. (доля в населении, %)		Мужчины, %		Неграмотные (с возраста 10 лет), %		Не говорящие по-английски (с возраста 10 лет), %		Доля среди учащихся, %	
	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.	1910 г.	1930 г.
Китайцы	21,7 (1,3)	27,2 (7,4)	79,0	60,9	32,3	15,7	63,1	22,4	11,0	9,1
Португальцы	22,7 (11,6)	27,6 (7,5)	51,9	50,3	35,4	9,7	28,9	5,1	19,0	9,0
Японцы	79,7 (41,5)	139,6 (37,9)	68,7	53,7	35,0	12,7	79,0	29,8	28,2	49,8
Пуэрто-риканцы	4,9 (2,6)	6,7 (1,8)	58,7	54,3	73,2	32,0	67,3	21,0	1,4	1,4
Корейцы	4,5 (2,31)	6,5 (≈1,8)	87,4	61,5	25,9	17,6	81,7	21,5	1,0	2,3
Филиппинцы	21,0 (8,2)*	63,1 (17,1)	80,2*	83,3	46,7*	38,5	60,4	24,0	2,3*	4,6

* Данные приведены за 1920 г., так как в 1910 г. филиппинцев насчитывалось лишь 2,4 тыс. (В. Беликов, 1998: 137).

Глава 3

Принципы выделения и описания структурных типов

О методике сопоставления

При работе над материалом такого огромного региона вряд ли могут быть успешными попытки сравнивать сразу все языки архипелагов со всеми языками полуострова. Необходимо сначала провести некоторую типологизацию основных структурных характеристик, т. е. выработать представление о типах, причем типах систем, и о типологически релевантных признаках, причем также входящих в систему. Иными словами, представление о языке как системно-структурном образовании [Солнцев 1978] остается для нас основополагающим принципом.

Существуют ли концепции структурных типов, позволяющие классифицировать языки рассматриваемого региона? Очевидно, что мы находимся на начальном этапе подобных штудий, хотя некоторые шаги уже сделаны.

Суммируя предложения лингвистов относительно группирования АН языков, по-видимому, можно выделить четыре основных типа: малайский (МТ), филиппинский (ФТ), восточно-индонезийский (ВИТ), океанийский (ОТ). Их главные структурные признаки и соответствующая аргументация были даны в [Алиева 1998: 160–163].

Названные типы, скорее всего, не исчерпывают все разнообразие сотен АН языков и диалектов. Вероятно, могут быть выделены и другие типы — и, несомненно, подтипы. Например, мною не рассмотрены группы языков населения островов Сулавеси и Мадагаскар и близлежащих к ним мелких островов.

Что касается языков Индокитая, характеризующихся главным образом как аналитические (аморфные, изолирующие), то среди них выделяются два типа: индокитайский и синетический (т. е. китайско-тибето-бирман-

ский), кардинальное различие между которыми определяется позицией зависимых единиц в синтаксических и морфологических образованиях. Понятие индокитайского языкового союза и связанного с ним типа (ИТ), которое используется ниже, сформулировано, как сказано, в виде перечня и анализа признаков в [Алиева 1982; 1984; Алиева и Б. Кх. Тхе 1999: 160–163; Alieva 1984; 1994].

О подходе к описанию типов

Свойства отдельного типа обычно определяются как абстрактные лингвистические категории, а в ряде случаев они демонстрируются на примерах из конкретных языков. В первую очередь приводятся примеры из языков, традиционно представляющих тот или иной тип; из малайского/индонезийского — для МТ, из тагальского — ФТ, из маори — ОТ, из нескольких разных — ВИТ. Но этим мы не ограничиваемся. Для характеристики индокитайского типа взяты данные из языков, относящихся к разным семьям и подсемьям: стандартного тайского (тайская семья), вьетнамского и кхмерского (вьет-мыонгское и мон-кхмерское подразделения АА языков), чамского (АН малайский язык, утерявший в результате контактов исконную структуру и служащий примером ИТ для авторов: [Алиева и Б. Кх. Тхе 1999]).

Уровни и единицы описания

В настоящем исследовании, сопоставляющем синтетические и аналитические языки, вопросу об уровнях языковой структуры, естественно, должно быть уделено особое внимание.

Во-первых, разграничение сфер грамматики и лексики в языках рассматриваемого региона часто выглядит нечетким. Во многих случаях при применении средства аффиксации или удвоения, лексическое и грамматическое значения совмещаются. Такой синкретизм составляет один из признаков, характеризующих индонезийский тип агглютинации [Alieva 1967].

Среди характерных явлений — имплицитная транспозиция, или конверсия частей речи: одна и та же знаменательная единица (обычно равная одной морфеме, но не всегда) выполняет функции различных частей речи и проявляет себя по-разному в дистрибутивном плане: как имя, глагол, прилагательное. Напомним, что значительный аналитизм английского языка тоже дает явление конверсии, однако слова принимают флексии (имени, глагола), что для истинно аналитических языков исключено.

Во-вторых, привычное для традиционной грамматики деление сферы грамматики на морфологию и синтаксис релевантно не для всех языков региона. Такое разграничение может описываться в языках, располагающих синтетическими морфологическими средствами, — это языки ФТ и МТ, в которых есть аффиксация и удвоение (подчас служащие, как показано, деривации).

Языки ВИТ, после происходившего в течение многих веков смешения, хоть и сохранились в основных чертах как австронезийские, но во многом изменились: утеряны многие морфологические компоненты, существенно преобразилась структура морфемы и стали иными некоторые синтаксические построения, вплоть до формирования препозиции притяжательных определений.

Аналогичные явления на грамматическом уровне наблюдаются в языках ОТ и ИТ, которые лишены аффиксации, по крайней мере, продуктивной, и в которых удвоение работает в основном на лексическом уровне. Соответственно, и понятия «морфологические средства, морфологический уровень» к ним по существу неприменимы (если не вкладывать в термины иное содержание).

Если исходить из этого и иметь в виду сопоставимость при описании явлений, то приходится отказаться здесь от опоры на понятие в точном смысле морфологического уровня. Уровню синтаксическому в данной работе противопоставлен уровень морфем и слов. Естественно, морфемы рассматриваются и как высший ярус в фонологии; при этом проблемы фонологии довольно подробно изучены разными авторами и в данной работе им не уделяется специального внимания.

Синтаксический уровень расчленяется на подуровни:

- а) бинарных сочетаний: словосочетаний и грамматических комплексов;
- б) синтаксических групп;
- в) простых и усложненных предложений;
- г) сложных предложений.

Структуры (б) и (г) суть производные сложения более простых единиц. Они специфичны для каждого языка и не поддаются сопоставлению в том обобщенном подходе, который принят в данной работе.

Поэтому мы будем сравнивать лишь структуры (а) и (в), которые, однако, фокусируют в себе основные приемы построения синтаксических моделей, релевантные и достаточные для нашего сопоставления.

Внутри систем различных языков правила построения единиц морфологического (морфемно-словесного) уровня нередко коррелируют с построениями на синтаксическом уровне. В связи с этим уместно использовать понятие доминанты межуровневой зависимости, специально рассмотренной ниже (Доминанта 1).

В аналитических языках различение двух обозначенных выше видов бинарных синтаксических единиц имеет принципиальное значение. С одной стороны, это обычное понятие словосочетания как бинарного сочетания лексических единиц на основе их лексической валентности. С другой — грамматический комплекс (показатели со значениями времени, вида, модальности, залога, степеней качества и сравнения, лица, числа, локализации и ориентации, принадлежности и некоторые другие) — бинарное сочетание ядерной лексической единицы на основе ее грамматической потенции с аналитическим служебным показателем. Хотя грамматический комплекс как особую единицу не принято выделять и описывать отдельно, мне, однако, такое выделение при описании аналитических структур представляется весьма необходимым.

В большинстве аналитических языков ИТ и многих МТ позиции зависимого компонента в первом и втором виде бинарных сочетаний противоположны: в лексическом словосочетании зависимое слово стоит в постпозиции, а в грамматическом комплексе показатель (незнаменательная частица или делексикализованное знаменательное слово) — в препозиции.

Квантитативный подход

Характеристика языка, естественно, выводится из структуры текста на нем. В первую очередь выделяется текст с определенным количеством слов — не менее ста. Уровень синтетичности языка проявляется в наличии в тексте слов многоморфемных, и чем их больше, чем сложнее их состав, тем больше число морфем в выбранном отрывке текста. Подсчитывается число всех морфем, как изолированных, равных слову, так и входящих в состав сложных слов. Отношение числа морфем к числу слов (M/W) — это индекс синтетичности по Гринбергу. Он и является первой квантитативной характеристикой, позволяющей сравнивать языки. Однако уже на этом этапе возникают трудности, поскольку и структура слова в разных языках и ее интерпретация различными исследователями могут сильно различаться. Эти сложности достаточно наглядно показаны в коллективной монографии ленинградских лингвистов под редакцией В. Касевича и С. Яхонтова «Квантитативная типология языков Азии и Африки» [КТАА 1982].

Для иллюстрации сначала приведу индексы синтетизма, подсчитанные мной на материале индонезийского/малайского языка. Подсчеты были сделаны на семи текстах ИЯ, МзЯ и МЯ (старый малайский), отразивших разницу между высоким литературным и простым разговорным стилями; получены индексы синтетизма (M/W) от 1,187 до 1,455 [Алиева 1998: 37–42]. У А. Оглоблина для одного текста ИЯ был получен индекс 1,59 [КЕАА

1982: 132]. Средний индекс для ИМЯ по восьми текстам = 1,386. Индексы синтетизма для МАО = 1,03, для ЧЯ = 1,02 [Алиева 1998: 56]. Близость этих индексов весьма информативна, несмотря на принципиальное различие структур между океанийскими и чамийскими языками; в частности, различен характер их аналитических показателей в тексте.

Естественно, возникает желание провести сравнение с языками, в которых много аффиксов, — филиппинскими. Я изучала тагальский язык и не сомневалась, что его уровень синтетизма гораздо выше, чем в ИМЯ. Однако в упомянутой коллективной монографии (КТАА 1982) были использованы оригинальные подходы к определению слова. Показатель синтетизма, полученный Рачковым для тагальского языка — $M/W=1,425$, даже ниже, чем высший индекс для ИМЯ. Я позволила себе пересчитать слова и морфемы в тексте, использованном Рачковым, и получила соотношение $M/W= 280/183$ (включая в число морфем 18 слогов-редупликаторов) = 1,590. Сравнение языков разных типов АН по индексам синтетизма получается весьма показательным: 1,02 — ЧЯ, 1,03 — МАО, 1,386 — ИМЯ, 1,590 — ТАГ.

Далее, в описаниях уровня слова\морфемы в каждом из типов будут показаны различия используемых в них синтетических и аналитических средств, которыми порождены названные различия в индексах синтетизма.

Здесь остановимся сначала на одной наиболее общей черте морфологии — характере агглютинации.

Глава 4

Агглютинация индонезийского типа

Упомянутое выше различие структур синтетического типа, проводимое традиционной морфологической типологией, — это один из возможных подходов. Сразу можно сказать, что в языках Юго-Восточной Азии и Океании в качестве синтетического средства представлена основанная на аффиксации агглютинация, — средство, принципиально отличное от флексии.

Главное основание для такого определения — это присутствие одного семантического значения в каждой присоединяемой к основе служебной морфеме, в отличие от флексий, в которых совмещаются два или более значений, обычно — грамматических. Почему мы говорим об индонезийском типе агглютинации, чем она отличается, например, от алтайского или финно-угорского типов? Понятие агглютинации индонезийского типа было обосновано мной еще в 60-х годах [Алиева 1965; 1998; Alieva 1967]. Денотатом названия «индонезийский» здесь является не один ИМ язык, а вся обширная группа родственных и структурно сходных АН языков, для которых характерно наличие префиксов, инфиксов и конфи́ксов, а также часто встречающийся синкретизм аффиксов, совмещающих в одном форманте одно грамматическое значение со значением деривативным, обычно — транспонирующим. Автора, показавшего именно эту особенность — синкретизм, поддержали и другие отечественные специалисты. Особенность состоит в том, что индонезийскому типу агглютинации не присуще такое принципиальное свойство, как последовательное разграничение деривационных и словоизменительных грамматических аффиксальных моделей. Модели синкретические, в которых совмещаются грамматические и словообразовательные функции аффиксов, представляют специфическое принципиальное свойство агглютинации в АН языках [Алиева 1963б, 1965б, 1965в, 1998; Алиева и др. 1972; Alieva 1967, 1975, 1978, 1983, 1996а; Демидюк 1987; Каштанова 1981; Макаренко 1970; Павленко 1977; Шкарбан 1967,

1995]. Явление совмещения грамматических значений, т. е. флективность, отмечается редко и не может считаться обычным.

Для индонезийского типа агглютинации характерно морфонологическое явление чередования на границе или в начале морфем некоторых префиксов и основы. Например, в ИМЯ глагольный префикс актива *me-/-meN* имеет варианты *mem-*, *men-*, *meng-*, *meny-*, определяемые инициальной основы, которая меняется соответственно:

balas > *membalas*, *palu* > *memalu*, *dasar* > *mendasar*, *jadi* > *menjadi*, *cari* > *mencari*, *tukar* > *menukar*, *garis* > *menggaris*, *kasih* > *mengasih~mengkasih*, *nyata* > *menyatakan*, *satukan* > *nyatukan*. Аналогичные изменения происходят с префиксом *pe-/peN-*: *pembalus*; *pemalu*; *pendasar*; *pencari*; *penukar*; *pengasih*.

Сходные морфонологические чередования происходят и в других малайских, яванских, филиппинских языках.

В полинезийских (тип ОТ) существуют суффиксы, в основном это суффикс пассива, у которого меняется инициаль. Другая характерная особенность морфологии языков АН — широкое и разнообразное использование способов удвоения корневой морфемы на всех уровнях: морфемном, морфонологическом и словесном.

Удвоение бывает полное и частичное, оно используется для придания разным частям речи количественных значений, а прилагательным — вариаций интенсивности качества.

В некоторых словах удваиваемые морфемы, их части изменяют звуковой состав и этим изменениям сопутствует семантическое варьирование. Наиболее богаты такими приемами языки Восточной Индонезии.

В системе агглютинации есть третий набор средств морфологических построений и изменений функций слов. Для АН языков характерно наличие систем местоимений с богатыми явлениями варьирования. Обычно личным местоимениям сопутствуют притяжательные формы. Особенно специфично наличие кратких форм местоимений — клитик, различающихся позицией по отношению к ядерному компоненту: в постпозиции стоят энклитики, в препозиции — проклитики, некоторые слитно, некоторые отдельно. Оттенки их значений весьма разнообразны: притяжательность, предикатно-актантные функции.

В целом парадигмы клитик весьма обогащают как морфологические, так и синтаксические структурные возможности языков и должны быть признаны активной составной частью агглютинации в АН семье.

Особенно многообразны морфонологические чередования в языках Восточной Индонезии, поскольку здесь активно используются местоименные проклитики и энклитики и одновременно — приемы метатезы и элизии

(см., например, на с. 83 табл. 2 «Язык камбера...» в разделе «Языки Восточной Индонезии» (ч. II, гл. 3); очень богато эти явления представлены в книге А. Энгеленховена «Язык лети» [Engelenhoven 1995]). Сами клитики и часто слова, в состав которых они входят, при этом меняются до неузнаваемости; авторы описаний часто не могут вывести какие-либо регулярные правила таких изменений. Возможно, такие особенности дают основание для того, чтобы поставить вопрос о наличии наряду с индонезийским восточно-индонезийского типа агглютинации.

Во всяком случае очевидно, что агглютинация в АН языках с ее тройственной системой средств принципиально отлична от алтайского типа. В алтайских языках преобладают суффиксы и нет префиксов, инфиксов, конфи́ксов, а морфонологические изменения происходят с гласными по типу сингармонизма.

Глава 5

Доминанты языкового строя

Определение

Доминирующие черты структуры каждого языка связаны в первую очередь с особенностями его аналитизма и синтетизма (агглютинация, флексия).

На этом фоне существуют специфические доминантные черты, или доминанты, импликации которых по-разному представлены в разных типах языковых структур и должны учитываться при их описании. В этой работе будут рассмотрены три доминанты общего характера, импликации которых представлены в рассматриваемых пяти типах; для наглядности они будут показаны в трех таблицах.

Доминанта 1. Фреквенталия межуровневой зависимости

Например, одним из самых распространенных явлений представляется наличие некоторых признаков изоморфизма между уровнями грамматической структуры — морфологии (или морфемы-слова) и синтаксиса. Еще в 1960 г. Дж. Гринберг отметил, что между порядком элементов на этих двух уровнях существуют признаки некоторых постоянных соотношений, неабсолютных, но в некоторой степени регулярных [Greenberg 1960; Гринберг 1970]. Они регулярны, однако, для одного языкового типа, и, напротив, при сравнении типов между собой выступают скорее как противоположные, обратные.

Эту идею на материале тюркских языков в нашем языкознании развивали Н. Баскаков [1975: 38–39], а затем Н. Гаджиева и Б. Серебренников [1986: 24–25], которые охарактеризовали ее как типологическую фреквенталию. Названные авторы, опираясь на факты агглютинативных алтайских языков, сформулировали тезис о межуровневой зависимости

в системе языка между позицией аффиксов в слове на морфологическом уровне и позицией зависимого слова в словосочетании. Они утверждали, что корреляция — прямая, исходя из некоторых, неоспоримых, с моей точки зрения, логических построений; это показано, в частности, в [Алиева 1998: 47–51]. На самом деле, тут корреляция — скорее обратная: правая позиция морфологического зависимого компонента — суффикса, послелого, энклитики — коррелирует с левой позицией синтаксического зависимого компонента — атрибута, актанта — в словосочетании. Такова ситуация в алтайских языках.

Охват более широкого материала позволяет мне модифицировать указанную концепцию, включая в рассмотрение и аналитические модели грамматического назначения — грамматические комплексы, которые присутствуют, между прочим, и в морфологически развитых языках в виде сочетаний лексем с предлогами, послелогоми, артиклями, вспомогательными глаголами и т. п.

Мною была сделана попытка применить этот подход к языкам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. С некоторым уточнением его действительно можно применить при общей характеристике структурных типов, хотя нельзя считать абсолютно приемлемым для изучения всех языков.

Если, используя предложенный подход, включить в рассмотрение, с одной стороны, языки АН и ИТ, а с другой — алтайские и тибето-бирманские, то в целом фреквенталию межуровневой зависимости можно описать так.

1. В первой группе, где префиксы и/или препозитивные показатели в грамматических комплексах (служебные и вспомогательные слова) коррелируют с постпозицией зависимых слов в словосочетаниях (= свободных синтаксических сочетаниях лексических единиц), наблюдается обратная корреляция. При этом производные слова и грамматические комплексы здесь коррелируют непосредственно: зависимые морфемы в словах стоят слева (префиксы, грамматические показатели и т. п.), а ядерные компоненты в комплексах — справа. Глагол-сказуемое стоит в начальной позиции предложения.

2. В языках АН и ИТ, где суффиксы и/или постпозитивные грамматические показатели в грамматических комплексах коррелируют с препозицией зависимых слов в словосочетаниях, между двумя уровнями также существует обратная корреляция. В то же время здесь имеет место и прямая корреляция внутри единиц одного уровня — между порядком компонентов в производных словах и грамматических комплексах: зависимые компоненты — суффиксы, постфиксы-послелого, энклитики — стоят справа, а ядерные компоненты — слева. Глагол-сказуемое стоит в конечной позиции предложения.

При всей своей иерархической простоте предлагаемые формулы кажутся, на первый взгляд, слишком уж системными. Однако они действительно просматриваются в некоторых группах языков: формула 2 — в МТ и ИТ, формула 1 — во многих алтайских и сино-тибетских. Можно указать и на негативное подтверждение этих формул: в языках со свободным порядком слов представлены и префиксальные и суффиксальные модели, как, например, во флективном русском и агглютинативном тагальском (ФТ). Пока неясна ситуация в языках ВИТ с их многообразным употреблением полных и кратких местоимений. В некоторых языках ареала — МТ, мон-кхмерских — существуют и аффиксальные образования, причем характерная позиция аффиксов в слове — слева: это префиксы и немногочисленные инфиксы. Возможно, в этих языках действует частотное правило прямого изоморфизма для выражения грамматических значений — между префиксами и препозитивными грамматическими показателями. И эта прямая корреляция есть одна сторона в общей непрямой корреляции, вторую сторону составляют свободные синтаксические единицы: лексические словосочетания и синтаксические группы с постпозицией зависимого компонента.

В целом показанные корреляции демонстрируют, безусловно, сложность и неоднозначность проблемы межуровневого изоморфизма, однако, будучи поставленной, она не может не рассматриваться при сопоставлении языковых структур. Она принимается здесь как типологически значимая доминантная черта.

Конкретные явления межуровневых соотношений в пяти типах языков ЮВА — доминанта 1 — зафиксированы нами в табл. 1.

Доминанта 2. Контенсивные отношения

Следующая доминантная черта, которую ее автор, Артур Кэпелл, назвал контенсивной, позволяет классифицировать языки по уровню развития морфологии, подразделив их на:

- предметно-доминированные (object-dominated, OD) — с богатой именной морфологией;
- акционально-доминированные (event-dominated, ED) — с богатой глагольной морфологией;
- с двойным доминированием (double-dominated, DD) — с богатой морфологией в обеих областях;
- нейтрально-доминированные (neural-dominated, ND) — аморфные, или аналитические [Capell 1965; 1979].

А. Кэпелл пытался связать эти различия с характером мышления разных этносов и поэтому называл свою типологию контенсивной, однако он не сумел привести убедительную аргументацию своей мысли. Мне кажется более правильным, что у всех языков достаточно средств для выражения всех аспектов мышления, как предметных, так и акциональных, но каждый язык использует для этого свои, разные возможности и средства. Если в какой-то сфере слабо развита морфология, то используются аналитические средства, специфические лексические сочетания, синтаксические модели, интонационное членение. Все средства по-разному взаимодействуют в системе языка, и этим предопределяется разнообразие структурных типов.

В таком понимании предложение А. Кэпелла представляется продуктивным для типологии, и мы принимаем его как вторую доминантную черту, показанную в табл. 2.

Доминанта 3. Категория притяжательности

Третьей доминантной чертой, импликации которой возможны как на лексическом уровне, так и на обоих грамматических подуровнях, я называю речемыслительную категорию притяжательности (посессивности).

Наряду с обычно описываемыми в дескриптивистике способами выражения принадлежности в именных словосочетаниях, следует уделять внимание вопросу о наличии в языке исконного глагола со значением «иметь» и, в связи с этим, о способах построения предложений со значением обладания.

Факты и их интерпретации в этой обширной сфере, формирующей систему каждого языка наряду с предикатно-актантными и коммуникативными отношениями, в разное время рассматривались выдающимися лингвистами (В. Гумбольдт, Ф. Финк, К. Уленбек, Г. Шухардт, Э. Бенвенист, И. Мещанинов, В. Иванов, В. Топоров).

О доминантной роли категории притяжательности в строе языков вообще и особенно в тех, которые можно отнести к посессивному типу, кратко и емко высказался В. В. Иванов: «Под языком притяжательного типа имеется в виду такой язык, в котором не только притяжательные отношения в узком смысле, но и ролевые и локативные (в некоторых случаях — и атрибутивные) отношения выражаются (или — в менее отчетливых случаях — могут выражаться) с помощью притяжательных морфем. Этот способ оказывается грамматически доминирующим» [Иванов 1986: 132–133].

В этом высказывании сформулировано понимание доминанты, которое и нам кажется наиболее приемлемым. Рассмотрению доминантной роли категории притяжательности в ИМЯ и некоторых других языках посвящена

вся вторая часть моей монографии 1998 г. (с. 25–32), а также ряд статей [Alieva 1980; 1988].

Языки Юго-Восточной Азии демонстрируют различные импликации посессивной доминанты, предопределяющие ее существенную роль в сравнительной типологии. (Они представлены в табл. 3.)

Каким образом импликации трех названных доминантных черт реализуются в типовых системах описываемого ареала, я попыталась показать в трех таблицах. В них отражены явления, существующие в пяти структурных типах — ФТ, МТ, ВИТ, ОТ, ИТ. То, что встречается, например, в алтайских языках с их агглютинацией иного типа, здесь не рассматривается.

Условные обозначения в таблицах:

- + явление продуктивно в языках данного типа;
- явление отсутствует либо непродуктивно;
- ++ явление высокопродуктивно;
- +/- явление в одних языках данного типа есть, в других его нет;
- [+] явление встречается нерегулярно, малопродуктивно;
- 0 (ноль) явление нерелевантно, не отмечено в языках данного типа

Таблица 1

Доминанта 1. Фреквенталия межуровневых соотношений

(а) позиции зависимых лексических и служебных слов на синтаксическом уровне;

(б) позиции морфологических формантов слова

	ФТ	МТ	ВИТ	ОТ	ИТ
	1	2	3	4	5
<u>Позиция глагола-сказуемого</u>					
1. Инициальная	+	+	+	+	[+]
2. Вторая: после подлежащего	+/-	+	+/-	+/-	+
3. Конечная (после дополнений)	-	-	-	-	-

Таблица 2

**Доминанта 2. Морфологическое контенсивное доминирование
(по А. Кэпеллу)**

СФЕРЫ ИМПЛИКАЦИЙ	ФТ	МТ	ВИТ	ОТ	ИТ
	1	2	3	4	5
<u>Предметно-доминированные системы (OD)</u>					
1. Грамматическая морфология имен	–	–	–	–	–
2. Деривативная морфология имен	++	+	+/-	–	+/-
3. Аналитические грамматические показатели в именных группах	+	+/-	+/-	++	+
<u>Акционально-доминированные системы (AD)</u>					
Грамматическая морфология глаголов	++	+	+	+/-	–
Деривативная морфология глаголов	++	+	+/-	–	–
Синкретичная морфология глаголов	++	+	+/-	+/-	–
а) транспозиция + залог/фокус	+	+	+/-	–	–
б) транспозиция + переходность	+/-	+	+/-	+/-	–
4. Аналитические грамматические показатели в глагольных группах	+	+	+	++	++
<u>Двусторонне доминированные системы (DD)</u>					
Морфология глаголов + морфология имен	+/-	+/-	+/-	–	–
<u>Нейтрально-доминированные системы (ND)</u>					
1. Отсутствие именной морфологии	–	–	–	–	–
2. Отсутствие глагольной морфологии	+	+	+/-	+/-	–

Таблица 3

Доминанта 3. Поссесивность и ее импликации

СФЕРЫ ИМПЛИКАЦИЙ	ФТ	МТ	ВИТ	ОТ	ИТ
	1	2	3	4	5
<u>Пропозиция обладания в предложении</u>					
1. Сказуемое – глагол «иметь»:					
а) исконный глагол «иметь/быть»	+ / -	+ / -	-	-	+
б) вторичный/заимствованный глагол «иметь» ...	+	+	+ / -	+ / -	+ / -
в) префиксальный отыменный глагол обладания ...	+	+	+ / -	+ / -	-
2. Предложение наличия: притяжательное словосочетание + глагол/показатель наличия или отсутствия	+	+	+	++	+
3. Субъект-топик + предикативная пара с отношением наличия	+	+	+	+	+

Часть II

Структурные типы островных и полуостровных языков ЮВА

Теперь, когда выделены и названы структурные типы языков, которые мы будем сравнивать, можно выдвинуть следующую задачу: дать краткое, по возможности цельное описание структуры каждого типа и ее системобразующих особенностей.

Глава 1

Малайский тип (МТ)

В плане генеалогической классификации в западно-индонезийском подразделении АН языков выделяется малайско-яванская группа [Оглоблин 1996; 2009] и в ней — малайская подгруппа, исследование фонологии и морфологии которой на уровне новейшего языкознания было начато А.К. Аделааром [Adelaar 1985]. Им рассмотрены шесть близкородственных «изолектов»: МЯ, минангкабау, ибан, банджар, серавей, джакарта. Слово «изолект» автор использует как обобщающий термин, поскольку не всегда отчетливо видно, язык изучается или диалект. Названный перечень не исчерпывает всю малайскую подгруппу, есть еще целый ряд изолектов. В более поздних работах Аделаара и ряда других ученых был поставлен вопрос об отнесении к этой же подгруппе чамийских языков (Вьетнам и Камбоджа) и языка ачех (Северная Суматра). Некоторые авторы склонны включать ачех в чамийскую группу. Мои аргументы против этого были изложены в специальной рецензии [Alieva 1988], хотя нельзя отрицать, что черты типологического сходства между ачех и чам действительно есть. С малайскими языками их связывают генеалогия и лексикостатистика; структурные различия между ними слишком велики, причем чамийские языки в этом отношении определенно примыкают к индокитайскому типу.

Древнейшие надписи на малайском языке (VI в. н. э.) и созданные впоследствии тексты на пальмовых листьях были написаны алфавитом на санскритской основе (пали). С приходом ислама стал внедряться арабский язык и фиксация малайских текстов несколько видоизмененным арабским шрифтом. Во второй половине XIX в. голландская колониальная администрация в Индонезии и английская — на Малакке все более настойчиво

вводили в употребление для записи малайского языка латинский шрифт (его голландский и английский варианты); с наступлением XX в. начинается преобладание латиницы и в немусульманских текстах в Индонезии, с середины XX в. — широкое внедрение латинской письменности в английских колониях. К началу 70-х годов XX в. Коран был переведен на индонезийский язык и записан латиницей. В 1972 г. был принят разработанный совместной индонезийско-малайзийской комиссией единый латинский алфавит, оптимальный для фонологической системы обоих вариантов МЯ; были устранены несоответствия, проистекавшие из-за различий в голландской и английской системах письма. Впоследствии принимались меры для разработки единой терминологии.

Различные письменные формы МЯ на разных исторических этапах употреблялись в разных сферах официального общения и привлекали к себе внимание многих людей, интересующихся филологией. Это были и представители феодальной аристократии (в том числе и с мусульманским образованием), и христианские миссионеры, и чиновники колониальной администрации — как голландской, так и английской. В результате к нашему времени среди сотен языков Малайского архипелага (включая, конечно, п-ов Малакку) именно малайский язык в разных своих формах описан наиболее подробно и разносторонне. Надо при этом отдать должное правительству Индонезии, систематически стимулирующему научное изучение региональных языков, создание словарей, грамматик и школьных учебников.

Нередко выражается мнение, что в Индонезии и Малайзии якобы существуют разные варианты стандартного письменного языка, и даже разные языки. Однако с точки зрения лингвистики вообще и тем более АН языкознания, есть все основания и в наше время утверждать наличие единого индонезийско-малайзийского языка — ИМЯ. Он существует ныне в двух стандартных вариантах — индонезийском ИЯ и малайзийском МЗЯ. Это касается как лексики, так и грамматического строя. О последнем и пойдет речь далее.

Основной язык на Яве — яванский; он используется в современной письменной литературной форме и в ряде разговорных диалектов на Яве и Суматре; сохранилась донныне также форма древнеяванского языка с особым санскритским письмом «кави», на котором существует богатейшая литература индуистского и буддийского содержания. По мере внедрения ислама эти виды языка и письменности оттеснялись на восток и были восприняты населением о-ва Бали. Язык и литература Бали в течение многих веков развивались в интерференции с яванскими классическими формами, которые сохранились до современности.

На самой Яве классическим литературным языком владело, естественно, лишь аристократическое меньшинство населения. В просторечии использовался ряд разговорных диалектов и говоров, часто со значительными фонетическими и лексическими различиями. Более современные и демократичные формы письменного языка вырабатывались в конце XIX и в течение XX века, а в последние десятилетия на письменный язык все более активно влияли формы стандартного малайского языка, признанного общеиндонезийским национальным и с 1945 г. — государственным языком Республики Индонезия. Это влияние, связанное с распространением двуязычия (что характерно для всей Индонезии), по мере все большего вытеснения яванского, как и других местных языков, из сфер образования, официального и делового общения, становилось все активнее.

В конце XX в. яванский язык считался родным для 74 миллионов человек, хотя к тому времени масса людей из-за чрезмерной плотности населения Явы переместилась на Суматру и Калимантан.

Число носителей второго по значимости языка Явы, сунданского — 20,5 млн., третьего, мадурского — 9 млн.

На сунданском языке и его диалектах говорят жители Западной Явы, на мадурском — Восточной Явы и близлежащего острова Мадур. Оба эти языка постоянно находились под сильным влиянием яванских литературных и официальных форм, пользовались одним письмом — на санскритской основе.

В XX в. были разработаны алфавиты на основе латинской графики, после 1972 г. — по типу стандартного письма ИЯ и МЗЯ.

Жителей Джакарты (не менее 10 млн.) официально относят к малайцам (Оглоблин 2009; Теселкин 2010: 367–372; там же библиография), но в действительности население этого мегаполиса весьма многослойно. Оно стало таковым в результате многовековой этнической и языковой интерференции, описанной многими авторами.

Для автора настоящей работы, всю жизнь посвятившей изучению языков Индонезии и Малайзии, естественнее всего начать характеристику языков ЮВА именно с малайского типа — МТ, включающего разные образования. Наряду с двумя стандартными литературными формами современного малайского языка, индонезийской и малайзийской, а также старописьменной и так называемой «классической», бытовавшей на прежних исторических этапах, существует еще множество диалектов — исконных для населения Малакки, Суматры, Западного и Северного Калимантана и диалектов-пиджинов в приморских городах и поселениях по всей Индонезии и даже на о-ве Шри-Ланка и южнофилиппинских островах. Креоль-

ские языки и пиджины должны рассматриваться, естественно, как примеры воздействия «конвергенции».

Малайский тип структуры среди остальных типов выделяется, по-видимому, наиболее оптимальным соотношением синтетических и аналитических средств выражения значений — как грамматических, так и деривативных. Ниже это соотношение будет проанализировано.

Начинать характеристику морфологического строя МЯ следует, конечно, с описания фонда корневых лексических морфем. В большинстве своем это морфемы АН генеалогии, и им свойственна двусложная структура. По своим дистрибутивным свойствам они делятся на 3 полнозначительных класса: I класс — имена; II класс — глаголы состояния и качественные слова-прилагательные; III класс — переходно-глагольные корни, которые наиболее активно участвуют в морфологических процессах. К классу имен по ряду свойств близок подкласс местоимений. Есть еще один, IV класс — количественных слов-числительных, к которым примыкают по синтаксическим свойствам некоторые неполнозначные, вспомогательные слова с дейктическими и наречными значениями.

Для морфем III класса характерна черта, несвойственная морфемам других классов: переходно-глагольные корни, как правило, в нормативных формах языка не выступают без морфологического оформления, т. е. без аффиксов, в число которых, однако, входит и нулевой префикс, включающий соответствующую морфему в парадигму по двум значениям — пассива и императива (А. Оглоблин характеризует его как флексию [1996: 117–118]). Наличие суффикса и префикса *per-* в таких формах не исключается.

В отличие от большинства АН языков, богатых разными категориями местоименных слов, категория местоимений в МЯ, как и в яванских языках, бедна, в основном ограничена личными местоимениями, которые целесообразно присоединить к I классу морфем — именам. Есть небольшое число кратких форм личных местоимений, выступающих как посессивные энклитики или как приглагольные проклитики, указывающие актора.

Характеризуя грамматические особенности МТ, как и других типов, следует обращать внимание как на средства синтетические — деривативную и грамматическую морфологию, так и на средства аналитические — предлоги, частицы, артикли, вспомогательные слова с ослабленным или утерянным лексическим значением, передающие, в частности, коммуникативные значения. Роль аналитических средств (в соотношении с синтетическими) на материале МЯ рассматривается в конце данной главы.

Во Введении говорилось о преобладании в морфологии МЯ акциональной доминанты над именной. Присоединяясь к подходу А. Кэпелла, МЯ следует характеризовать как язык типа ED — event-dominated. В предла-

гаемом в данной главе описании МТ внимание уделено преимущественно специфическим морфологически выражаемым глагольным категориям.

Действительно, описание морфологии класса имен сводится к перечислению моделей деривации и редупликации — последняя используется для передачи количественных значений. Падежные отношения морфологией имен не передаются.

Напротив, класс предикативов, включающий и глаголы и качественные слова, обладает не только деривативной, но и довольно богатой грамматической морфологией. Формами глаголов в основном передаются предикатно-актантные отношения, и в некоторой степени — видовые; значения времени (как актуального, или абсолютного, так и относительного) передаются синтаксическими средствами. В подклассе прилагательных выражаются степени качества и сравнения — для этого используются как синтетические, так и аналитические средства, частично в комплексе с удвоением.

С точки зрения сравнительной грамматики, особый интерес представляют глагольные категории, выражаемые аффиксацией. Специфика АН языков — в том, что предикатно-актантные отношения выражаются в формах глаголов. Эти формы во многих случаях складываются в парадигмы, что позволяет говорить о категориях. Каковы же эти специфические категории?

Во-первых, это противопоставление по морфологическим признакам глаголов статичных, непереходных, глаголам переходным. На этом уровне часто проявляется характерная черта агглютинации индонезийского типа: грамматические значения сопутствуют деривативным аффиксам.

Важную роль в глагольной системе МЯ и других языков МТ играет категория переходности. Она реализуется в диатезе залога, объединяющего формы актива и пассива, и — менее продуктивно — среднего залога.

Основная форма для переходного глагола-сказуемого в активном предложении — это наличие одного из префиксов *meN-*, *memper-*, *menge-* (<*meN-+ke*). В пассиве им противопоставляется парадигма *di-/0-/ter-* (*per-* и *ke-* сохраняются). Нулевая форма употребляется в пассиве при акторе 1-го или 2-го лица; форма на *di-*, форма на *ter-* — в остальных случаях при любом лице актора. В таких предложениях дополнение, выражающее деятеля в пассивной конструкции, вводится предлогом *oleh*. В сунданском языке нулевая форма отсутствует.

При глаголе на *meN-* дополнение обычно указывает на конкретный объект, который может быть выражен и подлежащим пассивной трансформации: *Ayah sudah menjual dua ekor kuda* «Отец уже продал двух лошадей» — *Dua ekor kuda sudah dijual oleh ayah* «Две лошади уже проданы отцом»; *Kita menangkap ikan laut untuk dijual* «Мы ловим морскую рыбу

на продажу» — *Ikan laut kita tangkap untuk dijual*. (-*tangkap* — форма с нулевым префиксом).

Имеются, однако, глаголы, которые и без *meN-* выступают как сказуемые активного по структуре (П — С — Д) предложения с примыкающим объектным дополнением. Таковы несколько корневых глагольных морфем: *tahu (adat)* «знать (правила адата)»; *tahu (jalan)* «знать (дорогу)»; *naik (tangga)* «подняться (по лестнице)»; *masuk (organisasi)* «вступить, войти (в организацию)»; *jual (sayur)* «продавать, торговать (овощами)».

Более многочисленны производные с префиксом *ber-*; как правило, *ber-* образует непереходные, безобъектные глаголы состояния, но есть и сочетания с дополнением — их можно рассматривать как формы среднего залога.

Как и упомянутые корневые глаголы, глаголы состояния на *ber-* могут принимать объектные дополнения, которыми значение глагола как бы уточняется, конкретизируется, без указания актуальности воздействия на объект: *berjual kuda* «торговать лошадьми», *berburu burung* «охотиться на птиц», *bertangkap ikan laut* «ловить морскую рыбу».

Еще одна характерная форма: с помощью *ber-* от имен образуются глаголы с характерным посессивным значением «иметь, владеть, пользоваться» тем, что обозначено исходным именем. Это импликация доминанты посессивности. Примеры: *beranak* «иметь ребенка»; *berjabatan* «иметь должность»; *bertomobil* «иметь автомобиль». К такому глаголу может присоединяться еще имя, дополняющее значение исходного: *ber.anak+dua putra* «иметь детей + два сына», *beristeri perempuan Jawa* «иметь жену, быть женой + яванка», *berpangkat doctor* «иметь степень + доктор».

Таким глаголам на *ber-* соответствуют переходные каузативные глаголы с основой на *per-* или *per-kan*, образующие регулярные формы актива и пассива: — *peranakkan, memperanakkan — diperanakkan*; — *peristerikan — memperisterikan, diperisterikan, — perpangkat-memperpangkat — diperpangkat*. При этом повышается роль и объекта и актора.

Само наличие таких отыменных глаголов на *ber-* в МЯ — одна из импликаций доминанты посессивности, показанной выше.

Свойства переходности глаголов в языках МТ представляют особый интерес. Во-первых, следует упомянуть о наличии специальных аффиксов для передачи каузативных значений. Это обычная каузативная переходность; фактитивная каузативность, при которой второй актор побуждается к воздействию на объект, языкам МТ несвойственна; она имеет место в ФТ, например, в ТАГ.

Вторая, наиболее существенная особенность — это свойственная языкам МТ вариативность значений переходности, т. е. выражение объектных/падежных отношений при одной глагольной форме разными глаголь-

ными аффиксами. Здесь велика роль суффиксов (*-kan*, *-i* в МЯ, *-i*, *-ake*, *-an* в ЯВ и т. п.), но также участвуют префиксы и конфиксы. Значения и свойства образуемых производных глаголов в основном определяются свойствами исходных корневых морфем. Продуктивно используются морфемы класса I — имена, класса II — глаголы состояния и качественные морфемы, класса III — переходно-глагольные корни. Образуемые при этом производные переходно-глагольные основы выражают разное отношение к объектам. Какие именно варианты объектных отношений имеются в виду?

Во-первых, отношение простой переходности — к объекту, непосредственно используемому, подвергаемому воздействию (прямому); конечно, не только непосредственно физическому, но и, так сказать, виртуальному («видеть кого/что, вспоминать что/кого, желать чего» и т. п.); параллель в именных системах падежей — падеж винительный (*accusativus*). По морфологическим средствам, сюда могут включаться и отношения каузативные: «изменять, создавать или уничтожать объект, использовать объект в данном качестве». Приведем примеры из МЯ:

От морфем I класса:

tempat ‘место’ > *-tempatkan* ‘помещать’;

kurung ‘клетка; заключение’ > *-kurungkan* ‘сажать в клетку, в тюрьму’;

anak emas ‘ребенок золото’ > *-anak-etaskan* ‘относиться как к любимому ребенку’.

От морфем II класса — с суффиксом *-kan* преобладает каузативное значение:

datang ‘приходить’ > *-datangkan* ‘привести, привлечь’;

hilang ‘исчезнуть’ > *-hilangkan* ‘уничтожить’;

siap ‘готовый’ > *-siapkan* ‘приготовить’;

terang ‘ясный, светлый’ > *-terangkan* ‘объяснить’;

berani ‘храбрый’ > *-beranikan* ‘побудить к смелости’.

Морфемы III класса уже имеют переходно-глагольное значение; присоединение суффиксов *-kan* и *-i* усиливает связь переходности, а также — в этом специфика языков МТ — придает разные дополнительные значения объектной связи:

(1) инструментальное с суффиксом *-kan* — использовать объект в качестве орудия, инструмента (~творительному падежу): *tulis* ‘писать’ > — *tuliskan pensil* ‘писать карандашом’; — *beli* ‘покупать’ > *-belikan uang* ‘покупать за деньги’, также ‘потратить деньги’; — *tanam* ‘сажать’ > *tanamkan padi (di sawah)* ‘сажать рис (на поле)’; — *kiriman surat (kepada ayah)* ‘послать письмо (отцу)’;

(2) переходно-адресное (локативное, бенефактивное) — объект помещается куда-либо; передается адресату; действие совершается для другого

лица; возможно присоединение и *-kan*, и *-i*: — *tanam* ‘сажать’ > *tanami sawah (dengan padi)* ‘засеять поле (рисом)’; — *kirim* ‘посылать’ > *-kirim ayah (surat)* ‘послать отцу (письмо)’; — *bawa* ‘приносить’ > *-bawakan anak (obat)* ‘принести ребенку (лекарство)’.

В старой традиционной малайской грамматике, например, в работах М. Лубиса [Lubis 1954], Х. Мунафа [Munaf 1951], значения переходности глаголов различались по типу объектов; считалось, что суффикс *-kan* обычно указывает на наличие объектов «подвижных»: передвигаемых, передаваемых, меняющих свое состояние, возникающих, исчезающих; наличие суффикса *-i* указывает на объекты «неподвижные»: локативные, воспринимаемые органами чувств, бенефактивные — на лица, заинтересованные в результате.

Существенная, типологически значимая особенность морфологии МТ — в том, что переходные глаголы с разными указателями значений переходности употребляются и в активных, и в пассивных конструкциях, и в роли сказуемых независимых предложений, и как ядерные слова зависимых предикативных групп в усложненных предложениях.

Но выделение того или иного прямого объекта в активном предложении для европейского сознания понятно, а вот превращение инструментального, локативного, бенефактивного объекта в подлежащее пассивного предложения представляется довольно необычным — ведь в русском языке, например, подлежащим могут становиться только прямые дополнения. В языках МТ в качестве подлежащего пассивной конструкции вполне естественно употребление инструментального, локативного или бенефактивного объекта.

Примеры на подвижные, в том числе, инструментальные объекты (из ИЯ — приведены в [Алиева 1975:72–96]):

1) *Semua kepunyaanmu sudah kau kurbankan*. ‘Ты пожертвовал всем, что имел’ (*kurban* ‘жертва’). [ПАТВ: 71];

2) *Aku tak tahu apa yang musti diobrolkan*. ‘Я не знаю, о чем надо говорить’ (*obrol* ‘разговор’, ‘болтать’). [DK: 86];

3) *Tiap-tiap perkara harus dilakukan dengan cepat, secepat kilat*. ‘Каждое дело должно выполняться с молниеносной быстротой’ (*laku* ‘двигаться, движение’). [IM: 25];

4) *Atau akan kau tinggalkan begini saja aku ini?* ‘Или ты собираешься со всем оставить меня?’ (*tinggal* ‘оставаться’). [ПАТВ: 221];

5) *Jadi Tjut Meuthia telah dilarikan militer*. ‘Стало быть, Чум Мытхия увезена военными’ (*lari* ‘бежать’). [IM: 57];

6) *Daerah ini dikuatkan oleh Surapati secara mestinya*. ‘Этот район Сурапати укрепил, как требовалось’ (*dikuatkan* — форма пасс. залога < — *kuatkan* ‘усилить’ < *kuat* ‘сильный’). [MS: 176].

(В № 1 и 4 пассивное сказуемое выражено сочетанием «местоимение + нулевая форма переходного глагола».)

Примеры на неподвижные: локативные и бенефактивные объекты:

1) *Dan sebuah tiang jemuran di depan rumah masih disangkuti pakaian*. 'Перекладина перед домом еще увешана одеждой' (*disangkuti* 'быть тем, к чему прикреплено, на чем висит, чего касается' < *sangkut* 'вешать, прикреплять на что-либо, касаться') [МВМ: 93];

2) *Musuh terpaksa lari menghindari rumah-rumah*. 'Врагам пришлось бежать, держась подальше от домов' (*hindar* 'избегать, удаляться' > *hindari* > *menghindari* 'избегать') [РАТВ: 95];

3) *Tapi jika sawah-sawah selesai dipanen enak benar rasanya*. 'А вот когда с затопленных полей собран урожай, тогда хорошо' (*panen* 'урожай' > *dipanen* 'быть тем, откуда собран урожай');

4) *Dan si Kusan takut akan dimarahi orang tuanya*. 'А Кусан боится, что родители будут на него сердиться' (*marah* 'сердиться' > *dimarah* — пассив. ф.) [ДК: 105];

5) *Tikar yang ibu duduki sudah dibawa darisini*. 'Циновка, на которой Вы, матушка, сидели... (*duduk* 'сидеть' > *duduki* — пассив. форма с нулевым префиксом, *ibu* — 'мать', в роли местоимения 2-го лица) ...уже убрана отсюда'.

Именно в этой дифференцированности пассивных форм глаголов по объектным отношениям имеет место близость между двумя АН типами — МТ и ФТ; ФТ отличается наличием нескольких форм фокусов. Напротив, отличительная черта МТ, языкам ФТ несвойственная дифференциация с помощью морфологии объектных отношений в активных конструкциях, т. е. наличие в них дифференцированной переходности и в результате — симметрия объектных показателей в активно-пассивной диатезе. Однако в последнее время у многих авторов встречаем определение «языки с симметричным залогом» (*symmetrical voice languages*), относимое ко всей западно-индонезийской группе. (О залогах/фокусах в ФТ речь пойдет ниже, в гл. 2.)

Следует, однако, отметить, что использование суффиксов для дифференциации переходности, разработанное в старописьменных языках — МЯ и яванских, — было либо несвойственно, либо утеряно во многих малайских «изолектах», и в первую очередь на Малакке. Даже в стандартном ИЯ новейшего времени эти формы понемногу теряют продуктивность, частично переходят в разряд лексических вариантов, нередко просто заменяются аналитическими конструкциями с предлогами, глагольными сериальными сочетаниями. Активной является функция передачи каузативных значений у *-kan*; у *-i* частично сохраняются значения датива/локатива, многократности и каузатива.

Богатство категории переходности и залоговых форм глаголов в МЯ не исчерпывается сказанным. Здесь есть еще некоторые нюансы, которые отражаются в описаниях значений глагольных аффиксов.

Есть еще префикс *ter-* и конфикс *ter-kan*: они употребляются в разных залоговых инактивных конструкциях, но с постоянными оттенками непроизвольности, случайности и завершенности. Для глаголов с этими аффиксами наиболее обычно пассивное значение и употребление в пассивной конструкции с агентивным дополнением с предлогом *oleh*. Примеры:

Suatu (1) kejadian (2) dulu (3) teringat (4) olehnya (5+6). Ia (7) teringat akan suatu kejadian dulu. один (1) событие (2) прежде (3) *ter-* + вспоминать (4) предл. агенса + 3-го л. косв. (5+6) он/она (7). «Ему вспомнилось одно событие из прошлого»;

Batu (1) itu (2) terjatuh (3) dari (4) atas (5); Batu itu terjatuhkan tiba-tiba (6) oleh (7) orang (8) lain (9); камень/камни (1) тот (2) *ter-* + падать (3) из, с (4) верх (5) вдруг (6) предл. агенса (7) человек/люди (8) другой (9) «Камень свалился сверху»; «Камни вдруг сброшены другими людьми».

Однако возможно и построение с агентивным подлежащим: *Saya (1) terjatuh (2) karena (3) licin (4) di (5) jalan (6);* я (1) упасть (2) потому что (3) скользко (4) на (5) улица (6) «Я упала, потому что скользко на улице».

Еще одна степень страдательности выражается конфиксом *ke-an*, передающим значения «испытывать на себе, подвергаться воздействию извне, лишаться чего-либо». Таких глаголов немного, в основном *ke-an* образует абстрактные имена. Например:

Kami (1) kedatangan (2) banyak (3) tamu (4). «К нам пришло много гостей»; «мы» инклюз. (1) *ke-an* + *datang* приходить (2) много (3) гость (4).

Singapura kebanjiran (1) barang (2) Jepang (3). «Сингапур наводнен японскими товарами»; наводнение + *ke-an* (1) вещь, товары (2) Япония (3).

Suami.ku (1) kehilangan (2) kunci (3) mobil (4). «Мой муж потерял ключи от машины». «Муж мой (1) исчезнуть, потеряться + *ke-an* (2) ключ (3) машина (4)».

Более или менее адекватными по значению в активе будут глагольные формы с локативным суффиксом *-i*: *mendatangi, membanjiri* (для *hilang* — нет).

Приведенные примеры иллюстрируют систему «переходность-залог» в МЯ схематично: здесь не ставится задача дать подробное описание глагольной морфологии — это обязательно присутствует в каждом описании грамматического строя этого языка. Нам хочется обратить внимание на наличие в МЯ различных степеней активности/пассивности и значений переходности в предикатно-актантных отношениях; они отработаны и сформированы в этом языке за много веков его письменной истории, отражены в учебниках и передаются тем, кто учится в школе и активно пользуется

этими богатыми возможностями. Сходные системы — но с отличиями — есть в близких к стандартному ИЯ языковых и диалектных образованиях малайской группы [см.: Adelaar 1985] и в языках яванской группы (яванском, сунданском, мадурском), которые поэтому представлены в АН типологии как относящиеся к одному структурному типу — МТ.

В поле зрения общелингвистической типологии ничего подобного указанной категориальной системе предикатно-актантных отношений мы не знаем, поэтому ей посвящен здесь сравнительно большой раздел, построенный именно на примере структур МЯ. Эта тема кажется особенно важной, поскольку ей не уделяется достаточно внимания ни в работах по общей типологии, ни в теоретических исследованиях на материале языков МТ. Например, в подробной и основательной, опирающейся на учения Эппира, Гринберга и Лемана, диссертации/монографии индонезийского лингвиста Сударьянто «Предикат — объект в индонезийском языке: система структурных моделей» [Sudaryanto 1983] различные значения переходности рассматриваются как функции, как значения аффиксов в пассивных глаголах. При этом к пассивным отнесены и императивные формы переходных глаголов, хотя, казалось бы, они главным образом семантически связаны с агенсом. Но удивительно то, что автор объявляет маргинальной и не рассматривает активную парадигму переходных глаголов [Sudaryanto 1983: 96]. В результате тема специфической системы переходности с дифференциацией объектных отношений и в активе, и в пассиве, характерная для МТ, в этой монографии утеряна. По-видимому, это — следствие влияния работ австралийских и гавайских лингвистов, выдвигающих на первый план исследований систему залогов/фокусов филиппинских языков, в первую очередь тагальского. Там отношение к объектам морфологически дифференцируется как раз в пассивных глаголах, а в активных конструкциях морфология для этого не используется и в случае надобности объектные дополнения вводятся посредством предлогов (см., например: [Подберезский 1971; Крус, Шкарбан 1966; Шкарбан 1995]). В последнее время различать типологические системы языков архипелага, наряду с признаком позиции посессора, предлагают по признаку наличия симметричной залоговой категории. При этом почему-то игнорируют именно отмеченное выше различие по симметричности между МТ (где оно есть) и ФТ (где его нет); этот странный подход отчетливо виден в работе признанного автора Н. П. Химмельмана [Himmelmann 2005].

Структурно-типологически система предикатно-актантных категорий и морфологических средств, которые мы находим в языках МТ, представ-

ляется не только особенной, но, может быть, даже уникальной, хотя она явно недостаточно проанализирована в языкознании как раз с точки зрения типологии. Нашу характеристику данного типа поэтому мы начинаем с рассмотрения именно этой системы.

Есть еще ряд характерных и важных черт, которые нельзя опустить в нашем анализе. Это проблема порядка элементов, как в слове, так и в словосочетании и предложении; о взаимозависимости уровней и порядка элементов сказано в связи с концепцией доминанты 1 (см. ч. I, гл. 5, табл. 1).

Аффиксы, посредством которых производятся слова, это, во-первых, префиксы, далее суффиксы и менее продуктивные — конфиксы и инфиксы. При основном порядке слов в предложении П — С — Д (семантически А — V — O = актер + глагол активн. + объект и O — V — A-объект + глагол пасс. + актер) префиксы глаголов реализуют их связь с предшествующим именем, указывая на залог; в МЯ: А + (*meN-/memp-/-ber-/ter-*) + V + O в активной конструкции, O + (*di-/Ø-/ter-/diper*) — +V + */oleh/A, ke-V-an +/oleh/A* — в пассивной конструкции (*oleh* — агентивный предлог).

В части III последует сравнение со структурными особенностями языков других типов, которые могут быть представлены системными чертами МЯ.

Изучая структурную эволюцию малайского языка, рассмотрим соотношение синтетизма и аналитизма в разных текстах разного времени.

Дж. Гринберг первым предложил подробно разработанную методику такого анализа текстов, их морфемного состава в разных языках или разных вариантах одного языка [Greenberg 1960].

Здесь предпринята попытка рассмотреть некоторые особенности структуры малайского языка (МЯ) на разных этапах развития с применением методов статистического анализа. Во второй половине XX века стали особенно применимы именно точные структурные методы.

Основные различия в морфемном составе проявляются в количественном соотношении аналитических и синтетических средств; кроме того, существуют различия качественные, представляя, например, вариации синтетических типов — флективный, агглютинативный, полисинтетический, инкорпорирующий. Аналитический тип также не единообразен [Alieva 1991; Алиева 1998]. Усовершенствовать применяемые методы статистического анализа предложил словацкий лингвист Виктор Крупа [Krupa 1965]. Автором данной книги также внесены некоторые изменения в методику. Поскольку основой для подсчетов становится не только число морфем и слов в текстах — для более точного представления о структуре текста мною подсчитывается число граммем и принимаются во внимание способы их выражения. Противопоставляются синтетические и аналитические способы и учитываются различные синтетические средства — аффиксы, удвоения,

местоименные клитики и различные аналитические средства — эксплицитные (служебные и вспомогательные слова) — и имплицитные (порядок слов). Названные различия особенно важно принимать во внимание при анализе структуры аналитических (изолирующих, аморфных) языков.

В изучении малайского языка разных периодов его развития и текстов на нем за последние десятилетия достигнуты явные успехи, во многом благодаря тому, что и в Малайзии, и в Индонезии сформировались кадры ученых, обладающих иными знаниями и иным пониманием своего литературного наследия, своего языка, не всегда совпадающими с устоявшимися взглядами и оценками ученых-европейцев.

Вспомним, что в языкознании периода универсализма среди ученых непререкаемо господствовала точка зрения, что самая совершенная, высшая по уровню развития структура языка — это его флективный тип, обладающий богатой деривативной и грамматической морфологией, категориями частей речи, склонением и спряжением, т. е. языки с синтетизмом высокого уровня, такие как санскрит, латинский, древнегреческий, древнеперсидский, классический арабский.

Правота этих взглядов внушает сомнения. Ведь история показала, что как раз такие якобы совершенные языки либо исчезли совсем, либо со временем эволюционировали, кардинально изменив свою структуру. И направление этой эволюции состоит в изменении соотношения синтетизма и аналитизма в пользу последнего. Языки, играющие роль средств общения в глобальном масштабе, в первую очередь английский и не в последнюю очередь малайский/индонезийский (МИЯ), не обладают высоким индексом синтетизма, что видно даже при первых исследованиях по методу Гринберга. При вариативном подсчете подобных индексов обнаруживается сходство некоторых результатов как раз для английского и МИЯ, что было нами показано ранее [Алиева 1998: 41].

При изучении эволюции МИЯ встает вопрос также о различиях между образцами речи, относящимися к разным эпохам; поскольку современные тексты весьма сильно различаются между собой по структуре, в том числе по использованию аналитических и синтетических средств, поэтому анализу должны быть подвергнуты разные образцы.

Важную работу, состоящую в общем статистическом обследовании малайзийских (МЗЯ) текстов по методу Гринберга, провела Н. П. Каштанова для своей кандидатской диссертации, посвященной словообразованию имен [Каштанова 1985]. Ее подсчеты сделаны на основании 20 образцов текстов, среди которых три взяты из классической литературы, а остальные представляют разные стили современного МЗЯ — художественный, научный, газетно-журнальный. Нами частично использованы эти подсчеты.

Тексты:

1. Si Miskin – Hikayat Si Miskin – M. G. Emeis. Bunga Rampai Melaju Kuno. Wolters, Djakarta-Groningen. 1952: 53.
2. Sejarah Melayu – M. G. Emeis. Bunga Rampai Melaju Kuno. Wolters, Djakarta – Groningen. 1952: 125–126.
3. Za'ba (монологи автора в пьесе). – Dr. Haji Zainal Abidin (Keris Mas/M. B. Lewis. Sentence Analysis in Modern Malay. Cambridge. 1969: 206.
4. Rimba Narapan I (авторская речь в романе). DBP, Kuala Lumpur. 1987: 130–131.
5. Rimba Narapan II (диалоги в романе). Ibid.: 126.
6. Rekonstruksi – Rekonstruksi dan Cabang-cabang Bahasa Melayu Induk. Pendahuluan. DBP, Kuala Lumpur. 1988: IX
7. Sutung – Sutung Umar RS. Perubahan Masyarakat dan Raja. «Dewan Budaya», Febr. 1993: 47.
8. Ruzelan – Ruzelan Ismail. Menjenguk Realiti dalam Menangani Nasib Sebuah Bangsa. «Dewan Budaya», Febr. 1993: 41.

Позволю себе напомнить: результаты этих подсчетов – общие статистические данные по материалам Н. Каштановой.

Таблица А

Частота применения в отрывке текста из 100 слов

Словообразующий компонент	Тексты МзЯ				
	Классический	Журнальный	Литературные		Среднее число
			Монолог	Диалог	
Глагольный префикс с грамматическим значением	14–18	13–17	13–17	4–13	13
Глагольный префикс с синкретичным значением*	6	6	6	2–4	6
Именные префиксы				1	2,4
Глагольные суффиксы	4,5	8–16,5	5,5	2,75	5,5
Именные суффиксы		5–12			4,2
Именные конфиксы	7	16–20	7–8	1–2	8

Таблица Б

Средство	Тексты							
	1	2	3	4	5	6	7	8
	Si Miskin	Sejarah Melaju	Za`ba	Rimba Harapan ₁	Rimba Harapan ₂	Rekonstruksi	Sutung	Ruzelan
M	312	246	251	222	207	223	336	350
W	248	185	193	187	173	160	227	218
AE	67	48	32	57	38	51	68	59
AI	86	51	77	85	98	49	81	59
S	45	26	38	26	21	35	40	47
Gr	198	125	147	168	157	135	189	165
Der	21	29	14	13	21	28	37	51

В табл. В приводятся результаты подсчета названных индексов, позволяющие объективно сравнивать структурные особенности текстов.

Таблица В

Индексы встречаемости средств выражения граммем

Тексты/ Индексы	Si Miskin	Sejarah Melaju	Za`ba	Rimba Harapan ₁	Rimba Harapan ₂	Rekons-truksi	Sutung	Ruzelan
M/W	1,258	1,330	1,300	1,187	1,197	1,394	1,480	1,606
AE/Gr	0,338	0,384	0,218	0,339	0,242	0,378	0,360	0,358
AI/Gr	0,434	0,408	0,523	0,506	0,624	0,363	0,429	0,358
S/Gr	0,227	0,208	0,259	0,155	0,134	0,259	0,216	0,284
Der/W	0,085	0,157	0,073	0,070	0,121	0,175	0,163	0,234

Определяя соотношение синтетизма и аналитизма и варианты этого соотношения по данным анализа рассмотренных текстов, можно подвести следующие итоги.

В современных журнальных и научных текстах все индексы синтетизма M/W очевидно возросли по сравнению с положением в классическом малайском. Язык Зайнала Абидина (*Za'ba*), относящийся к началу XX в., стоит в переходной позиции, но ближе к классическому. Общий индекс словопроизводства в современных примерах также более высок, но это же относится и к отрывку из Зайнала Абидина, где продуктивно используется грамматическая морфология.

Во всех названных современных примерах (тексты 6, 7, 8) довольно высоки показатели индекса синтетического выражения граммем S/Gr . Это говорит о преодолении упомянутого Каштановой снижения активности глагольной аффиксации как в сфере предикатно-актантных (падежных) отношений, так и в выражении аспектуальных значений: в текстах новейшего времени происходит активизация грамматической морфологии, наряду с деривативной именной (особенно активизировались конфиксы).

Растущей продуктивностью аффиксации характеризуется язык ученых, религиозных проповедников, журнальных авторов, обсуждающих сложные проблемы и следующих грамматическим нормам, но если мы обратимся к произведениям современных писателей Малайзии, то подобные подходы к языку явно уступают место приемам и языковой технике иного плана. А именно, в рассказах, повестях и романах мы видим колебания грамматической нормы, истоки которых — в неправильностях, с точки зрения стандартной грамматики, свойственных разговорной речи малайцев.

В наших таблицах Б и В это иллюстрируется текстом романа Криса Маса (Зайнала Абидина), строй которого особенно близок к просторечным вариантам языка современных малайцев. Для иллюстрации и подсчета нами взяты две цитаты текста из указанного романа: образец авторской речи этого признанного писателя и образец диалогической речи его героев (колонки 4 и 5). Можно было ожидать, что статистический анализ покажет значительную разницу, однако этого не случилось. Различия между двумя образцами текста, конечно, есть (см. табл. В), но в целом уровень синтетичности по обоим индексам (M/W и S/Gr) у этого писателя ниже, чем в охарактеризованных выше научно-журнальных текстах (см. последние столбцы). Особенно если учесть, что индекс S/Gr в разговорном образце (*Rimba Nagaran II*) у нас как бы приподнят, поскольку в число S включены в качестве грамматических средств и повторы и нулевые формы переходных глаголов, которым мы, в соответствии со стандартной грамматикой МИЯ, приписываем две граммеы: пассивного залога и лица (1-го или 2-го).

Упрощение структуры языка, его оборотов и грамматических построений под влиянием разговорных и просторечных форм МЗЯ — вполне естественное и закономерное явление. Писатель стремится создавать произведение, созвучное языковому чувству читателей — его современников. Сказанное относится отнюдь не только к Крису Масу, но и ко многим известным и признанным мастерам прозы — Арене Вати, Захарах Навави и другим. Наиболее заметные нарушения грамматической нормы — случаи опущения глагольных суффиксов *-kan*, *-i* (что было отмечено уже давно) и использования переходных глаголов в форме основы, т. е. без залогового показателя. При этом каузативный префикс *per-* обычно сохраняется. Собственно нарушение нормы — использование переходного глагола без префикса *meN-* при подлежащем-акторе, по правилу требующем оформления глагола префиксом *meN-*, с прямым дополнением объекта в постпозиции. Именно это правило нарушается, и поскольку переходный глагол без префикса, т. е. в нулевой форме, нормативно должен употребляться в предложениях пассивного строя с подлежащим-объектом, когда актор выражен местоименной проклитикой при глаголе, постольку создается впечатление о некотором структурном сдвиге в построении предложений с переходным глаголом. Это относится и к релятивным атрибутивным построениям, которые вводятся служебным словом *yang* и требуют глагола с префиксом *meN-*. Подобные построения встречаются довольно часто, однако в известных нам нормативных грамматиках эти явления пока не отражены.

Закономерно встает вопрос: почему происходит трансформация грамматического строя с утерей морфологических, т. е. синтетических средств в разговорной речи и, как следствие, в авторской речи писателей?

По-видимому, можно указать на две причины подобных отклонений в разговорной речи.

С одной стороны, в Малайзии живы и активно используются на местах диалекты МЯ — кедахский, келантанский, ибанский и другие, изобилующие разнообразными нарушениями школьных правил стандартного языка. Интересно, что джохорский диалект, который традиционно именовался источником нормативного малайского языка, тоже далеко не всегда предопределяет подобное качество речи писателя. Можно привести как пример тексты рассказов писательницы Захары Навави (мне говорили, что она уроженка Джохора).

С другой стороны, разговорная речь малайцев в городах Малайзии претерпела сильные изменения и утратила исконные черты в результате смешения населения разных этнических корней. При этом, как и во всем Индокитае, особенно сильное давление оказывают просторечные говоры китайского, а также тайский язык. В них нет ни деривативной, ни грам-

матической аффиксации, а для выражения всех грамматических значений используются аналитические средства (и имплицитные и эксплицитные). Эту тему рассматривал А. Оглоблин [1983; 1996].

Возвращаясь к результатам статистического обследования текстов, можно, по-видимому, заключить, что существенных сдвигов в эволюции МЯ ни в Малайзии, ни тем более в Индонезии они не демонстрируют. Есть стилистические варианты, в которых заметно ослабление синтетичности, причем оно также не единообразно — ослаблению синтетичности в выражении грамем может сопутствовать ее усиление в области деривации, особенно именной (здесь, вероятно, ощущаются результаты влияния английского языка). Есть также и стилистические варианты — у нас они показаны в трех правых столбцах, — где индексы синтетизма и в лексике и в грамматике существенно выше, чем в текстах старой литературы на МЯ. Эволюция и жизнь современного МЗЯ — это живой многосторонний процесс, который происходит не изолированно, а в контакте с языковым окружением на территории Малайзии (и на Малакке, и на Борнео), а также во взаимодействии с процессами развития и совершенствования индонезийского языка в Индонезии.

Глава 2

Филиппинский тип (ФТ)

Роль тагалого

Филиппинский тип (ФТ) можно — и даже, видимо, следует — представлять как самый специфически австронезийский, сохранивший более всего таких архаичных черт, многие из которых не имеют аналогов в других языковых семьях мира.

В этом смысле по ряду признаков ядром ФТ является исконная группа языков острова Тайвань (до сих пор традиционно называемых «Formosan» — формозскими). В настоящее время на этих языках (относимых к исчезающим) говорят на Тайване в глубинных районах острова, куда аборигены были оттеснены пришлыми китайцами, особенно укрепившими свою власть после провозглашения о. Тайвань независимым государством в 1946 г.

Филиппинская подсемья в целом, наряду с языками исконного населения Тайваня, включает также ряд групп языков родственных народов, населяющих разные острова Филиппинского архипелага.

Ведущую роль на архипелаге уже давно обрел язык тагалог (тагалеский — ТЯ), на котором говорит исконное население в районах о-ва Лусон и в г. Маниле; этот город был одним из наиболее крупных еще до испанской колонизации (здесь в бою погиб Магеллан), а при испанцах стал общей столицей Филиппин. Тагалог, подобно малайскому в малайских районах, активно формировался и как средство общения в административной, военной, культурной, религиозной (здесь — католической) сферах, и как язык оригинальной литературы, достигшей еще при испанцах высокого уровня и развивавшейся после них. С провозглашением независимой Филиппинской республики в 1946 г. тагалог под названием «пилипино» был объявлен ее общегосударственным языком. Многочисленные местные языки

продолжают использоваться в повседневной жизни и ныне. Их общее число — примерно 90, не считая диалектов. Наиболее значительные из них — это пампанго, пангасинан, илоко, биколь, моро-магинданао и висайская (или бисайская) группа, т. е. хилигайнон, сугбуанон, самарнон.

Информация по этим вопросам содержится в ряде работ на русском языке.

Уровень морфема/слово

Характеризовать структуру языков ФТ мы начнем с уровня морфема/слово.

Столь обычная для АН языков преобладающая двусложная структура корневой морфемы существует и в ФТ. В отличие от МТ, знаменательные морфемы в филиппинских и в тайваньских языках четко не делятся на классы по деривативным, дистрибутивным и даже синтаксическим признакам. Но есть различие между одушевленными и неодушевленными именами.

С. Староста [Starosta 1988] подчеркивал, что в языках о. Тайвань (=Формозы) и особенно — в протоформозском языке отсутствует четкое разграничение лексем на классы имен и глаголов; качественные слова, по его мнению, имеют признаки подгруппы имен.

В синтаксисе для этих языков характерны предложения уравнильной структуры. Лексемы глагольной семантики в таких предложениях стоят в соединении с посессивным местоименным показателем, полным или кратким, в форме проклитики или энклитики, выражающим субъектное значение. Часто местоимения, начинающие предложение, выполняют функцию топики.

В языках ФТ существуют одноморфемные слова; независимо от семантики они более склонны занимать позиции именных членов, конечно, в сочетании с нужными артиклями и предлогами, а также с посессивными определениями и дейктическими элементами. Это импликации посессивной доминанты.

Приименные артикли и предлоги в большинстве своем односложны. В языках ФТ они немногочисленны, а в некоторых тайваньских отсутствуют совсем.

Синтаксические структуры ТЯ

В ТЯ роль артиклей существенна. Они имеют различные варианты для сочетания с неодушевленными и одушевленными именными понятиями, причем последние различаются также по числу. Артикли обязательно дополняют и значения производных слов, имеющих деривативную и грамматическую аффиксацию.

В ТЯ роль таких маркеров в построении синтаксических структур весьма важна, поскольку они указывают на независимую («номинативную») или зависимую функцию группы в предложении, что показано в табл. 1.

Таблица 1

Приименные служебные показатели в ТЯ

Имена: значения и функции	Общие имена и их артикли	Одушевленные имена и их артикли	
		Ед. ч.	Мн. ч.
Подлежащее	ang, Ø	si	sina
Зависимые именные актанты	na/-ng, sa	ni	nina, kina
Атрибутивный член	na/-ng	nang	

Если именной член с показателем подлежащего стоит в начале предложения, то сказуемое, будь то глагольное, качественное или именное, вводится коммуникативным показателем утверждения *au*. При положении сказуемого в начале предложения *au* отсутствует.

В целом в ФТ языках существуют большие возможности для варьирования порядка сегментов предложения, в частности в целях коммуникации. Этим целям служит эксплицитное маркирование служебными показателями синтаксических функций, сочетающееся с морфологическим оформлением слов. Эти формы образуют несколько предикатно-актантных грамматических парадигм.

Существует и еще ряд коммуникативных маркеров, в частности уточняющих видовременные значения оформленных глаголов. (Подробнее см.: [Шкарбан 1995: 192–196]; [Starosta 1995], там же примеры из литературы.)

Основное место определения — в постпозиции к именам. Атрибутивная связь выражается служебным показателем: аналитическим *na* и синтетическим *-ng*.

В вопросительных предложениях к выделяемому слову присоединяется постпозитивный маркер *ba*, *baga* «ли».

В ТЯ есть несколько отрицательных слов, все они препозитивные. Для отрицания наличия используется специальное слово *wala*; общее при-словное отрицание — *hindi*, *di*, запретительное — *hwag*.

Аналитические средства выражения деривативных лексических и грамматических значений, в ТЯ (и в других языках ФТ) немногочисленны.

ТЯ выделяется среди других АН языков богатством синтетических средств, как деривативных, так и грамматических.

Системы местоимений

Во всех языках ФТ — богатые парадигмы личных и притяжательных местоимений, имеющих и полные и клитические формы. Как и в других АН языках, во втором лице множественного числа различаются инклюзивные и эксклузивные местоимения. Клитики обычно стоят в постпозиции. В ТЯ в функции определения и полные притяжательные местоимения, и качественные слова могут стоять как перед определяемым именем, так и после него; связь выражается служебным показателем *na/-ng*: например: *sila* «они», *kanila* «их» > *kanilang bahay* «их дом»; *bago* «новый» > *bagong bahay* «новый дом» > *kanilang bahay na bago* «их новый дом».

В языках ФТ грамматическая морфология имен, как и в МТ, отсутствует, но существуют системы деривативной морфологии, включающие однозначные и двузначные глагольные аффиксы: это в основном префиксы и суффикс *-an*. Таких способов производной морфологии очень много в ТЯ, причем одно производное может включать несколько префиксов, подчас инфикс *-in-*, и, конечно, *-an*. Значения таких производных весьма разнообразны.

Глагольные системы: залогов/фокусы, видовременные и модальные значения

Главное, что отличает морфологические структуры языков ФТ, — как указывалось выше, — это аффиксальные системы глаголов, не только деривативные, но и весьма богатые и своеобразные системы грамматического назначения. В ТЯ это категория активного-пассивного залога, обогащаемая двумя группами значений.

Первая группа — предикатно-актантные залоговые отношения: одной или двум активным, ориентированным на актора формам соответствуют образуемые от той же основы три пассивные формы. Кроме того, каждая из залоговых форм служит основой для образования парадигмы форм с различными модальными и видовременными значениями.

Особого внимания в ФТ заслуживают пассивные формы; все они различаются по значению выражаемого в подлежащем объектного актанта. Эти объекты: (1) прямой, непосредственный, (2) локальный или бенефактивный, (3) инструментальный. Их значение сопоставимо с именными падежами в РЯ: (1) винительным, (2) дательным и предложным, (3) творительным. Чтобы подчеркнуть специфику такой залоговой системы, часто принято использовать термины «фокус, фокусная система». Соответственно: (1) — прямой фокус, (2) — локативно-бенефактивный фокус,

(3) — инструментальный фокус. Также в значении «фокус» предлагался термин «триггер».

Отличительная черта всей залоговой системы, например, в ТЯ, — это отсутствие параллельных морфологических средств выражения объектных связей в пассиве и в активе. В пассиве — в фокусных формах — эти связи выражаются только морфологически, аффиксами: префиксами, суффиксами и инфиксами (примеры даны ниже). В активе же аналогичных показателей нет, и связи выражаются синтаксическими служебными словами (перечисленными в данной выше табл. 1). В этом принципиальное отличие категории залога в ТЯ и других языках ФТ от аналогичной категории в МТ, где в активных формах также используются аффиксы (в основном суффиксы *-i*, *-kan*, *-ake*), дифференцирующие значения объектных связей, т. е. переходности.

Именно поэтому в разделе об МТ было подчеркнуто, что залог в МТ имеет симметричный характер, в отличие от ФТ, что было отмечено Л. И. Шкарбан еще ранее [Шкарбан 1995:109].

Чтобы проиллюстрировать основную парадигму залоговых форм, включающую одну активную и три пассивных — фокусных — конструкции, считаем нужным процитировать соответствующий отрывок из монографии Л. И. Шкарбан [1995: 101–102]:

«Приведем парадигму из четырех глагольных предложений, объединенных лексическим тождеством однокорневых залоговых дериватов: *b.um.ili* ‘покупать’, *bilh.in* ‘быть купленным’, *bilh.an* ‘быть местом купли’, *i.bili* ‘быть тем, для кого покупают’. Все глаголы образованы от корневой морфемы *-bili-* ‘купля, продажа’ присоединением залоговых аффиксов: *-um-* (активный залог), *-in-* (прямообъектный пассив), *-an* (локальный пассив), *i-* (бенефактивный пассив). Каждый глагол представлен формой мгновенного вида реального наклонения *b.um.ili*, *b.in.ili*, *b.in.ilh.an*, *i.b.in.ili* (....). Данные залоговые дериваты — небольшой фрагмент сложной залоговой системы ТЯ». Это показано на примерах (мног добавлены названия залогов и пример № 5 — с формой инструментального пассива, который в перечне Л. Шкарбан почему-то отсутствует. — Н. А.):

(№ 1 — актив): *Bumili(1) siya(2) nang isda(3) sa palengke(4)*; ‘купил(1) он(2) рыбу(3) на рынке(4)’;

(№ 2 — прямообъектный пассив): *Binili(1) niya(2) ang isda(3) sa palengke(4)*; ‘куплена(1) им(2) рыба (3) на рынке(4)’;

(№ 3 — локативный пассив): *Ang palengkeng (1) binilhan(2) niya(3) nang isda (4)*; ‘рынок (1) был местом купли(2) им(3) рыбы(4)’;

(№ 4 — бенефактивный пассив): *Ibinili(1) niya(2) ako(3) nang isda(4) sa palengke(5)* ‘куплена-для(1) им(2) я (3) рыба(4) на рынке(5)’;

(№ 5 — инструментальный пассив): *Ipinagbili niya (1) ang salapi (2) para sa isda (3)* истрачены-им (1) деньги (2) для-рыба (3).

Приведенная парадигма для ТЯ — основной ряд залоговых конструкций. Читателю, привыкшему к смене залоговых диатез по ностратическому типу, здесь сразу диатез не хватает. Простую диатезу — прямую залоговую трансформацию — образуют первые два предложения: (1) Он купил рыбу, (2) Им куплена рыба = Рыба куплена им. В № 3 локативный пассив/фокус с определенным оформлением глагола не перестраивается в актив с тем же фокусным оформлением. В № 4 глагол с бенефактивным пассивным/фокусным оформлением также не перестраивается из пассива в актив. То же и в № 5. Актив остается только в № 1 с прямоактантным отношением в глаголе, а связи с косвенными актантами — места, лица, получающего рыбу, денежного средства, потраченного на покупку рыбы, — выражаются служебными словами при тех же глагольных формах.

Нельзя не подчеркнуть специфику строя ФТ: при таком богатстве глагольной морфологии в сфере предикатно-актантных отношений — именно здесь отсутствуют симметричные диатезы активных и пассивных трансформаций.

Показанная выше парадигма — это лишь начальный этап глагольного словоизменения. Причем это аффиксация — синкретичная по характеру: в ней совмещаются деривация, т. е. создание глагольной основы, с присвоением ей разных грамматических — залоговых — значений. Проявляется специфический характер синкретичной агглютинации индонезийского типа, показанной в Части I.

Кроме залоговых пассивных значений, члены данной парадигмы имеют также вторичную парадигму форм со значениями видовременного и модального порядка, показанную в данных ниже таблицах. Но и этот второй уровень спряжения не исчерпывает собой всю глагольную морфологию. На основные значения посредством присоединения разных аффиксов и способа редупликации накладываются многие дополнительные значения: каузативность, интенсивность, взаимность, произвольность и т. п. Эта система имеет особо сложную, отработанную и нормализованную литературную форму в ТЯ, что весьма тщательно и детально описано и проанализировано в работе Л. Шкарбан [1995: 59–151].

Фокусная парадигма

Мы ограничимся здесь краткой характеристикой фокусной парадигмы, вместе с формами второй ступени — модально-(видо) — временной. Как было сказано, этой парадигме присущ двуступенчатый характер, если

ее образованию не предшествует еще предварительный этап формирования глагольной основы от неглагольной морфемы.

Для иллюстрации принято приводить по 4 модально-(видо)-временные формы каждого фокуса: (1) инфинитив/императив; (2) одновременность/настоящее время/продолжительность; (3) предшествование/завершенность; (4) будущее/возможность/сослагательность.

1. Фокус актива включает различные глаголы со значениями состояния, изменения состояния, активного действия, затрагивающего объект, с дополнительными оттенками обычности, целенаправленности, случайности, способности и т.п. Основные значения передаются разными аффиксами: *-um-/um-*, *mag-*, *magka-*, *ma-*, *maka-*, *maki-*, *mang-*, *pa-*; каждый образует еще парадигму модально-(видо)-временных форм.

Ниже в табл. 2 даны примеры видовременных парадигм от основ: *dating* 'приходить'; *ulan* 'дождь'; *aral* 'обучение'; *sulat* 'письмо, писать'; *pagluto* 'готовить, стряпать'; *paglaro* 'играть (о многих)'; *gutom* 'голод'; *kuha* 'достать'; *gawa* 'делать'; *gamot* 'лечить'; *kanin* 'кормить' [Крус и Игнашев 1959: 354–358].

2. Фокус прямого объекта. В этой форме глагол связан с подлежащим — с именем, обозначающим непосредственный объект воздействия.

Фокусы с пассивными значениями показаны в общей таблице ниже.

Эти формы образуются суффиксом *-in/-hin*, инфиксом *-in-*, или, в отдельных случаях, префиксом *ni-*, а также удвоением первого слога корневой морфемы. Активный субъект-агенса может в предложении не упоминаться — как и в других пассивных построениях.

Следует обращать внимание на то, что во многих корневых морфемах ТЯ при аффиксации и удвоении происходят чередования гласных звуков (а также их опущение).

3. Фокус локатива и бенефактива: подлежащее — это имя, обозначающее (1) место, где совершается действие, или (2) лицо/лица, для кого или для чего это происходит. Формы глагола строятся с суффиксом *-an*, инфиксом *-in-*, удвоением первого слога.

4. Фокус инструментальный: подлежащее — это имя, обозначающее инструмент, средство или способ совершения действия. Оформление глагола: префикс *i-*, инфикс *-in-*, удвоение первого слога.

Как и в фокусе актива, каждая из пассивных форм имеет четыре модально-(видо)-временные формы. В предложениях при всех этих глагольных формах могут — но не обязательно — присутствовать косвенные, вводимые подчиняющими артиклями (или предлогами) дополнения со значением актора.

Таблица 2

Инфинитив/ Императив	Одновременность/ Продолженность	Предшествование/ Завершенность	Будущее/ Сослагательность
Фокус актива			
dumating umulan magaral makuha magutom makagawa manggamot pakanin	dumarating umuulan nagaaral nakukuha nagugutom nakakagawa nanggagamot napakakanin	dumating umulan nagaral nakuha nagutom nakagawa nanggamot napakanin	darating (d>r) <da-dating uulan magaaral makukuha magugutom makakagawa manggagamot mapakakanin
Фокус прямого объекта			
sulatin «быть написанным»	sinusulat	sinulat	susulatin
kunin (<kuha) «быть взятым, собранным» lutuin (< luto) «быть сваренным, приготовленным»	kinukuha niluluto	kinuha niluto	kukunin lulutuin
Фокус локатива, бенефактива			
sulatan «быть тем, на чем, о чем, для чего или для кого написано»	sinusulatan	sinulatan	susulatan
Фокус инструментальный			
isulat /ipagsulat «быть тем, чем, каким способом совершается написание»	isinusulat ipinagsusulat	isinulat ipinagsulat	isusulat ipagsusulat

Вопрос о категориях времени и вида

По поводу видовременных значений, хотя я и называю их, считаю нужным внести уточнение. После многолетнего изучения грамматического строя МЯ мной был сделан вывод, что в нем, в отсутствие морфологической категории времени у глагола, существует синтаксическая категория относительного времени. При таком подходе снимается проблема выбора между категориями вида и времени, причем последнее обычно в грамматиках понимается по-индоевропейски, как отношение к абсолютному времени, указывающее на момент речи. В ТЯ положение сложное, так как существуют глагольные формы, относительно которых также высказываются разные мнения — либо это время, либо вид, причем четвертую форму всегда считают формой времени — будущего. Другие формы, входящие в эту же парадигму, некоторые авторы относят к видовым, но с этим трудно согласиться, так как нарушается парадигма, а значит и принцип системного подхода к языку. Поэтому я позволила себе интерпретировать значения второй и третьей форм так же, как значения относительного времени — предшествования и одновременности — в сочетании с модальностью.

О языках острова Тайвань

В последние десятилетия особое внимание лингвистов-австронезистов привлекают языки аборигенов, древнейших насельников острова Тайвань. Надо отметить при этом, что русский востоковед Н. А. Невский, еще в начале XX века посетивший о. Формозу (о. Тайвань), заинтересовался языком цоу и дал его описание в результате работы с местными жителями [1935]. (Сам Невский позже погиб в ссылке.)

Специалисты по сравнительно-историческому языкознанию все больше и больше приходили к мнению об особой исторической роли языков Тайваня в формировании АН семьи, а именно, к выводу о том, что эта группа языков была самой древней и исходной. Предки тайваньского народа еще во времена неолита переселились с восточного побережья Китая на западное побережье Тайваня, и их племена, постепенно умножаясь, расселялись по острову. Этому сопутствовало, конечно, возникновение различий в речи и образование новых говоров, диалектов, а затем и языков. Переселившиеся на южный берег острова племена активно занимались рыболовством и мореплаванием, заселяя все более и более отдаленные острова, и достигли Филиппинского архипелага. Процесс длился веками, и с отдалением носителей исконных форм речи от Тайваня все больше изменений возникало и в образе их жизни,

и в языках. Филиппины — обширный архипелаг с благоприятными природными условиями, и здесь, видимо, уже были насельники иной генеалогии.

Начальный этап формирования АН семьи

Известный специалист ныне покойный Стэнли Староста, написавший много работ, посвященных генетическому и структурному сопоставлению языков этого региона, опубликовал специальное исследование о процессе начального формирования АН семьи, начиная именно с протоформозского этапа [Starosta 1995]. Он построил схему эволюции исходя из основных морфологических элементов, при использовании которых строятся предикатные конструкции в ФТ, — показателей четырех фокусов с варьирующими формантами аспектных значений. В конце статьи он останавливается на вопросе о связи значений транзитивности и перфектности.

По предлагаемой им схеме, существовало 11 этапов эволюции — от нулевого, протоформозского и до 11-го — этапа тагалого и илокано (филиппинская подсемья им здесь не названа) [Starosta 1995: 691, 694]. Именно эта концепция отражена мною в общем плане выше.

Между этапами «0» и «11» он ставит в генетическом порядке языки Тайваня и прилегающих островов: (0) рукаи, (1) цоу, (2) саароа, (3) чаморро, (4) канаканаву, (5) бунун + (6/7/8: атаяльский + сидик + саисият), (9) ями, (10) пайван + амис. С. Староста придает четкое оформление и стройность ранее предложенному другими компаративистами положению о том, что языки древней Формозы, дифференцируясь и умножаясь в числе, дали начало АН семье. При этом очевидно, что языки филиппинской группы следует считать одним из важнейших этапов этой эволюции и, в связи с этим, носителями специфически АН языковых структурных особенностей. В других географических областях в результате дальнейшей эволюции и, особенно, процессов конвергенции сформировались различные подсемьи АН семьи. Многие из них потеряли те или иные исконные АН черты и обрели другие структурные характеристики. Это и отражается, в частности, в существовании различных типов АН семьи, включая 5 типов, мною здесь описываемых.

Доминанты, действующие в языках ФТ

В заключение обратимся к вопросу о доминантах языкового строя, описанных в ч. I, гл. 5.

Наиболее отчетливо проявляет себя доминанта по концепции А. Кэпелла — тип актуально-доминированных языков, обладающих богатой глагольной морфологией. Все известное нам о языках ФТ свидетельствует именно о таком устройстве.

Напротив, фреквенталия межуровневой зависимости, связанная с порядком элементов на морфологическом и синтаксическом уровнях, в языках ФТ и, в первую очередь, в ТЯ фактически себя не проявляет. В морфологии при продуктивности префиксов довольно многочисленны и активны инфиксы и суффиксы, в синтаксисе нет абсолютных позиционных правил ни для главных, ни для зависимых членов; фиксированы только позиции артиклей и предлогов (те и другие малочисленны).

Доминанта посессивности, как уже говорилось, тоже реализует себя и довольно интенсивна.

Глава 3

Языки Восточной Индонезии (ВИТ)

Историко-географическая справка

Языки этого ареала, включающего австронезийские острова Сулавеси, Молукки, Тимор, Хальмахера, Ару и Малые Зондские (Флорес, Бима, Сумба), а также ряд относящихся к АН языков Западной Новой Гвинеи, — как видим, весьма многочисленны и одновременно они своеобразны по строю. В последние десятилетия лингвисты стали уделять им пристальное внимание и изучать на уровне методов современной науки.

Наибольшее влияние эти языки испытывали в течение многих столетий со стороны языков папуасской генетики населения Новой Гвинеи, береговые племена которой были в тесном контакте с племенами австронезийцев названных островов. С одной стороны, это были контакты в форме экспансии новогвинейцев, бывших первыми поселенцами на этих островах, а с другой, в более позднее время — вследствие того, что с Новой Гвинеи привозили рабов. Вместе с тем с запада постоянно приплывали малайцы, язык которых распространялся как средство общения по всему региону.

После происходившего в течение многих веков смешения восточноиндонезийские языки, сохраняя основные черты АН семьи, во многом изменились: упростилась структура морфемы, утеряны многие деривативные и грамматические морфы, есть изменения и в синтаксических структурах. Но частичная утеря АН аффиксальной морфологии не означает упрощения структуры языков ВИТ вообще: развились и усложнились фонемные сочетания, способы редупликации и особенно — системы местоименных клитик. Лексический состав также воспринял многие заимствования — разные языки в разной степени, причем не только новогвинейские лексемы, но и малайские (что обычно для разных частей Малайского архипелага), и португальские, и голландские. Этому способствовала, в частности, дея-

тельность христианских миссионеров, которые в середине XIX в. составляли проповеди и религиозные тексты в основном на малайском языке, нередко вставляя и местные диалектные слова и выражения [Steinhauer, AN 2005: 793–794].

Изучение языков ВИТ в наше время

За последние десятилетия проведены довольно обширные и разносторонние научные исследования на этих островах, собраны новые материалы по многим языкам. Опубликовано значительное число подробных описаний, часто с типологическим анализом, хотя еще не все языки изучены, что вполне понятно, учитывая объем работы: «Ethnologue» говорит о 131 языке только на Молукках.

Конечно, это первый этап работы и еще не все языки описаны, но можно считать, что есть достаточно данных, чтобы обобщить основные черты восточно-индонезийского структурного типа (ВИТ), который можно сравнивать с уже рассмотренными ранее АН типами в наших работах, в частности типами МТ, ФТ, ОТ и ИТ [Alieva 2000].

Перечисляемые ниже черты ни в коей мере не носят общего и абсолютного характера — в одних языках они представлены более-менее полно, в других — частично и с некоторыми отличиями. Некоторое типологическое обобщение предложено в ряде работ М. Кламер [Klamer, 2002; 2004], которая выделяет черты ВИТ на фоне и в отличие от общих основных типологических черт западно-австронезийских языков.

Самым полным и доскональным в наше время должно быть признано описание языка *лети*, на котором говорит население одноименного острова, и языков ряда районов южных Молуккских островов. Это работы Аоне Энгеленховена (для которого лети является родным языком), в первую очередь грамматика 1995 г. [Engelenhoven 1995; 1997; 1999; Engelenhoven and Williams, AN 2005].

Описание и анализ языка *биак*, бытующего в виде близких диалектов на ряде мелких островов к северу и северо-востоку от западной оконечности Новой Гвинеи, представлены в ряде работ выдающегося голландского лингвиста Х. Стейнхауэра [Steinhauer, 2005; 1985]. Им дано представление о системных особенностях этого языка. Нами также использованы сведения о языке *камбера*, содержащиеся в работе [Klamer, AN 2005], и о языке *таба* [Bowden, AN 2005]; на первом говорят в восточной части о-ва Сумба, на втором — в районе Северной Хальмахеры и на прилегающих островах. Как видим, в основном использованы описания, данные в разделах коллективной монографии [AN 2005].

Свой вклад в изучение языков Восточной Индонезии внесли российские востоковеды М. Членов и С. Членова, которые, работая с индонезийским языком в этих местах в 60-е гг., собирали полевые материалы. Эти материалы ими обрабатываются и постепенно в последние годы публикуются (см. Библиографию). Благодаря этому вводятся знания, которые также использованы нами, о ранее не изученных языках, бытующих на архипелаге Ару (*западный таранган и добел*) и на близлежащих островах (*давлор, серуа, ветан — теунской разновидности*).

Моя задача в этом разделе — дать некоторые общие сведения о языках ВИТ; в отличие от языков других типов, об этой группе у нас сколько-нибудь полных и систематических описаний не публиковалось, а без них в типологическом сравнении языков ЮВА образуется важная лакуна. Некоторое общее типологическое обобщение для ВИТ, — хотя и не безупречное, — предложено в ряде работ М. Кламер [Klamer 2002; 2004; 2005], которая называет черты ВИТ на фоне и в отличие от общих основных типологических черт западно-австронезийских языков. С. Членова, обобщая итоги изучения вместе с М. Членовым, языков юго-западных Молуккских островов, также предлагает некоторый обобщающий список их основных типологических особенностей.

Эти особенности ни в коей мере не носят общего и абсолютного характера. В заключительной части описано несколько особое строение языков островов Ару. Они представляют, как это показано в статьях Членовых, обособленную группу.

Общий перечень особенностей языков ВИТ

(по С. Членовой)

- Сложная фонотактика.
- Наличие ряда консонантных кластеров, не соответствующих универсальным принципам сонорной иерархии.
- Отсутствие у глагола залоговых, временных, видовых (кроме удвоения. — Н. А.) морфологических показателей.
- У имен — неразличение отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности (это взгляд С. Членовой).
- Апокопа и метатеза как средства синтаксической связи;
- Инверсивный генитив (т. е. препозиция притяжательного определения. — Н. А.).
- Согласование глагола с подлежащим при помощи лично-местоименных проклитик, стоящих в начале глагола.
- S — V — O как основной порядок слов [Членова 2006: 51].

Этот перечень может быть дополнен.

Структура морфемы и слова

Морфема в языках ВИТ имеет типично двусложную структуру CVCV: характерные для других АН языков усложнения с сочетанием согласных в составе слога и на границе слогов, особенно гоморганные преназализованные кластеры в инициали, в перечисленных языках почти отсутствуют; иногда имеет место замена инициального согласного на назальный. Консонантные кластеры возникают в некоторых словах в результате опущения гласной или разнообразных метатез (перестановок):

Лету ruin > *gu:ni зоол.* эдюгонь (кит.) > *gu:n-ulti* 'шкура дюгоня' [Engelenhoven et al. AN 2005: 741].

Список лексем языка ветан (теунский вариант) демонстрирует преобладание схемы СГСГ, но также присутствуют инициальные гласные и консонантные сочетания внутри морфем и в сложных словах, особенно при редупликации.

Вообще разнообразные явления апокопы, или элизии (опущения фонем) и метатезы (перестановки) весьма характерны для многих языков ВИТ, особенно при сочетаниях морфем и присоединении клитик, которые обслуживают выражение грамматических значений [Steinhauer 1996; 2005; Engelenhoven 1995; 2005].

Структура слова имеет характерные отличия от общих для АН языков формул. В большинстве языков ВИТ очень мало продуктивных аффиксов — как в деривации, так и с грамматическими функциями. Напротив, весьма богаты наборы местоименных клитик, как препозитивных проклитик, так и постпозитивных энклитик. В существующих лингвистических описаниях показаны образуемые клитиками парадигмы категорий, выражающих определенные грамматические функции.

Способы глагольного словоизменения

В определенном смысле можно говорить о специфическом способе спряжения у глаголов, причем в результате продуктивно и регулярно используемых метатезы и элизии развиваются структуры, напоминающие спряжение в ностратических агглютинативных и флективных языках.

Ниже приведены в качестве примеров две показательные парадигмы так, как они оформлены авторами: таблица 1 — из языка биак и таблица 2 — из языка камбера.

Слова отчетливо подразделяются на два класса: знаменательные и незнаменательные, как это характерно для языков ЮВА. Знаменательные слова делятся на имена и примыкающие к ним местоимения, глаголы (ак-

тивные, стативные, качественные), наречия, играющие вспомогательные роли, грамматические и дейктические показатели; в разных языках есть и другие служебные слова (например, в тетун есть классификаторы). Знаменательные слова в словарной форме обычно двусложны, незнаменательные — односложны или сокращаются до одной фонемы.

Ядерным словом в предложении является глагол; имя легко заменяется местоимением. Продуктивны способы образования отглагольных имен.

Свойства глаголов

Ядерная роль в предложениях принадлежит глаголам, организующим ролевые отношения.

Значения времени и вида аффиксами глагола не выражаются. Они обуславливаются средствами лексики, дискурса и служебными маркерами; вид выражается удвоением, обычно частичным.

Значения переходности/непереходности у глаголов реализуются по семантике и роли в предложении с участием энклитик и проклитик; поэтому перестановка имен относительно глагола меняет их функцию — как агенса или объекта — относительно сказуемого. Это показано, например, для языка *серуа* [Членовы 2004: 273]. Каких-либо морфологических средств выражения вариаций объектных отношений, подобных средствам дифференцированной переходности в МТ или фокусам в ФТ, в языках ВИТ пока не обнаружено. Однако важнейшим средством маркирования синтаксических связей является использование синтаксически значимых клитик. Самый частый случай использования клитик при глаголе: проклитика указывает на актора в препозиции, а энклитика — на пациенс в постпозиции; эти значения клитики сохраняют и при отсутствии обозначаемых имен. Во многих случаях это позволяет менять порядок имен — членов предложения. Это частично показано в табл. 1.

Что касается аффиксации, то можно добавить, что в некоторых языках ВИТ имеются глагольные аффиксы, выражающие или уточняющие видовые значения, значения переходности/непереходности. В аффиксах отражается также различие отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности (яз. камбера/М. Кламер). По нашему анализу, в этом языке есть и глагольные префиксы, выражающие пассивное значение (см. ниже).

Имеются средства образования каузативных глагольных основ, и эти средства весьма различны — от обще-АН префикса *pa* — до варьирования с помощью клитик с применением метатезы и элизии. Приведем, например, одну парадигму, достаточно показательную для глагольных процедур в языке биак [Steinhauer, AN 2005: 801], и затем — данную М. Кламер та-

блицу личных местоимений в полной и клитической формах в языке камбера.

Таблица 1

Спряжение глаголов *биак*: согласование с подлежащим

Лицо \ число	«голодный»	«есть»	«идти»	«продавать»
1 ед.	ya-bis(e)r	y-an	ya-ra	ya-vov
2 ед.	wa-bis(e)r	w-an	r-w-a	bov ²
3 ед.	i-bis(e)r	d-an	r-y-a	v-y-ov
1 неопред.	ku-bis(e)r	kuy-an	ku-ra	ku-vov
1 опред.	nu-bis(e)r	nuy-an	nu-ra	nu-vov
2 двойств.	mu-bis(e)r	muy-an	mu-ra	mu-vov
3 двойств.	su-bis(e)r	suy-an	su-ra	su-vov
3 тройств.	sko- bis(e)r	sk-an	sko-ra	sko-vov
1 мн. инклуз.	ko-bis(e)r	k-an	ko-ra	ko-vov
1 мн. эксклуз.	nko-bis(e)r	nk-an	nko-ra	nko-vov
2 мн.	mko-bis(e)r	mk-an	mko-ra	mko-vov
3 мн. отделимое	si-bis(e)r	s-an	s-ra	s-vov
3 мн. неотделимое	na-bis(e)r	n-an	n-da ¹	n-bov ²

[Steinhauer, AN 2005: 8001].

Примечания:

1. После n – начальное /r/ глагольного корня заменяется на d.
2. При предшествующем назальном в этой форме, а также в 3-м лице мн. неотделимом /v/ заменяется на /b/.

Язык камбера: личные местоимения и местоименные клитики

Местоимение: лицо\число	Клитика номинатива	Клитика генитива	Клитика аккузатива	Клитика датива
1 ед. <i>nyungga</i>	<i>ku=</i>	<i>=nggu</i>	<i>=ka</i>	<i>=ngga</i>
2 ед. <i>nyuti</i>	<i>(m)u=</i>	<i>=mi</i>	<i>=kau</i>	<i>=nggau</i>
3 ед. <i>nyuna</i>	<i>na=</i>	<i>=na</i>	<i>=ya</i>	<i>=nya</i>
1 мн. инклуз. <i>Nyuda</i>	<i>da=</i>	<i>=nda</i>	<i>=ta</i>	<i>=nda</i>
1 мн. эксклуз. <i>Nyuma</i>	<i>ma=</i>	<i>=ma</i>	<i>=kama</i>	<i>=nggama</i>
2 мн. <i>nyimi</i>	<i>(m)i=</i>	<i>=mi</i>	<i>=ka(m)i</i>	<i>=ngga(m)i</i>
3 мн. <i>nyuda</i>	<i>da=</i>	<i>=da</i>	<i>=ha</i>	<i>=nja</i>

[Klamer 2005: 716].

Функции местоименных клитик

Местоименные клитики, присоединяемые и к глаголам (табл. 1), и к именам (табл. 2), являются одним из основных средств выражения синтаксических связей. Если контекст позволяет опустить имя, то его представляет клитика при предикате. Выше указывалось, что проклитики преимущественно указывают на связь с предшествующим именем актора, энклитики — на связь с пациенсом. Сами имена могут при этом свободно опускаться.

Притяжательные клитики продуктивны в образовании отглагольных имен при отсутствии аффиксальных средств. В этой функции обычно используются энклитики от местоимений 3-го лица ед. ч., подобно индонезийскому *-nya* (*datangnya* «приход, прибытие», *diselesaikannya* «завершение чего-л.»), но в ВИТ также возможны энклитики 3-го л. множ. числа.

В целом при сравнении продуктивности использования полных и кратких местоимений в служебных, грамматических функциях, выполняемых в языках ФТ и МТ аффиксами, языки ВИТ скорее близки к языкам ОТ. Близкий в этом отношении к ВИТ язык есть и на западе — это язык *ачех* на Северной Суматре, в котором грамматические значения и отношения также преимущественно выражаются парадигмами местоименных проклитик и энклитик [Durie 1985; Abdul Djunaidi 1999].

Функции удвоения

Хотя столь характерные для различных представителей АН семьи аффиксы в отдельных языках ВИТ тоже встречаются — в небольшом количестве, — все же вторым по значимости, после местоименных клитик, средством морфологии следует назвать редупликацию. Разные, довольно многообразные формы полного и частичного удвоения активно используются в ВИТ как в сфере предикатных, так и именных слов. При этом в словах-повторах наблюдаются многообразные изменения посредством метатез и элизий, предполагающих дополнительные семантические оттенки.

Обычное назначение редупликации — передача количественных оттенков, как усиления, умножения, интенсивности, повторности, разнообразия, совместности, — так и ослабления, уменьшения. Например:

Камбера: haatu ‘один’ > haatu-haatu ‘каждый; по одному’; wutu ‘жирный’ > wuwutu ‘очень жирный’; wunang(u) ‘священник’ > wuna-wunang(u) ‘разные священники’ [Klamer, AN 2005: 712];

Таба: -ot-ik ‘дать’ > -ata-ot-ik ‘давать многократно’ [Bowden, AN 2005: 773];

Есть также явления транспозиции: удвоение глагола дает имя — название инструмента, действия или качества. Примеры:

Биак: -vye ‘хороший’ > va-vye ‘доброта’;

-frur ‘делать’ > fa-ra-rur ‘действие’;

-masi ‘купаться’ > ma-sa-si ‘купание’ [Steinhauer, AN 2005: 796];

Лети: petuk ‘прыгать’ > petu-petuk > petpuetuk ‘прыжок’;

tmuèla ‘темнить’ > t-mèla-muèla > t-muèl-mèla > ‘темный’;

kriat ‘медлить’ > kri-riat ‘медленный’;

Тетун: di’ak ‘хороший’ > di(a)-di’ak ‘хорошо’;

hoo ‘иметь’ > ha-hoo-k ‘имущество’;

krakat ‘злой’ > k-ra-rakat ‘злость’ [Engelenhoven et al. AN 2005:

744–745].

Особенности именных слов и словосочетаний

Рассмотрим характерные особенности именных слов в языках ВИТ — в основном на базе языков *лети*, *тетун*, *биак*, между которыми много сходства.

Основное морфологическое средство производства имен — от глаголов, от качественных слов — это частичное удвоение, как правило, в сочетании с местоименным оформлением. Однако аффиксация не отсутствует полностью. Именные аффиксы есть

в *тетун*: ka-, ka-k, -k, -n;

в *лети*: i-, -i-, ni-, -n-, -ni [Engelenhoven, Kleven: 765, 766].

Эти аффиксы могут выражать различные категории: числа, отчуждаемости — неотчуждаемости, лица — не-лица, какие-либо дейктические признаки. Особенно характерно для языков ВИТ выделение категорий отчуждаемых и неотчуждаемых имен, для которых существуют разные модели морфологического оформления, обычно — местоименными клитиками. Наряду с этим в некоторых языках есть противопоставление неодушевленных и одушевленных имен (последние — с различением лиц — не-лиц). Эта черта, как известно, обычно выделяется в океанийских языках.

Вторая проблема — позиции, функции и оформление имен в составе именных групп.

Именные словосочетания делятся на две различающиеся модели — с определяемым именем в правой или левой позиции. Первая модель — с различными определениями: качественными, количественными, глагольными, именными. Словосочетания этой модели строятся с использованием связывающих оба компонента грамматических (синтактико-дейктических) показателей и местоименных клитик. Обычная позиция определений — левая. Однако в препозиции к имени в некоторых языках — и это явно под влиянием папуасских языков — могут стоять и названные определения. Например:

Камбера: tau mini ‘человек’ мужчина > ‘мужчина’;

vidi mini > ‘новый мужчина — юноша’ [Klamer, AN 2005: 725].

Сочетания имени с определением могут быть и синтаксическим свободным словосочетанием, и сложным словом с устойчивой структурой и единым значением; в данном примере, видимо, присутствует именно составное слово. Классификаторы, широко употребляющиеся во многих языках ДВ И ЮВА, в некоторых представителях ВИТ также имеются, в других — отсутствуют. Сочетание «классификатор + числительное» следует после определяемого имени.

Проблема препозиции посессора

Вторая модель, заслуживающая внимания, — с отношением притяжательности между определяемым и определением; она представляет существенное структурное отличие языков ВИТ от МТ и ОТ.

Структуры посессивной модели демонстрируют одну из ярких особенностей языков ВИТ. На первом месте стоит имя посессора, за ним — имя обладаемого предмета, между ними — клитики. Выбор клитик и других

средств связи, включая метатезу и элизии, зависит — в разных языках в разной степени — от продуктивности категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности.

Преобладающая здесь препозиция посессора обычно подчеркивается в работах типологов как первый признак языков ВИТ. Однако, по нашему мнению, вряд ли стоит придавать этой черте такое важное значение. С одной стороны, для языков ВИТ она не имеет статуса доминанты: не показаны какие-либо ее импликации для строя этих языков в целом. С другой стороны, и в прочих АН языках есть аналогичные явления. Так, в тагальском языке полное местоимение, выражающее посессора, также может стоять в препозиции к имени. Например: *aking aklat* 'моя книга'; *kanilang bahay* 'их дом' (*aklat* 'книга'; *bahay* 'дом'). В малайском стандартном языке есть конструкция с топикализацией посессора:

Kakak.ku kedua putra.nya sudah tamat sekolah (*старшая сестра.я оба сын.ее уже окончить школа*). 'Оба сына моей *старшей* сестры уже окончили школу'. В малайском разговорном широко используются сочетания с препозицией посессора, выраженного либо именем, либо местоимением и как бы оформленным словом *punya*:

Kakakku punya anak ada di rumah. 'Дети моей сестры дома'; *Kami punya rumah baru direparasi*. 'Наш дом недавно отремонтирован' («мы *инкл.* иметь дом недавно *пасс.* ремонт»). Это построение относят на счет влияния китайского языка, хотя слово *punya* 'иметь' < *em punya* 'владелец' исконно малайское.

Структуры второй, посессивной модели демонстрируют одну из ярких особенностей языков ВИТ, поскольку на первом месте стоит имя посессора, т. е. зависимого слова, за ним — имя обладаемого предмета, а за ним — сочетание клитик и служебных слов, воплощающих притяжательность. Выбор клитик и других средств связи между ними, включая метатезу и элизии, зависит — в разных языках в разной степени — от продуктивности категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности. Не исключено, с моей точки зрения, что в отдельных случаях имя посессора, стоящее в препозиции и оформленное показателями, играет роль топика (подобно показанным выше малайским тематическим конструкциям).

Описание синтаксических сочетаний слов будет неполным, если мы не упомянем сочетания, называемые нами «грамматическими комплексами». Как и в других аналитических языках, в ВИТ существуют грамматические показатели, передающие значения временные, видовые, модальные, дейктические. Они обычно стоят в препозиции, но могут быть и в постпозиции, подчиняясь знаменательному слову — ядру сказуемого.

Структуры предложения

Основные структуры глагольного предложения стабильны — это П+С и П+С+Д.

При основном порядке П — С — Д имя, стоящее в позиции «П», обычно выражает агенс или носителя признака, а позиция «Д» — это позиция пациенса. Клитики при глаголе эксплицируют эти роли. Однако возможно вынесение пациенса в начало предложения; на такую роль также указывают местоимения и клитики при сказуемом.

В целом ядерные роли в предложениях принадлежат глаголам, организуя ролевые отношения.

Именно с помощью клитик строятся сочетания глагола с актантами именами, с указанием на субъектную или объектную функцию имени. Местоименные проклитики при глаголе обычно указывают на актора, субъекта действия в препозиции, а энклитики, если есть, указывают на объекты в постпозиции, функции которых могут быть уточнены с помощью синтаксических показателей (служебных или знаменательных). Это показано в парадигме глагольных процедур в языке биак, представленной выше в табл. 1. Во многих случаях это позволяет менять порядок членов предложения (например, в *камбера*).

Значения переходности — непереходности у глаголов реализуются по их семантике, позиции и роли в предложении; поэтому перестановка имен относительно глагола меняет их функцию — агенса или объекта/пациенса — относительно сказуемого. Это показано для языка *серуа* [Члены 2004: 273]. Глагол со значением «иметь, обладать» в языках ВИТ отсутствует, как это вообще характерно для АН семьи. Его отсутствие восполняется богатством притяжательных словосочетаний.

Отрицания

Ситуация с отрицаниями в языках ВИТ неоднородна.

Богат отрицаниями язык *тетун*. При глаголах есть отрицание препозитивное, есть постпозитивное, причем возможно обрамление глагола; есть отрицание приименное и общее дейктическое, фразовое.

В *лети*, наоборот, есть одно препозитивное приглагольное отрицание *ta-*; с именем оно не сочетается и при отрицании именного сказуемого предложение перестраивается, например:

Лети: kokkodie, ata ta-haio.

Ребенок-тот раб не-он. «Этот ребенок не раб» [Engelenhoven et al. AN 2005: 752].

В *таба* отрицание *te* стоит после отрицаемого слова, но перед постпозитивными грамматическими показателями предикативности, которым оно предшествует [Bowden, AN 2005: 784].

В *биак* отрицание *va* стоит на конце предложения, но может и изменять позицию: *D-an (i)mbiye-ya va*. «Он/она не ест бананы», *D-enf va ro di-ne*. «Он спит не здесь» [Steinhauer 2005: 805].

Постпозитивное положение отрицаний в целом несвойственно АН языкам; в ВИТ это явление, видимо, — результат влияния папуасских языков.

Морфологические показатели пассива, как правило, отсутствуют, и топикализация агенса или пациенса происходит посредством порядка слов; тот или иной актанта выносятся в начало предложения с употреблением показателей-клитик (в разных языках по-разному). Например, в *биак* находим такую парадигму:

ya-mam ben-i

1 л. суб. — видеть свинья — 3 л. опред. «я вижу свинью»;

ben-ya m-u-am aya

свинья — 3 ед. опред. 3 ед. суб. видеть 1 ед. «свинья видит меня»;

ben-i-wa ya-mam i

свинья 3 ед. — тот 1 ед. суб. — видеть 3 ед. «свинью там я вижу»;

gum-na-wa ya-mam na

дом — 3 мн. — там, те 1 ед. суб. — видеть 3 мн. «дома там я вижу».

[Steinhauer, AN 2005: 802–803].

Значения времени и вида аффиксами глагола не выражаются, они обслуживаются средствами лексики, дискурса и служебными маркерами; вид выражается удвоением, обычно частичным.

Уже это перечисление способов синтаксического употребления имен и глаголов в предложении отчетливо указывает на наличие разнообразных функциональных рядов местоимений и местоименных клитик. Соответственно, в каждом описании языка ВИТ присутствуют таблицы парадигм местоимений.

При общей неразвитости глагольной морфологии в языках ВИТ в разных языках отмечено небольшое число аффиксов, формирующих переходные, непереходные, каузативные глаголы — предикаты активного и инактивного действия, качественные предикаты. Таковы pa-, ma-, ta-, ka-k в камбера, t-, k- в лети, k- в тетун, r- в ару. В *биак*, как показывает Стейнхауэр, действуют ak-, -ep(e)n, ve-ve; последний с чередованиями s-(v)eve-an, ‘съедены’; n-(b)eve-pap ‘вымыты’; s(b)eve-pap ‘стали белыми’, ve-suru ‘второй’ > v-y-e-suru ‘раздвоился’, swar-ep(e)n ‘запоминать < думать’ [Steinhauer 2005: 818, 820, 802].

Каких-либо аффиксальных средств выражения вариаций объектных отношений, подобных средствам дифференцированной переходности в малайском или залогам/фокусам в тагальском языке, в языках ВИТ пока не описано. Для выражения этих отношений предназначены клитики и предлоги (последние есть не во всех языках); также используются постпозитивные вспомогательные глаголы, образуя подобие сериальной конструкции (таких много в языке тетун).

Остров Тимор и Аруанские острова

Несомненно, данное, составленное мной описание структуры ВИТ не претендует на полноценное отражение особенностей языков всего ареала. Но нет и достаточного опубликованного материала для решения такой задачи. Можно, однако, в дополнение к сказанному описать еще два ареала с рядом особенностей. Во-первых, интересна ситуация на о-ве Тимор — по ней материалы есть. Во-вторых, благодаря новейшим публикациям М. Членова и С. Членовой о языках о-вов Ару, мы получаем сведения об этих необычных, или, как они их называют, девиантных, отклоняющихся языках, составляющих отдельную группу ВИТ. Оба эти подразделения заслуживают отдельного внимания.

Сначала немного об истории Тимора. Этот остров — один из самых восточных крупных островов Малайского архипелага.

В 1522 г. на этом острове побывала экспедиция Магеллана. Еще раньше, в 1512–1519 гг., здесь впервые появились португальцы; их, в частности, интересовало сандаловое дерево. В начале XVI в. они уже имели форпост на п-ве Малакка и оттуда распространяли свое влияние на разные острова архипелага. Постепенно их контроль над Тимором расширялся, центром их владений стал порт Дили на северном побережье Восточного Тимора. Несколько позже голландские колонизаторы стали постепенно осваивать Западный Тимор, а в 1653 г. они захватили порт Купанг. К концу XVIII века разделение острова на две половины — западную голландскую и восточную португальскую — в основном состоялось, но это не означало установление мира хоть в какой-либо степени.

В конце 1941 г. Австралия, надеясь предотвратить вторжение Японии на Восточный Тимор, захватила его. Однако в 1942 г. остров был все же оккупирован Японией. После окончания войны и поражения Японии Восточный Тимор опять оказался колонией Португалии, а Западный Тимор вошел в состав независимой Индонезии. В последние годы шло довольно интенсивное административно-экономическое развитие прибрежных районов. Португальские колонизаторы старались укрепить свою власть

методами «сотрудничества» с местными князьями, главами кланов. Существенным фактором было влияние католицизма, в частности, через образовательные учреждения. В целом как колония Португалии Восточный Тимор и в экономическом, и в культурном отношении был чрезвычайно отсталой территорией. После революции в Португалии в 1974 г. на Восточном Тиморе усилилось движение за освобождение от колониальной зависимости. Антиколониальное движение не ослабевало, постоянно происходили восстания. В 70-е годы XX века движение возглавили представители интеллигенции, и в 1976 г. был провозглашен суверенитет Восточного Тимора. Немедленной реакцией Индонезии было вторжение и объявление региона своей территорией. Последовали десятилетия то вспыхивавшей, то утихавшей борьбы за независимость, которая привлекала большое внимание международных организаций, в первую очередь ООН. Португалия и открытыми, и скрытыми методами старалась сохранить свои позиции. Только в мае 2002 г. восточные тиморцы провозгласили полный суверенитет своей республики под названием Тимор-Лоросае со столицей в г. Дили и своим государственным языком *тетун (тетум)*. На практике все же используется название с португальским словом лешти — «Восточный»: Тимор-Лешти.

Я позволила себе дать этот довольно пространственный исторический экскурс ввиду актуальности событий на этом экзотическом острове, а также для прояснения условий социолингвистической ситуации. Гораздо более подробные сведения содержатся в книге профессиональных историков И. В. и В. Ф. Урляповых «Восточный Тимор: Тернистый путь к независимости» [М., 2005].

Остров Тимор близко расположен к Новой Гвинее. Соответственно здесь были тесные контакты между языками аборигенов австронезийского и папуасского происхождения. На эту исконную конвергенцию издавна наслаивались заимствования из разговорного малайского языка от древних и средневековых мореплавателей, прибывавших с запада, и позже — из более книжных форм малайского, привносимых голландской колониальной властью, армией, христианскими миссионерами. Португальцы, как и в других своих колониях, навязывали свой язык аборигенам Восточного Тимора, и в результате в разных населенных пунктах, особенно в столице Дили и других центрах администрации и морской торговли, развивались смешанные диалекты: и пиджины, и креолы. Еще позже, уже в новое и новейшее время, здесь появились носители английского языка из Австралии и Филиппин. От них местные языки и разговорные диалекты воспринимали новую, во многом интернациональную лексику.

В результате этой сложной многовековой и многоязычной конвергенции языковая ситуация на Тиморе, особенно на Восточном, ныне незави-

симом, может быть охарактеризована как «языковой союз» — смешение и лексики, и структурных компонентов совершенно разных по генеалогии и типологии систем. К такому выводу подводят описания этой ситуации в ряде работ, например [Thomas 1981; Hull 1994].

Аруанские языки

Теперь обратимся к другому региону.

Как упоминалось, С. и М. Членовы предлагают выделять в отдельную группу языки о-вов Ару — одного из самых ближних к Новой Гвинее регионов архипелага. Эти авторы основывают свои выводы на изучении как собранных ими в прежние годы и ныне опубликованных материалах по языкам западный таранган и добел [Членовы 2008], так и на публикациях других исследователей — весьма немногочисленных — по еще трем близким языкам: центральноаруанскому, уджир и кола.

Архипелаг Ару (население 64 тыс. человек) расположен на крайнем юго-востоке Молуккских островов, примерно в 100 км от Новой Гвинеи и в 80 км от островов Кей — центрального района Юго-Восточных Молукк.

Впервые фактория возникает на Ару примерно в XVII веке на островке Уджир. Позже она переносится на о. Вамар; в 1840-х годах там формируется новый торговый, административный и христианский центр — город Добо. Языковая ситуация на о-вах Ару до сих пор не вполне изучена, есть публикации по языкам *добел*, *западный таранган*, *кола* (некоторые авторы считают их диалектами одного языка). В конце XX века началось книгопечатание христианских текстов на этих языках.

В плане генезиса языки о-вов Ару образуют особую группу как среди языков Восточной Индонезии, так и в контексте АН семьи в целом. Это подтверждается, во-первых, лексико-статистическими индексами по Сводешу, которые весьма невысоки даже по отношению к близко расположенным языкам, с которыми они объединялись некоторыми исследователями [Членовы 2008: 192–219]. Языки ару одновременно содержат в себе значительный слой лексики новогвинейского происхождения: папуасской и даже, видимо, меланезийской.

В разные исторические периоды эти языки, как и другие на архипелаге, безусловно, подвергались значительному влиянию основного языка торговцев-мореплавателей, администрации и миссионерства в Индонезии — малайского.

Проблема генезиса просто не решается, и М. Членов формулирует вопрос о том, какой из слоев может считаться генетически исконным, суб-

стратным, а какой — суперстратным. Четкий ответ пока не дан. Мне более вероятной представляется версия об АН суперстрате. По-видимому, эти языки, даже в большей степени, чем другие восточно-индонезийские, демонстрируют явления конвергенции в своем развитии (причем при новогвинейском преимуществе). По структуре на морфемном и синтаксическом уровнях аруанские языки принадлежат вполне к типу ВИТ; это будет видно из краткого перечисления их черт ниже, опять же исходя из описаний полевых материалов, предлагаемых в сборнике МИИ, вып. 18 [Членовы 2008: 192–219; С. Членова 2008: 262–288].

В 1964–1965 гг. М. и С. Членовы собрали три словника по 500 слов языка *западный таранган*, который является наиболее распространенным в юго-западной части архипелага. В последние два десятилетия на этом языке стали издавать учебную и религиозную литературу. Число говорящих в регионе — 6,5 тыс. человек.

Сходным образом эволюционировал язык *кола* на о-ве Варилау (север). Число говорящих в 1995 г. — 7,7 тыс. человек.

О других языках на о-вах Ару известно лишь, что они существуют.

Д-р М. Членов в 1976 г. предложил считать языки о-вов Ару, на основе лексико-статистических критериев, генетическим единством. Оно характеризуется вдобавок наличием сходных эндемичных корней — их происхождение тогда еще не было установлено.

В выражении синтаксических связей решающую роль играют местоименные проклитики и энклитики, на выбор и употребление которых влияние оказывают также значения отчуждаемости/неотчуждаемости, иногда — одушевленность/неодушевленность. Эти парадигмы показаны ниже в табл. 3. В левой половине каждой колонки показаны проклитики: под знаком Д — клитики языка *добел*, под знаком Т — клитики языка *таранган*; в правой половине показаны энклитики: Д — *добел*, Т — *таранган*.

Характерно наличие префикса *r-*, который снижает валентность у переходного глагола, если он выступает без дополнения, как глагол состояния, либо у глагола с возвратным или возвратно-переходным значением, например:

?U -tutu waway ‘Я молочу рис’; *?O-r-tutu* ‘Я молочу’;

Na-r-ddayar-ni ‘Он бьет себя’; *da-r-ddayar-ye* ‘Они бьют друг друга’

(примеры из языка добел [Членова 2008: 270]).

Залоговой диатезы, морфологически оформленной, нет, хотя и не исключается вынос пациенса вперед, в позицию топики.

**Аруанская система глагольных местоименных клитик
в языках добел (Д) и западный таранган (Т)**

	Проклитики актора				Энклитики пациенса	
	1 серия		2 серия			
Местоимения	Д	Т	Д	Т	Д	Т
1s	<i>ʔu-</i>	<i>ku-, k</i>	<i>ʔo-</i>	<i>ko-</i>	<i>-ngu</i>	<i>-ng, -nga</i>
2s	<i>m-</i>	<i>m-</i>	<i>Mo-</i>	<i>mo-mu-</i>	<i>-ʔa</i>	<i>-ka</i>
3sa	<i>ʔa-</i>	<i>i-</i>	<i>Na-</i>	<i>e-</i>	<i>-y/V#-->i</i>	<i>-na</i>
3sn	<i>ʔa-</i>	<i>i-</i>	<i>Na-</i>	<i>e-</i>	<i>u/V#-->i</i>	<i>-u/V#-->i</i>
1pi	<i>ta-</i>	<i>t-</i>	<i>ta-</i>	<i>ta-}</i>	<i>-da</i>	
1pe	<i>ma-</i>	<i>ma-</i>	<i>ma-}</i>	<i>ma-</i>	<i>-ʔama</i>	
2p	<i>mi-</i>	<i>mi-</i>	<i>mina-</i>	<i>me-</i>	<i>-ʔami</i>	
3p	<i>da-</i>	<i>d-da</i>	<i>da-</i>	<i>da-</i>	<i>-ye/-di</i>	<i>-ai, -di</i>

[Членова 2008: 265].

Вся система употребления клитик актора и пациенса при глаголах и именах весьма усложнена дополнительными влияниями и оттенками, что тщательно показано в используемой работе С. Членовой. Видимо, здесь есть много аналогий и с другими языками ВИТ.

Вообще активное использование клитик в грамматических функциях, как уже говорилось, является чертой сходства с океанийскими языками. Но здесь напрашивается и различие с точки зрения такой типологической проблемы, как вопрос о средствах аналитических и синтетических. Для структуры языков ОТ кажется более соответствующим определение их как языков аналитических: такая точка зрения была показана мной специально через сравнение языков ОТ с аналитическими языками ИТ [Alieva 1988; 1988] (конкретно — через сравнение языков маори и чам [Alieva 1991: AAS, V. 26: 27–36. Bratislava]).

Положение в языках ВИТ, конечно, неоднородно, клитики грамматизованы в разной степени. Вопрос об аналитичности/синтетичности требует разностороннего изучения. Но в целом, видимо, процент грамматизованных клитик в разных языках ВИТ довольно высок, так что и уровень синтетичности в этих языках, видимо, выше, чем в ОТ, где аналитичность преобладает.

Перечисление способов синтаксического употребления имен и глаголов в предложении отчетливо указывает на наличие разнообразных функциональных рядов местоимений и местоименных клитик.

В *заключение* типологической характеристики языков ВИТ осветим вопрос о действующих здесь доминантах языкового строя (специально описанных в главе 5 части I).

Очевидно, что по наличию импликаций доминанты А. Кэпелла языки ВИТ, как и другие представители АН семьи, должны быть отнесены к группе акционально-доминированных языков [ED]. Решающую роль в их структуре играют глаголы, хотя происходит это не так, как в других АН языках — ФТ, МТ. Богатой глагольной морфологии в языках ВИТ нет, основная импликация акциональной доминанты — это синтаксическая позиция глагола в центре предложения, его организующая роль. Одновременно характерная черта строя языков ВИТ — это очень богатые, разнообразные системы местоимений, со специфическими парадигмами местоименных клитик, выполняющих значительный процент всех задач по структурированию предложений и их сегментов. Иначе говоря, полные и краткие местоимения выполняют во многом те задачи, которые в других языках мира реализуются морфологией.

С этим связано и решение второго вопроса — о доминанте изоморфизма между уровнями морфологии и синтаксиса.

В свою очередь, несомненно, что доминанта посессивности реализуется весьма активно и разнообразно. Притяжательные определения и местоимения в полной и клитической форме выполняют разные синтаксические функции как при глаголах, так и при именах, помогая различать актанта — подлежащее-актора и разные дополнения. Можно, видимо, считать, что в языках ВИТ доминанта посессивности проявляет большее число и разнообразие импликаций, чем в языках ФТ и МТ. По этим чертам, как и по ряду других, упоминавшихся выше, строй языков ВИТ стоит ближе к структуре языков ОТ.

Глава 4

Океанийский тип (ОТ)

Основные подразделения океанийской ветви АН языков — полинезийские и меланезийские. Говорящие на них многочисленные племена и народности обитают на десятках островов юго-западной части Тихого океана, большинство которых входит в архипелаги. Принято разделять языки Западной Полинезии (*тонга, ниуэ, самоа, восточно-увеанский, восточно-футунский, эллис и токелау*) и Восточной Полинезии (*маори* на Новой Зеландии, *рапануи* на о-ве Пасхи), *таити, туамоту, раротонга, мангаревский, гавайский, маркизский* (как правило, они, как и народы, именуются по названиям островов). По истории развития и современной структуре они близки к языкам Меланезии (о-ва Фиджи, Новые Гебриды, Ротума и часть Соломоновых островов).

С XVI в. началось нашествие европейских охотников за богатствами, называемое эпохой Великих географических открытий. Первыми появились португальские и испанские мореплаватели, которые обнаружили острова в Тихом океане на пути в Новый Свет и стали основывать здесь портовые фактории, торговые и военно-опорные пункты. Затем сюда прибывали купцы, католические миссионеры и, конечно, грабители и работорговцы всех мастей.

Англичане, французы, немцы и североамериканцы оценили выгоды, которые можно извлечь из островов Океании, несколько позже (в основном с XVII в.), после того как обосновались и укрепили свои позиции в более близких к ним и выгодных колониях Южной и Юго-Восточной Азии и Африки. Чем активнее европейская «цивилизация» осваивала острова, используя аборигенов как рабочую силу или просто уничтожая их разными способами, тем больше сокращалась численность местного населения, вплоть до полного исчезновения некоторых этносов вместе с их языками.

После окончания Второй мировой войны и в настоящее время в Океании — будем говорить о Полинезии и Меланезии, не включая Новую Гвинею с прилегающими островами, где исконные языки населения не относятся к АН семье, — сформировалось много островных независимых, обычно небольших государств, военным или мирным путем освободившихся от колониальной зависимости. Среди них особая судьба у Гавайских островов со столицей Гонолулу, трансформированных из американской колониальной территории в равноправный 49-й штат США.

Языковая ситуация и научные описания

Языковая ситуация в Океании, где насчитывается до тысячи АН и папуасских языков и диалектов, с точки зрения как строя исконных языков, так и их контактирования с языками пришельцев, представляет сложнейшую картину. Систематическое и научно обоснованное изучение этой ситуации стало проводиться уже после Второй мировой войны, а до этого были отдельные наблюдения, краткие описания и списки слов и лишь в отдельных случаях — более или менее полные словари и школьные учебники с грамматическими правилами.

При описании океанийского типа АН языков на данном этапе представляется достаточным ограничиться материалом полинезийских языков (ПН) — они многочисленны и характерны по строю.

На русском языке первые описания этих языков появились в востоковедной серии, основанной в 1959 году Г. П. Сердюченко. Это были: «Язык маори» словацкого лингвиста Виктора Крупы, работавшего среди маорийцев на о-ве Новая Зеландия [Крупа 1967; Крупа 1968], «Полинезийские языки» [Крупа 1975], «Гавайский язык» [В. Крупа 1979], «Самоанский язык» [В. Д. Аракин 1973], «Таитянский язык» [Аракин 1981], «Язык ниуэ» [Полинская 1995].

Исключительно детальное и добросовестное описание контактирования языков в регионе дано в монографии (докторской диссертации) В. И. Беликова [1998] и его более ранних работах [1981; 1987]. Им использовано множество источников, в первую очередь работ австралийских, новозеландских и американских языковедов.

Этнографическая характеристика ситуации в Океании дается в работах П. И. Пучкова [1967; 1968; 1983].

В книге Ю. Х. Сирка, посвященной сравнительно-историческим проблемам АН языков [Сирк, 2005], раздел «Океанийские языки» — довольно объемный [С. 387–438]. Это интересное исследование, но оно не касается современного состояния и структурно-типологических проблем языков региона, поэтому в нашей работе не используется.

Перечисленные публикации исчерпывают все источники по океанийскому региону на русском языке.

В международной коллективной монографии по АН языкам, изданной в 2005 году [Adelaar, Himmelmann, eds. AN 2005], предоставляющей много ценной информации, вообще, к сожалению, нет описания океанийских языков.

Детальное исследование разных этапов лингвистического (не всегда профессионального) изучения основной группы ОТ — языков Полинезии представлено в названных выше книгах Виктора Крупы, включая и английские издания [Кгура 1968; Крупа, 1975; 1973; 1982]. Эти работы охватывают период традиционного, европоцентристского подхода к изучению языков аборигенов. Такой подход наблюдался и в отношении к языкам Индонезии, Филиппин, Индокитая. Особенно мешало исследователям представление о глаголе как части речи с формальным спряжением по лицам и числам, привычка к порядку слов SVO, невыработанность представления об оппозиции слово — морфема.

В последние десятилетия новые взгляды в компаративистике, лексико-статистическом анализе, структурализме и дескриптивистике во всех областях языкознания в ЮВА привели к кардинально новым результатам в описании всех языков.

Структурные особенности группы ОТ. Фонология

В аналитических языках ОТ принципиально важным представляется признание класса глаголов (прежде выделяли причастия и универсальные слова), разработка понятий морфемы, слова, фразы, тщательное описание фонетики и фонологии.

В частности, при описании ПН языков лингвисты в первую очередь обращают внимание на специфику фонологических систем. В сравнении с обычными АН системами бросается в глаза преобладание гласных в построении всех морфем.

Гласные фонемы представлены в основном пятью обычными для АН языков единицами; они могут варьировать по артикуляции, по долготе, принимать ударения (динамические). Это набор [a], [i], [e], [u], [o].

Значительно число слогов, состоящих из одного гласного или дифтонга. Этим объясняется напевное, музыкальное звучание речи, обычно отмечаемое в полинезийских языках. Благодаря наличию долгих и кратких вариантов гласных и динамического ударения, в большинстве языков структуры двух- и трехсложных морфем и слов делаются более четкими.

Согласных фонем сравнительно мало. Основная и часто единственная (например, в гавайском языке) модель сочетания фонем CV в слоге

и CVCV, CVV — в морфеме. Отсутствуют или очень редки сочетания CCV, CVC. Число согласных в современных ПН языках, по сравнению с праполинезийским состоянием, явно уменьшилось, в основном из-за перемещения артикуляции назад к области гортани и перехода негортанных фонем в гортанные. В. Крупа по этому поводу пишет, что «этот закон обусловил чрезвычайно простую структуру морфемы в полинезийских языках» [Крупа 1975: 21]. Очень существенное изменение — ликвидация противопоставления фонем [r] и [l]; они либо слились в одну из этих двух, либо вообще перешли в другие согласные (в языках *маркизском*, *реннельском*). Есть и другие подобные изменения, дополняющие картину классификации языков всей подсемьи.

В некоторых ПН языках встречаются удвоенные согласные — также обычно на границе слогов или морфем (в языках *нукуор* и *реннель*, Внешняя Полинезия). Множественное число в глаголах маркируется удвоением инициального согласного, например: НУК *seni* ед. ч. — *seni* мн.ч. ‘спать’; РЕН *kai* ед. ч. — *kkai* мн. ч. ‘есть’ [Крупа 1975: 29].

В целом фонологические системы (как и грамматические) весьма сходны в разных языках — настолько, что еще в начале XIX в. речь шла о диалектах единого ПН языка, а не о разных языках.

Все современные ПН языки пользуются графикой на латинской основе. Только на о-ве Пасхи остались древние надписи на оригинальном письме «ронго-ронго», к расшифровке которых было приложено много усилий исследователей.

Системам гласных звуков в ПН языках присущи две просодические черты — динамическое ударение и долгота. При этом долгота варьирует с удвоением тождественных гласных, возникающим при слиянии слогов. Ударение обычно не является смыслоразличительным — оно формирует звучание слова и словосочетания. В языке маори ударение падает на первый слог знаменательной части слова — не на префиксы и препозиционные частицы. В гавайском и самоанском языках ударным обычно является предпоследний слог. Последние слоги склонны к редуцированию.

Морфемы и слова

Уровни морфем и слов в ПН языках имеют ряд своеобразных черт. Обладающие синтаксической самостоятельностью знаменательные слова в большинстве равны одно- или двухсложным морфемам. Характерная черта текста — преобладание аналитических структур. При знаменательных словах используется множество частиц — вспомогательных единиц, передающих коммуникативные, дейктические, дополнительные семантические значения

и синтаксические связи. Слово является ядром грамматического комплекса (в полинезийской обычно называемого «фразой»); слева и справа от этого ядра, в соответствии с правилами каждого языка, располагаются частицы.

Наряду с этим имеются немногочисленные синтетические морфологические показатели — префиксы и суффиксы, придающие определенные грамматические значения. Наиболее распространенными и продуктивными представляются префикс каузативности, восходящий к АН *pa-*, и суффикс пассивного залога — сочетание гласных *-ia*, которое может иметь консонантную инициаль. Естественно, что частицы ставятся левее префиксов и правее суффиксов.

Во всех языках имеется продуктивный суффикс $[(C)a]nga$, при помощи которого образуются отглагольные производные, выступающие в основном в именных функциях, но иногда и в качестве деепричастий.

Есть еще ряд аффиксов, выражающих при глаголах интензивность, потенциальность, совместность, взаимность.

Очень активны и многообразны способы *удвоения*: полное удвоение (наиболее продуктивно удвоение двухсложного корня), частичное удвоение — как инициального, так и конечного слога, не только слога корня, но также префикса или суффикса (часто они удваиваются в усеченной форме).

О синтаксисе

Как и другие в АН семье, ПН языки — акционально-доминированные (по Кэпеллу): как правило, синтетические и аналитические показатели относятся к словам-предикатам — глаголам действия и состояния и, в меньшей степени, к качественным предикатам. Оформление имен намного беднее. С этим связана и другая типично АН черта — позиция комплекса с ядром-глаголом в начале предложения; остальные члены следуют за ним.

В результате совмещенного употребления разных средств возможно построение синтаксических сегментов, состоящих из многих морфем, — но это встречается нечасто.

Характерно построение предложений, состоящих из последовательно связанных сочетаний глаголов с дополнениями или обстоятельствами.

В этом контексте ряд авторов уделяли внимание присутствующей во многих ОТ языках особой сериальной конструкции, в которой примыкающий справа глагол, часто с суффиксом переходности, выполняет функцию предлога, присоединяющего к ядерному глаголу имя в функции дополнения или обстоятельства. М. Дури опубликовал специальную обзорную статью об этом явлении [Durie 1988].

Конкретные сведения о таких структурах представлены, естественно, в описаниях каждого из языков и в общеполинезийских исследованиях.

Системы местоимений. Клитики

Вопросительные местоимения

	ТОН	САМ	МАО	РАР	ТАИ	ГАВ	ПАС
личные кто?	hai	?ai	wai	vai	vai	wai	ai
предметные что?	haa	aa	aha	aʔa	aha	aha	aha
количественные сколько?	fiha	fia	(w)hia	ʔia	hia	hia	hia
определятельно-ориентировочные:	*fee	*fea	*(w)hea	*ʔea	*fea, hea	*hea	*hee
(который?) какой, как?	ko e, fee, ʔae fee, e fee, e he fee	le fea	tee (w) hea	teʔea	tehia	hea	hee
какой?	feefee	faʔa- pefea	pee(w) hea	peeʔea	peehea, nafea	peehea	pehee
где?	ko fee, ʔa fee, ʔe fee	i fea	i(w)hea, kei(w) hea	telʔea	tei hea ʔi hea	mahea, ʔauhea	i hee
когда? (в прошлом)	ʔaneefee	anafea	ina(w) hea	inaʔea	inafea, ʔi anafea	inahea	angahee
когда? (в будущем)	ʔafee	afea	a(w)hea	aʔea	afea, ahea, anafea	ahea	ahee

Во всех ОТ языках имеются богатые системы местоимений. Выделяются местоимения личные и притяжательные; последние различаются по значениям определенности/неопределенности и столь специфичным для ОТ значениям отчуждаемости/неотчуждаемости. Доминанта притяжательности реализуется и здесь: притяжательное местоимение обозначает актора при глаголе (например, в языке маори). Есть также специфические — бенефактивные притяжательные местоимения с согласным ‘m’ в инициали, передающие значение ‘для’: *маори; тааки* ‘для меня’.

В некоторых языках притяжательные местоимения сохранились в виде энклитик при терминах родства.

Есть особые группы указательных местоимений, ориентирующих в отношении пространства и времени. Подобно местоимениям в МТ, они различаются по степени удаленности от говорящего (при нем, при собеседнике, вдали от обоих). Основная позиция притяжательных и указательных местоимений — перед именем.

Есть также языки, в которых указательные местоимения имеют формы единственного, двойственного и множественного числа; они могут занимать постпозицию при имени (*западно-футунский, анивский*).

Вопросительные местоимения не столь многочисленны: «кто?», «что?», «сколько?», «который/где/когда?». Для иллюстрации позаимствуем обобщающую таблицу по вопросительным местоимениям в книге В. Крупы [1975: 72].

Класс числительных

Следующая таблица включает основные числительные важнейших языков ПН в той же книге [Крупа 1975: 73].

Числительные в полинезийских языках

Основные числительные	ТОН	САМ	МАО	ПАР	ТАИ	ГАВ	Пас
один	taha	tasi	Tahi	tazi	hooze, tahi	kahi	Tahi
два	ua	lua	Rua	rua	piti	lua	Rua
три	tolu	tolu	Toru	toru	toru	kolu	Toru
четыре	faa	faa	Whaa	ʔaa	maha	haa	Haа
пять	nima	lima	Rima	rima	pae	lima	Rima
шесть	ono	ono	Ono	ono	ono	ono	Ono
семь	fitu	fitu	Whitu	ʔitu	hitu	hiku	Hitu
восемь	valu	valu	Waru	varu	vazu	walu	Varu
девять	hiva	iva	Iwa	iva	iva	iwa	Iva
десять	hongo- fulu	sefulu	tekau, ngahuru	ngaʔ uru	ʔahuru	ʔumi	Kauatu
сто	teau	(se) lau	rau	ʔanere	hanere	haneli	Rau
тысяча	afe	(se) lau afe	rau mano	ʔantre tauatini	hantrt tauatini	haneli raukani	pau piere

Во многих языках имеются префиксы, образующие порядковые и распределительные числительные. Основные числительные сочетаются как с именными, так и с глагольными частицами, соответственно могут сто-

ять либо в определительной позиции после имени, либо в начале предложения в функции сказуемого.

Словосочетания. Грамматические частицы

На синтаксическом уровне в ПН языках могут функционировать изолированные слова, в том числе и морфологически оформленные. Но основной структурной единицей полных предложений является многочленная единица, которую я называю «грамматический комплекс», т. е. тем же термином, что употреблялся в описаниях языков МТ, ФТ, ВИТ, чамского языка и в некоторых других случаях. Принятый в западной океанистике термин «фраза» для русскоязычного текста не подходит, поскольку имеет у нас другое основное значение.

ПН языки имеют весьма богатые возможности построения грамматических комплексов, что вытекает из богатства и многообразия разрядов частиц, которые входят в состав комплекса слева и справа от ядра — знаменательного слова, пополняя его значение многими оттенками, актуальными для каждого высказывания.

Хотя знание этих частиц — один из основных компонентов знания языка, полное перечисление их в данной работе невозможно, и мы ограничимся характеристикой основных разрядов этой группы слов.

В. Крупа в своем описании ПН языков [Крупа, 1975] делит частицы в первую очередь на два больших разряда: грамматические и ориентировочные (наречные). Эти разряды различаются, во-первых, по семантике и, во-вторых, по позиции: грамматические частицы занимают позиции, как правило, слева от лексемы — ядра комплекса, а частицы с наречным оттенком стоят обычно в правой периферии комплекса. При этом существуют основные правила того, насколько отдалена от ядра позиция тех или иных семантических разрядов частиц, в соответствии с чем определяются значения составных частей комплекса. В этом своеобразии и сложности построения синтаксических конструкций в ПН языках (как и в других языках Океании), сопутствующая их аналитическому строю; в других аналитических языках (даже в китайском, вьетнамском, тайском) нет подобных сложностей или они менее многочисленны.

Каждый из двух названных разрядов частиц делится на подразряды на основе семантики и синтаксических особенностей.

Первый разряд — грамматические частицы — представлен подразрядом предикатных, т. е. сочетающихся с ядерными лексемами с предикатными (глагольными, качественными) значениями, и подразрядом приименных частиц, которые сочетаются с именами, качественными лексемами, глаголами, не имеющими показателя пассива.

Предикатные частицы состоят из двух семантических классов, занимающих определенные позиции в левой периферии глагольного комплекса: 1) процессуальные частицы; 2) местоименные частицы.

Процессуальные частицы стоят в начале глагольного комплекса. Они выражают значения вида, времени, наклонения.

Местоименные частицы, указывающие на лицо актора, существуют в языках Западной Полинезии. Они занимают позицию между глагольным ядром и процессуальными частицами, стоящими в начале комплекса.

Приименные частицы по семантике делятся на два позиционных класса. Крайнюю левую позицию в именном комплексе занимают частицы, указывающие на синтаксические функции имен и их отношение к другим членам предложения, т. е. выполняющие предложные функции. Между ними и ядерным словом ставятся частицы с определительными значениями — определенные и неопределенные артикли, которые могут взаимозаменяться с указательными и притяжательными местоимениями.

В некоторых языках эту же позицию могут занимать показатели числа — единственного, двойственного, множественного.

В книге В. Крупы приведены схемы построения именных и глагольных комплексов с позициями частиц [Крупа 1975: 78–91].

Грамматические категории на синтаксическом уровне

Описание словосочетаний В. Крупа дополняет анализом грамматических категорий — всего их четыре группы:

- 1) количественные отношения: числа, фреквентативности, интенсивности;
- 2) субъектно-объектные отношения: залога, каузативности, реципрокальности;
- 3) выражение отношения к действительности — вида, времени, наклонения;
- 4) выражение дейксиса — ориентации в пространстве, определенности и притяжательности [Крупа 1975: 91–104].

Значения категорий выражаются как аналитически, в виде частиц и местоимений, так и синтетическими средствами — путем аффиксации, удвоения полного и частичного, внутренней флексии (последняя малопродуктивна). Используется еще своеобразный способ супплетивизма — когда несколько слов образуют парадигму, которая представляет разные значения одной семантической категории.

Отрицания

Способы выражения отрицательности, как в составе предложений, так и вне их, образуют в ПН языках сложные и многослойные системы.

Отрицаниями являются частицы, основы которых обычно односложны; к ним присоединяются другие элементы. Как правило, в каждом языке таких частиц несколько; они различаются по значению, сочетаемости и по употреблению в разных типах предложений. Основные разновидности: отрицание наличия и принадлежности, отрицания при глагольных и неглагольных (качественных, именных) сказуемых, выражение значений «еще не» и значения запрета. Приведенная общая схема, как можно видеть, по семантике весьма сходна с таковой в других АН языках, однако генетически слова не совпадают. Кроме того, в отдельных ПН языках отмечены дополнительные единицы с различными оттенками отрицательных связей.

Эта сложная, малоизученная картина привлекла внимание лингвистов, написавших статьи в специальный сборник: "Negation in Oceanic Languages; Typological Studies". Even Hovdhaugen & Ulrike Mosel, eds., Lincom Europa, 1999. Мною была использована вводная статья [Ulrike Mosel 1999].

* * *

Дополнительная задача предложенного здесь описания основных черт строя ПН языков состоит в том, чтобы расширить представление о типах языковых структур вообще и о разновидностях аналитического строя в частности и соответственно сделать более полным наше общее представление о таких структурах.

Глава 5

Индокитайский тип структуры (ИТ)

Историко-географические сведения

Выше были описаны четыре группы АН языков, объединенные по принципу структурно-типологического сходства, но одновременно характеризующие единые географические ареалы. Однако такие принципы описания подходят не ко всем географическим областям АН семьи — в предложенном нами анализе остались незатронутыми, в частности, Калимантан, Сулавеси, Ломбок, Мадагаскар, — где не обнаруживаются структурно-типологические общности. Кроме этого, надо учитывать, что в ареал Юго-Восточной Азии входят не только островные обитаемые территории Индонезии, Филиппин, Океании, но и своеобразный регион Индокитайского полуострова, населенный народами разных семей, в том числе и австронезийцами. Целесообразно поэтому изучать ЮВА в целом, постигая сходство и различия языков и в островном, и в полуостровном ареалах¹.

Речь идет о многих государствах и этносах, разделенных и географически и политически. К тому же в прошлом в течение нескольких веков в разных странах региона были разные колониальные власти, препятствовавшие внешним связям их населения.

¹ Многие сопоставления родились в результате коллективной работы и творческих дискуссий как с советскими, так и с вьетнамскими коллегами — специалистами по различным языкам, за что я им неизменно признательна и что дает мне большую уверенность в правильной оценке языковых фактов. Среди опубликованных работ, типологические обобщения которых мной использованы, первой следует назвать детальное исследование Х. К. Кована относительно связей языка аче с мон-кхмерскими языками [Cowan, 1948]; большой интерес представил ряд работ Ю. А. Горгониева, особенно публикация его доклада «О близости грамматических систем кхмерского и тайского языков» [1960].

В течение 350 лет Индонезией владела Голландия, Филиппинами — Испания, затем США, западной частью Индокитая (Малайей, Бирмой) — Британия, а его восточной частью (Вьетнам, Камбоджа, Лаос) — Франция. Соответственно, исследования ученых были ограничены этими искусственными препятствиями.

Полуостров Индокитай по природным условиям — территория с субтропическим климатом, на юге близком к тропическому.

Население полуострова состоит из многих генетически различных общностей; часть из них переселялась сюда в разные эпохи с севера, с территорий, заселенных китайцами. Что это были за народы, когда появились на полуострове, какие были связи между ними — стало интересовать европейских исследователей сразу же, когда в эпоху позднего средневековья начались колониальные захваты.

Большая часть народов, населяющих северные и центральные регионы Индокитая и сформировавших более или менее крупные государства — Таиланд, Бирму, Вьетнам, Лаос — в разные периоды позднего средневековья переселились с севера, но не порвали с влиянием Китая, цивилизационной и, конечно, материальной зависимостью от него.

Другие народы, не связанные столь тесно с северными соседями, — это те, что обосновались очень рано, в первые века нашей эры, в южных и юго-восточных районах полуострова, входивших в то время в зону индийской цивилизации. Сами они не были ариями-индийцами, принадлежали к другим расам: например, мон-кхмерская подсемья относится к австроазиатской семье; чамийская группа народов относится к австронезийской семье, точнее, к ее малайческой западно-индонезийской подсемье.

Мон-кхмерские племена, по-видимому, поселились на Южном Индокитае с самых давних времен; будучи в подчинении у индийских вождей, они переняли индийско-буддийскую религию. Однако в литературе нет четкого указания на их генетическое происхождение — пишут об их принадлежности и к австроазиатской, и к аустрической семье. Нет четких сведений о том, откуда они переселялись на юг Индокитая. Восприняв индийскую цивилизацию, государственную систему и религию, кхмеры строили свое государство, достигшее высокого уровня развития в административной и военной сферах, в разных отраслях культуры.

О прошлом чамийских народов, их появлении на юго-восточном побережье полуострова строятся несколько иные предположения. Последнее из них принадлежит А. Аделаару. Он считает возможным, что чамийские и малайские народности еще в начале новой эры или ранее, когда происходил исход племен австронезийских предков из юго-восточного Китая, в отличие от них двинулись не в сторону Тайваня, а вдоль восточного берега

Индокитай, где и расселились. Малайцы были активными мореплавателями, отлично знали морское дело, владели искусством управления парусами, и они поплыли на юг, обживали Западное Борнео, оттуда — далее — в сторону Южной Суматры. В разных источниках указывается, что жители береговых поселений очень много занимались кораблестроением для морских путешествий, совершаемых в разных направлениях в Малайском архипелаге; и об этом сохранились записи китайских буддистов-путешественников. Видимо, эти мореплаватели могли освоить пути и к Китаю, и к Индокитаю, к его восточному берегу, который в древние времена еще не был заселен, хотя мог быть привлекателен.

На восточном берегу Индокитая начал обосновываться малайский народ чамы, в то время как другие родственные им племена — джарай, роглай, чру, раде/эде — освоились на лесных холмах. Эти племена вплоть до последнего времени занимались в основном охотой, собирательством и т. п.

Как и кхмеры, чамийские племена были под влиянием индийской цивилизации, древнечамское письмо стало развиваться рано, на основе индийского пали. Именно на древнечамском сделана самая старинная из сохранившихся надписей на австронезийском языке, высеченная на камне в конце IV в. н.э.

Общественное устройство представляло собой клановые и родовые объединения, основанные на принципах матриархата. Матриархальная организация общества и власти существовала и на побережье в сложившихся богатых княжествах чамов. Высшая власть принадлежала женщинам-княгиням и переходила по наследству к дочерям; мужьям при них принадлежали военные, административные, охранные, охотничьи функции (например, охота на слонов, тигров).

О генетических корнях разных народов Индокитая и их языках

Индокитайский полуостров — как бы природный «край земли» для огромного материка, естественный предел миграции людей с сурового севера на благодатный юг. В продолжение по меньшей мере двух тысячелетий на полуострове селились, временно соседствовали, вновь уходили, образуя различные ареальные комбинации, этнические и языковые группы разной генетической принадлежности. Только на территории современного Вьетнама можно насчитать языки и диалекты, относящиеся к 5–6 языковым семьям: австроазиатской (АА) и австронезийской (АН), тайской и китайско-тибето-бирманской (КТБ), и в их числе — ряд языков,

которые обладают смешанными чертами и с трудом поддаются генеалогической классификации. Нестабильности языковых контактов способствовала нестабильность государственных границ, поскольку на протяжении этих двух тысячелетий здесь возникали, боролись, расширялись и теряли свои позиции государства, в которых господствовали разные этносы. И это влекло за собой то возвышение, то падение престижа и распространности разных языков: китайского, кхмерского, тайского, монского, бирманского, вьетнамского, чамского. Пример такого повышения престижа в последние несколько веков представляют вьетнамский и тайский языки. В этом отношении особого внимания заслуживает группа малоизученных чамийских языков. Постоянно действующими и очень сильными факторами культурной и лингвистической аккультурации в этом ареале следует считать также китайское и индийское влияние. Период наиболее активного индийского влияния — первое тысячелетие н.э., пора внедрения индуизма и буддизма.

Китайское влияние, видимо, усиливалось несколько позже, в частности, с продвижением на юг вьетнамских, позже — тайских племен и вождей.

Поскольку одна из задач данной монографии — сравнение островных языков ЮВА с полуостровными, нельзя ограничиваться обзором исследований только АН языков. Что касается полуостровных, то, безусловно, следует сосредоточиться на языках, относящихся по структуре к индокитайскому типу, т. е. бытующих в восточной части Индокитая. Малайский язык и его диалекты на западе, т. е. в Малайзии, относятся к малайскому типу.

У многочисленных народов, населяющих полуостров и относящихся к разным генетическим семьям, — разные по лексике и структуре языки. Лингвистических семей здесь немало. Естественно начать с характеристики китайской семьи. Это группа языков алтайского типа, весьма богатых лексически; есть элементы суффиксальные, придающие лексическим основам значения деривативные или грамматические. У этих языков сложные и разнообразные синтаксические правила, главное из которых — препозиция зависимого слова: определения, дополнения, обстоятельства.

Две семьи аналитических языков — тайские и вьет-мыонгские — развивались в тесной связи с китайским, восприняли из него много лексики и выражений, но генетически относятся к другим ветвям. Главные их особенности на уровне слов — моносиллабизм морфем с разными построениями слогов; на уровне синтаксиса — постпозиция зависимых, определяющих слов в структуре сегментов предложения. Эти правила дополняет еще целый ряд построений, в частности, специфические роли отдельных слогов,

а в синтаксисе — сериальные глагольные цепи, подчас с измененными значениями глаголов.

В целом лингвистическая ситуация в ареале Индокитая — структурные и лексические схождения и расхождения, то совпадающие, то пересекающиеся, то контрастирующие с соответствиями и различиями генетического порядка — представляет очень сложную и многообразную картину, что давно уже было отмечено многими исследователями.

В языкознании существуют две генеалогические гипотезы: австрийская В. Шмидта (1906) и австротайская П. К. Бенедикта (1975; 1976), к которым мы можем обращаться в поисках объяснения и разрешения этой проблемы. Нет недостатка и в различных предположениях относительно языковых субстратов. Подчеркнем, что речь в настоящем разделе работы идет о среднем и восточном регионах Индокитая — Лаосе, Таиланде, Камбодже, Вьетнаме с его чамийскими районами. Западная часть полуострова занята государствами с языками иного типа — Малайзией с малайским и Бирмой с лоло-бирманскими языками.

И все же характер лингвистической картины Индокитая, судя по всему, нельзя удовлетворительно объяснить ни одной из названных генеалогических и субстратных гипотез. Как видим, вопрос об исходном, отдаленном родстве современных генетических единств даже в гипотетическом плане ставится пока двояко, поэтому при рассмотрении конвергентного развития языков ареала в историческое время опереться на какие-либо определенные представления о генетических связях пока затруднительно.

К индокитайскому типу (ИТ) в широком плане относятся языки мон-кхмерские, вьет-мыонгские, тайские и чамийские, представленные в нашем описании кхмерским, вьетнамским, тайским и чамским языками. Три языка (кроме чамского) уже давно изучаются и преподаются в специальных учреждениях Москвы и Петербурга, есть опытные, получившие международное признание специалисты: преподаватели, авторы учебников, словарей, исследовательских трудов. Среди исследователей нельзя не упомянуть глубоко преданного науке покойного Лонг Сеама, доктора филологических наук, кхмера по национальности, эмигранта, десятки лет служившего российскому востоковедению.

Лингвистическая экспедиция РАН во Вьетнаме

Мой интерес к индокитайским языкам, как уже упоминалось, был стимулирован участием в советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Я познакомилась с АН чамийскими языками и одновременно с некоторыми языками другой генетики, которые оказались, однако, типо-

логически сходны с чамийскими. В результате исследования всех сходных структурных признаков и выработалось понимание ситуации как языкового союза, о чем и пойдет речь ниже.

В связи с изучением языков ИТ особое значение имеет вопрос о материалах полевой работы, собранных участниками многократных этапов советско-вьетнамской лингвистической экспедиции по изучению языков национальных меньшинств Вьетнама. Руководителем и организатором экспедиции с советской стороны был проф. В. М. Солнцев, а после его кончины — Н. В. Солнцева. Первый этап экспедиции, в котором я принимала участие, проходил в 1979 г., т. е. вскоре после ухода американских войск из Вьетнама.

Экспедиция работала в разных районах страны, от севера до юга. Ее участники объединялись в пары: вьетнамец с советским лингвистом, специалистом по определенной семье языков — мон-кхмерских, или вьетмыонгских, или китайского, или малайческих. Так, мною вместе с коллегой Буй Кхань Тхе были собраны материалы по языкам кхмер (восточный диалект), ксингмул, мыонг и — самое ценное — чам, неизвестный в России малайческий язык народа, обитавшего на юго-востоке полуострова уже в первых веках нашей эры. Чамы были умелыми мореплавателями, создали сильное и влиятельное государство, подавленное вьетнамскими завоевателями лишь в XVII веке. Они построили прекрасные индуистские храмы, создали яркие литературные произведения (записанные индуистским письмом пали).

Участники экспедиции много раз выезжали во Вьетнам, собрали ценные, совершенно новые и уникальные материалы по большому числу языков нацменьшинств разной генетики. Многие материалы уже давно оформлены в книги, но опубликовано из них лишь несколько.

Наша книга о чамском языке также была подготовлена к печати в 1980 г., но не была издана тогда. Позже интерес проявили коллеги в Петербурге, и наш текст, немного сокращенный, был издан в 1999 г. фирмой «Петербургское востоковедение». (В опубликованной в Гонолулу рецензии Л. Гранта выражено удивление: почему материалы, собранные в 1979 г., изданы лишь в 1999 г.?)

О применении концепции языкового союза

Поскольку обрисованная выше лингвистическая картина Индокитая не может быть достаточно объяснена ни одной из названных генеалогических и субстратных гипотез, постольку ответ на вопрос об отдаленном, исходном родстве современных генетических единств даже гипотетически мо-

жет быть двояким. Вот почему при рассмотрении конвергентного развития языков ареала в историческое время опереться на какие-нибудь единые представления о генетических связях пока затруднительно.

Один из возможных подходов к объяснению этой проблемы — признание концепции **языкового союза**. Она подразумевает наличие особого структурного типа языковой системы, который должен быть ограничен от других типов и, конечно, в первую очередь от близких географически. Если мы посмотрим на эту концепцию сквозь призму тех признаков языкового союза, которые были выработаны на легшем в ее основу балканском материале, то увидим, что очень похожий комплекс черт существует в изучаемом регионе Индокитая. Более того, индокитайская языковая конвергенция, охватившая разные семьи, даже как будто более «идеально», чем балканская, соответствует концепции языкового союза. Эта концепция, как определяет А. В. Десницкая, «прилагается к результатам конвергентного развития языков в пределах определенной географической зоны, в процессе которого в этих языках появились общие признаки типологического характера, не обусловленные общностью происхождения даже в тех случаях, когда соответствующие языки являются исходно родственными» [Десницкая 1980: 136]. Последняя оговорка в этой дефиниции вызвана тем, что языки, объединяемые в балканский языковой союз, имеют общее индоевропейское происхождение; она излишня в применении к индокитайскому ареалу.

По поводу индокитайского языкового союза следует признать, что пока сделаны самые первые шаги для генетической характеристики (применяя *mutatis mutandis* слова А. В. Десницкой, сказанные относительно балканского союза) «набора языковых явлений, признаваемых в силу их распространенности в наибольшем количестве языков» индокитайского ареала «наиболее типичными (или наиболее «симптоматичными» [там же, с. 139]) индокитаизмами».

На самом Индокитайском полуострове рассматриваемый тип структурно отличается и от китайской, и от лоло-бирманской общности, которые обладают признаками алтайского типа, и от малайского языка с диалектами в Малайзии, входящего в малайское подразделение австронезийских языков с их структурными особенностями.

В то же время немалая структурная близость существует у индокитайского типа с общностью китайских языков и диалектов — это близость по группе признаков структуры морфемы и слова, признаков моносиллабизма и фонологических тонов, а также частично — по правилам алтайского типа в построении синтаксических структур.

Но по второй принципиальной группе признаков — правилам объединения морфем в слова и слов в синтаксические сегменты — налицо столь же

принципиальные отличия, прежде всего — закон постпозиции зависимого компонента по отношению к ядерному в языках Индокитая и противоположное правило в языках алтайского типа.

И здесь мы можем перейти к сопоставлению индокитайского типа с языками островной Юго-Восточной Азии, т. е. с группами языков австронезийской семьи. Среди них также выделяется несколько структурных типов — я говорю о четырех: малайском, филиппинском, восточно-индонезийском и океанийском, описанных во II части данной работы. Напомним, что для малайского типа также характерна постпозиция зависимого слова в словосочетании, сопряженная с преобладанием префиксов в аффиксном инвентаре (вспомним о «межуровневой фреквенталии», выведенной Баскаковым, Гаджиевой, Серебренниковым для алтайских языков (см. ч. I, гл. 5, доминанта 1), и предложенном мной ее понимании для АН языков как соотношения «обратного порядка»).

Таким образом, для ареала индокитайского языкового союза с характерным для него специфическим набором структурных признаков обрисовываются границы по отношению к соседним ареалам с бытующими в них языковыми общностями, обладающими иными наборами основных признаков, которые складываются в иные языковые системы.

Структурные особенности индокитайского типа

Ниже следует перечень — конечно, пока предварительный — некоторых явлений и признаков, отмечаемых в различных языках Индокитая. Здесь обобщены данные ряда их представителей: вьетнамского и мыонгского (вьет-мыонгская ветвь австроазиатских языков, отличная от мон-кхмерской); кхмерского (мон-кхмерская ветвь австроазиатских языков); тайской семьи — тайского, лао, ли на о. Хайнань, языка ксингмул (австроазиатский бесписьменный язык, далекий от обеих упомянутых ветвей). Отдельная подсемья — чамийская: чамский, джарай, роглай, чру (малайская ветвь австронезийской семьи). По языку чру (тьру) собирался полевой материал, который был проанализирован А. Федоровым в весьма интересной кандидатской диссертации [Федоров 1987]. Мое участие в сборе и обработке этих полевых данных (вьетнамский использовался как язык-посредник) в составе советско-вьетнамской лингвистической экспедиции (январь — апрель 1979 г.) способствовало моему интересу к индокитайским языкам. В результате исследования структурных признаков, сближающих разные языки региона, и выработалось понимание ситуации как языкового союза, о котором здесь идет речь.

А. На уровне фонологии

1. *Консонантизм*. Полно представлены носовые; наличие гортанной смычки; противопоставление по глухости — звонкости соответствует противопоставлению по напряженности; ограничения на стечения согласных в слоге, на употребление их в конечнослоговой позиции; отсутствие фузии на стыках морфем и слов; явления придыхательности, преглоттализации, преназализации.

2. *Вокализм*. Сравнительно богат, особенно за счет дифтонгов, регистров, тонов и долготы; наличие неопределенного среднего гласного; ограничения на употребление гласных во втором и третьем от конца слогах корневой морфемы; нефонологический (не меняющий смысл) характер динамического ударения.

3. *Связь консонантизма и вокализма*. Тоны и регистры гласных отражают эволюцию соседних согласных, т. е. тоны и регистры суть результат развития в исторический период и не относятся к праязыковому состоянию; наличие полугласных *w* и *j* и неслоговых вариантов *u* и *ɨ*.

Б. На уровне морфемики

1. *Моносиллаб* как господствующий тип корневой морфемы (не обязательно статистически, но как тенденция — обязательно).

2. Определенная структура дисиллабической корневой морфемы: последний слог сильный, с полным использованием согласных, гласных и дифтонгов; первый слог (пресиллаб) — слабый, исчезающий или сливающийся со вторым в форме консонантной группы, обычно открытый, с ограниченным набором гласных; все суперсегментные средства усиления и различения слога (тон, регистр, долгота, ударение) используются в основном во втором слоге.

Например, в кхмерском языке (КЯ) довольно сложная система построения слога, признаки которой перечислены в [Горгониев 1961: 34]:

- 1) наличие в слоге лишь одной гласной фонемы;
- 2) наличие не более двух согласных в начале слога;
- 3) ограниченное число возможных конечных согласных в слоге;
- 4) невозможность стечений согласных в конце слога;
- 5) гортанная смычка в начале слога при отсутствии других начальных согласных;
- 6) образование открытых слогов только с долгими гласными;
- 7) неспособность гласных второго ряда образовывать слоги самостоятельно без начальных согласных.

В системе чамского языка (ЧЯ) есть и несколько иные правила построения морфем. «Варьирование односложных и двусложных морфем отмечается в идиолектах отдельных носителей языка, в то же время идиолекты разных носителей различаются по удельному весу в речи моносиллабов и дисиллабов» [Алиева, Б. Кх. Тхе 1999: 38–39]. В двусложных морфемах в ЧЯ основной компонент — последний слог, семантика — в нем. В качестве пресиллабов встречаются несколько слогов с инициалами t, p, k, m, с которыми построены исконные префиксы и в АН, и в АА языках. Соответственно, возникает вопрос: не префиксы ли это по происхождению? Но в современной речи они могут отпадать, подчиняясь правилу моносиллабизации. Тем не менее в ЧЯ есть несколько глаголов с пресиллабом ро' с побудительным значением: ро'to 'учить, преподавать'; ро'plaj 'продавать, покупать' (для АН языков характерен подобный префикс с каузативным значением). Есть дисиллабы с разными значениями и разными пресиллабами: tho'w 'знать, сообщать' > ро'tho'w 'докладывать', mu'ngtho'w 'ссориться'; kru' 'красивый' > to'kru' 'любить, быть привлеченным', mu'ngkru' 'красивый, привлекательный'; plaj 'покупать, продавать' > ро'plaj 'продавать', to'plaj 'продавать, проданный'.

В КЯ форма каузатива образуется префиксом р-/в- и инфиксом -am-, имеющими разные фонетические варианты, например: hat 'упражняться' > banhat 'инструктировать, упражнять'; baek 'разделяться' > bambaeak 'разделять'; phlw 'светлый' > bamphlw 'освещать'.

Практически очевидно, что в числе пресиллабов, имеющих тенденцию к ослаблению и исчезновению, — потерявшие продуктивность префиксы и инфиксы.

3. Среди двусложных знаменательных морфем в ЧЯ значительное число составляют повторы, образованные тождественным или дивергентным удвоением моносиллаба, не всегда существующего в синхронии как самостоятельная морфема. Например: чам atat cabat 'правила, адат' < atat 'adam', thul mul 'пыль, пыльный' < thul~ thun~ thur 'пыль' [Алиева, Б. Кх. Тхе 1999: 49].

4. Фонетическое варьирование морфемы — консонантное или вокалическое — как результат образования повторов и порождения (непродуктивного) новых морфем.

5. Абсолютное преобладание в современном морфемном инвентаре свободных знаменательных морфем. Несвободные знаменательные морфемы, как правило, — заимствования. Незнаменательные свободные морфемы — служебные слова — также обычно заимствованы; в части случаев они развились в данном языке из знаменательной морфемы. Незнаменательные несвободные морфемы — агглютинативные аффиксы — как продуктивное

средство слово- и формообразования в рассматриваемых языках, составляющих ядро индокитайского союза, обычно отсутствуют либо рудиментарны, хотя некоторые языки — чамийские, мон-кхмерские — такими средствами располагают.

О генетической принадлежности морфем и об общем ареальном запасе лексических единиц будет сказано ниже, после характеристики структурных признаков.

В. На уровне слов

1. Основной способ образования новых лексических единиц — это *словосложение*, причем та его разновидность, которая является здесь составными словами. Она охватывает модели сложения слов по синтаксическим правилам образования словосочетаний (не только бинарных сочинительных и подчинительных, но и трехкомпонентных, повторяющих синтаксическую модель П — С — Д, хотя, конечно, лишённую предикативности и перешедшую в разряд атрибутивных моделей). От словосочетаний эта разновидность сложных слов — составные слова — отличается отсутствием способности к синонимическим заменам и к свободному производству в речи, поскольку подобно всем лексическим единицам они воспроизводятся в готовом виде. Многие составные слова создаются с участием того же слова, что и компонент, образуя ряды; такие компоненты (среди них обычны слова со значениями ‘дом’, ‘человек’, ‘мастер’, ‘машина’, ‘ребенок’, ‘самец’, ‘самка’, ‘дело’, ‘работа’ и др.) функционально близки к словообразовательным аффиксам.

Например, в кхмерском языке, по описанию Ю. Ф. Горгониева, сложные слова производятся по определенным моделям. Глаголы образуются преимущественно по глагольно-объектной и результативной моделям. Для разных частей речи продуктивна копулятивная модель. В каждом случае при соединении двух имен, двух глаголов, двух прилагательных образуются соответствующие сложные слова. Например, имена в кхмерском языке: ko:nso ‘ключ’ < ko:n ‘ребенок’ + so ‘замок’, kgu: rE:t ‘врач’ < kgu: ‘учитель’ + rE:t ‘врачевание’, grase:areah ‘народ’ < grase: ‘нация’ + areah ‘народ’; глаголы: ku:hdau ‘отмечать’ < ku:h ‘проводить линию’ + dau ‘отмечать’, se:hre:h ‘выбирать’ (оба компонента — синонимы); прилагательные: khlanpu:kae ‘сильный’ < khlan ‘сильный’ + pu:kae ‘мощный’, thumtule:au ‘широкий’ < thum ‘большой’ + tule:au ‘обширный’ [Горгониев 1961: 51–52]. По этим примерам видно, что при атрибутивной связи образуемое сложное слово принадлежит к той части речи, к которой относится определяемый компонент.

В языке чам после утраты аффиксации словосложение стало главным способом образования лексических единиц с непростыми значениями. Составные слова здесь имеют структуру атрибутивного словосочетания, в основном — с ядром-существительным. В качестве определения выступают:

— существительные: r' uon jam < 'огород сад', 'огород + овощи'; nứ ʔ mta 'зрачок' < 'ребенок + глаз';

— прилагательные: ong ha 'старик' < 'дед + старый';

— глаголы: kaj tu 'трость, палка' < 'палка + опираться'; thang pAʔj 'школа' < 'дом' + 'учиться';

— трехкомпонентная группа со структурой И-(И-Г) или И-(Г-И): kôh hroʔ tokoʔ 'восток' < 'сторона' + 'солнце' + 'подниматься'; uŋAŋ nAŋ mAŋ 'охотник' < 'человек' + 'идти + охотиться'; mnuih ngaʔ hmu 'крестьянин' < 'человек' + 'работать + поле'.

Часть составных имен выступают в ЧЯ как прономинативы: zai nap < 'он, она' < 'старший брат/сестра' + 'тот'; как копулятивные сочетания: meʔ mi 'родители' < 'мать' + 'отец'; mnuʔ ta 'домашняя птица' < 'куры' + 'утки'.

Составные глаголы:

глагол + глагол: roʔ hloʔ 'уважать, почитать' < 'нести на руках' + 'поднимать';

глагол + имя: ngaʔ pruʔ 'работать' < 'делать' + 'работа'; ngaʔ hmu 'заниматься земледелием' < 'делать' + 'поле'.

Составные местоимения и служебные слова:

poʔ traʔ 'мы' (инклюз.); pjaʔ ti: 'из-за, по причине' < 'выходить' + 'из, от' [Алиева, Буй Кх. Тхе 1999: 48–49].

Во вьетнамском языке, как указывает В. С. Панфилов, сложные слова могут состоять из 1) связанных морфем, 2) свободной и связанной морфем, 3) свободных морфем. Связанные морфемы не выступают в этих образованиях как части речи [Панфилов 1993: 43].

2. Второй по важности способ словообразования — это удвоение: для индокитайского ареала особенно характерно наличие разнообразных моделей дивергентных повторов (с фонетическими изменениями), явно преобладающих над моделями полных, тождественных повторов, свойственных языкам на островах. Способ удвоения используется и для образования новых лексических единиц, и для передачи некоторых грамматических значений, и для перевода единиц из одного класса в другой (транспозиции); наблюдается значительное сходство в употреблении этого способа от языка к языку.

3. *Классификация знаменательных слов* по частям речи во всех рассматриваемых языках в принципе возможна, но главным образом на основе их семантики и их синтаксических признаков: функций в предложении и сочетаемости на основе семантики. Прилагательные везде входят вместе с глаголами в один большой класс предикативов, противопоставляемый классу имен.

Каких-либо синтетических, словоизменительных форм выражения *частных грамматических категорий в частях речи* нет. Выражение грамматических значений и взаимоотношений слов обеспечивается служебными и вспомогательными словами и происходит на уровне синтаксиса. Признаки регулярности, обязательности, как правило, нерелевантны в сфере выражения грамматических значений.

4. *Личные местоимения* как специальные слова довольно малочисленны и, кроме местоимений 3-го л., в вежливой речи не употребляются; в качестве личных местоимений широко употребляются существительные, обозначающие положения родственные, возрастные и общественные (категории). Отдельным разрядом притяжательных местоимений обладают не все языки.

5. Имеется специальный разряд слов, участвующих в образовании вопросительных и неопределенных местоимений и наречий. Они регулярно используются в реализации относительных синтаксических функций и связей.

6. *Служебные слова* в большинстве своем возводятся к знаменательным словам. Имеется некоторое число заимствованных и потому в синхронии не этимологизируемых служебных слов. В этом отношении существенно отличаются чамийские языки, которые в своем австронезийском лексическом фонде располагают несколькими предлогами — служебными, а не знаменательными морфемами.

Все разряды служебных единиц используются в описываемых языках наряду со вспомогательными словами — знаменательными словами, регулярно функционирующими в служебных функциях. Служебные и вспомогательные слова вместе образуют как бы парадигматические ряды единиц, обслуживающих выражение грамматических значений и отношений отдельных категорий. Это разряды *грамматических показателей*. Среди них выделяются группы приименных и приглагольных показателей, а также фразовые показатели. Со знаменательным подчиняющим их словом показатели образуют синтаксические единицы особого типа, имеющие много разновидностей, — *грамматические комплексы*. Коммуникативные функции обслуживаются специальными фразовыми показателями.

Предлоги и союзы на основании формальных критериев и ввиду отсутствия четкого различения классов слов трудно разграничить между собой, и это тоже типологическая черта.

7. Разряд *отрицаний* включает в себя общее отрицание, сочетающееся с предикативами (и не сочетающееся без связки с именами), запретительное отрицание; также встречается специальное отрицание «еще не». Характерно употребление парных отрицаний (два отрицания подряд, либо отрицание + усилительная частица, глагол наличия + отрицание), обрамляющих соответствующую группу слов в предложении.

8. Среди названных показателей *синтаксических*, функциональных единиц довольно много. Есть связки, показатели числа, атрибутивных и объектных отношений, счетные слова, показатели страдательности, взаимности, каузативности, предикативных категорий (вида, времени, модальности). Эта черта — характерная для аналитического строя.

Г. На уровне синтаксиса

1. Различаем два подуровня: предложения — объединения слов, обладающих предикативностью, и сегменты предложения — непредикативные объединения слов. Отсутствие в рассматриваемых языках синтетического формообразования на словесном уровне компенсируется разнообразием моделей синтаксических единиц. Поскольку нет личных форм глагола, то единственный способ указания на лицо подлежащего, это значение самого имени в этой функции.

Как и во всех аналитических языках, в ИТ синтаксические связи между членами предложения обеспечиваются порядком слов. Обычный способ — простое соположение знаменательных слов без каких-либо служебных показателей.

В этом разделе, посвященном синтаксису, я в основном привожу примеры из статьи покойной И. Е. Алешиной, прекрасного специалиста по вьетнамскому и ряду родственных языков. Статья «Типология простого предложения в языках изолирующего строя» была написана, как и ряд других разделов, для запланированного В. М. Солнцевым объемного комплекса «Структурно-типологическая характеристика языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии». Работа планировалась на 10–15 лет, в нее были вовлечены многие сотрудники Отдела языков ИВ АН. Но дело не было доведено до конца. Написанные разделы остались неопубликованными (мой также). Хочется упомянуть вклад И. Е. Алешиной и хоть как-то использовать черновик ее статьи (часть примеров она приводит в русской транскрипции).

2. Преобладающие структуры двучленных и трехчленных предложений — П — С и П — С — Д. Например:

КЯ: *Мода:й сралань ко.н.* Мать любит ребенка (мать любить ребенок) [Горгониев 1966: 222].

ТЯ: *Kai kin takuan*. Он ест палочками (он есть/ест + палочки) [Морев и др. 1961: 124].

ВЯ: *Toi doc sach*. 'Я читаю книгу' (я читать книга).

ЧЯ: *Muz maj thang*. 'Бабушка вернулась домой' (бабушка прийти дом).

В определенных случаях (в предложениях наличия, при экспозиции обстоятельств и др.) употребляется структура С – П. Другой вариант: Д – П – С (точнее: О – S – V, так как эта структура варьирует в плане залогов и, следовательно, в плане интерпретации членов предложения). Например:

ЧЯ: *Pan sit hu mez mjom*. 'Мальчика похвалила мать. ~ Мальчик похвален матерью' (мальчик + маленький иметь + мать + хвалить).

Характерная реализация модели П – С: О_{неодуш.} + V_{перех.}, по существу это аналог бессубъектной пассивной конструкции (типа: рис + жать: рис сжат).

ЧЯ: *Poh thang ni pro'w tang ploh*. 'Этот дом недавно построен' (клф + дом + этот недавно строить + уже) [р. 192].

Собственно пассивные конструкции с аналитическими показателями образуются при наличии одушевленного субъекта.

Другая характерная трехчленная конструкция – партитивная, выражающая характеристику субъекта по признаку его части или принадлежности. Ее варианты: «Имя целого + (имя части + предикатив процесса или качества)» или «Имя целого + (предикатив + имя части)»; при втором имени дублирующее местоимение отсутствует (в отличие от аналогичных малайских построений).

Предложения с именным сказуемым строятся по-разному. В большинстве языков требуется связка (в ЧЯ она факультативна). Отрицание непосредственно с именем-сказуемым не соединяется, вводится модальное слово со значением «действительно, в самом деле». Примеры:

ВЯ: *Toi la sinh vien*. 'Я студент'. (я + связка la + студент).

КЯ: *Veа тьеа нисэт*. 'Он студент'. (он + связка тьеа + студент). [Лонг Сеам].

ТЯ: *Kau пен танайквам*. 'Он адвокат' (он + связка пен + адвокат).

3. Синтаксические связи внутри предложения между его сегментами и внутри этих сегментов между знаменательными словами выражаются посредством: а) словопорядка, б) служебных слов, в) моделей конструкций (например, различных обрамленных конструкций, каузативных, пассивных и др.). Каких-либо синтетических, морфологических средств для этого не существует.

4. Внутри непредикативных синтаксических единиц расположение слов определяется правилами построения словосочетаний и синтаксических групп. Наиболее общее из этих правил – постпозиция определяющего

компонента по отношению к ядерному, определяемому компоненту. Это правило постпозиции не распространяется на некоторые виды определений (особенно количественных) и на служебные и вспомогательные слова в составе комплексов, стоящие в препозиции.

В числе сегментов — три основных типа: 1) бинарные соединения компонентов на основе их категориальной лексической валентности — словосочетания; 2) бинарные соединения знаменательного компонента со служебным (вспомогательным), также на основе категориальной валентности, — это грамматические комплексы, функционально сходные с аналитическими формами слов, и 3) сегменты более сложной структуры, в которые объединяются словосочетания и грамматические комплексы, — синтаксические группы.

В моделях синтаксических групп отведены определенные позиции для тех или иных компонентов как слева, так и справа от ядерного члена. Выбор модели определяется рядом причин: характером ядерного слова, позицией и функцией сегмента в предложении, актуальным членением, задачами предикации, актуализации и коммуникации. Наблюдается значительное сходство между основными моделями именных, глагольных, адъективных групп в разных языках индокитайского ареала.

Сегменты с различными обстоятельственными значениями обладают значительной свободой передвижения в предложении.

5. Существенная особенность сказуемых глагольных групп — сериальное построение: последовательное присоединение друг к другу глаголов и словосочетаний «глагол + имя». В рассматриваемых языках фактически нет приглагольных служебных элементов — ни синтетических, ни аналитических, — которые позволили бы образовать синтаксическую группу привычного нам типа: ядро-глагол и при нем несколько дополнений-существительных со значением различных объектов, связь которых с ядром выражается предлогами, либо падежами, либо формантами в глаголе.

В данных языках каждый глагол (вернее, семантический разряд глаголов) имеет одну объектную валентность, и лишь немногие (например, глаголы давания) имеют две объектные валентности. Поэтому, если нужно отразить ситуацию, в которой участвуют несколько объектов, приходится, кроме глагола, обозначающего основное действие субъекта, последовательно вводить как вспомогательные другие глаголы с присущими им именами-объектами. Эти вспомогательные глаголы в той или иной степени делексикализуются и кажутся нам похожими на предлоги. Для такой системы различение прямых и косвенных дополнений представляется неорганичным.

В группу сказуемого, кроме того, вводятся вспомогательные глаголы, уточняющие и обогащающие значение основного действия дополнительными

ми значениями направленности, фазы, результативности, интенсивности, повторительности и т. п.; этим компенсируется бедность подкласса наречий.

В просторечных бесписьменных языках сериальные построения и простой паратаксис глаголов и глагольно-именных словосочетаний составляют характерную черту довольно длинных отрезков речи.

6. В вопросительных предложениях порядок слов существенно не меняется, вопросительность манифестируется, помимо интонации, специальными словами и частицами, а также обрамлением с их помощью отдельных частей предложений.

Д. На уровне лексики

1. Разные авторы неоднократно отмечали, что наличие *общих элементов лексики*, обнаруживаемых в языках разных семей Индокитая, может объясняться и праязыковой общностью (о связанных с этим генеалогических гипотезах было уже упомянуто), и ареальной конвергенцией в историческое время. И в том и в другом направлении сделаны ценные наблюдения, но от составления более или менее полной картины мы еще очень далеки. Пока что можно лишь констатировать, что есть некоторый инвентарь фонетически и семантически сходных лексических единиц, который: а) зафиксирован в генетически разных языках Индокитая, б) не представляет собой заимствования из какого-либо внешнего по отношению к данному ареалу языка (например, китайского или индийского), в) включает в себя слова ядерного фонда, которые обычно не являются заимствованиями и которые, тем не менее, составляют общее достояние генетически различных языков; г) включает в себя единицы культурной лексики. Вместе взятые, эти особенности заставляют думать о некотором общем ареальном лексическом фонде. Чтобы дать читателю некоторое представление об этом фонде, я в данной работе могу позволить себе перечислить лишь некоторые извлеченные из него понятия². Таковы понятия: *мост, дорога; лист; папайя; река; курить; серебро; глаз; золото; этот; приходить; уходить; подниматься; опять, еще; на, в* (морфемы *tí* и *pa*); *или* (союз); *голова, шея; доска; утро; сторона; быть, иметься*; показатель намерения; показатель предстоящего действия. Напомню, что это совпадения многосторонние, но, конечно, не все; языковому союзу не противопоставлены и двусторонние совпадения. Примеры

² Первые 10 лексем взяты из работы Р. К. Хидли/Headly, 1976/; это его № 1.8; 1.10; 1.39; 1.46; 1.52; 1.56; 3.3; 4.1; 4.4; 4.5; автор показывает их совокупную отнесенность к генетическому фонду чамийских, австроазиатских и тайских языков; остальные лексемы взяты из разных материалов, часть сопоставлений принадлежит мне.

таких двусторонних совпадений для рассматриваемых языков довольно многочисленны.

Заключение

Итак, мы имеем довольно длинный сводный список фактов сходства как лексики, так и структуры ряда языков индокитайского ареала. Эти факты, которые порознь давно и многократно отмечались разными авторами, собранные вместе говорят сами за себя. В некотором ограниченном ареале Восточного Индокитая признаки индокитайского типа указывают на языковую общность, которая лучше всего, на мой взгляд, интерпретируется в рамках концепции индокитайского языкового союза.

Этот общий вывод может быть дополнен еще рядом соображений. В данный выше (еще не полный) перечень признаков структурной общности вошли существенные, типологически релевантные признаки всех уровней языковой структуры. Нельзя отрицать, что между этими признаками существует последовательная, логическая связь, свидетельствующая об их системности и даже — о стройности такой системы. Это, безусловно, дает нам основания говорить о специфически «индокитайском типе языка», сложившемся в результате длительной конвергенции в условиях языкового союза. Возможно, образцом языка такого типа можно считать язык чам в его современном состоянии.

Не следует, однако, полагать, что все «индокитаизмы» полностью представлены в каждом языке, входящем в союз. Признаки языковой непрерывности, постепенного сгущения то одних, то других изоглосс с учетом географического положения языков, по-видимому, весьма характерны именно для языкового союза, хотя эти «непрерывность» и «постепенность» вряд ли могут быть без всякого изъяна, без излома, — ведь передвижения этносов в изучаемом ареале не прекратились и в наше время.

И еще одно положение, выработанное балканистами, безусловно, должно с полным вниманием учитываться при изучении вопросов индокитайского (и любого другого) языкового союза: необходимо строго различать языки, входящие в этот союз, и вообще языки данного географического ареала.

Иными словами, в нашем случае, если мы назовем *индокитайскими языками*, *индокитайским типом* феномен структурной общности индокитайского языкового союза, то эти понятия не следует распространять на языки Индокитая вообще.

Часть III

Пять типов языков ЮВА: черты сходства и основные различия

Задача данной III части — систематически сравнить между собой типы языков ЮВА, т. е. систематически сопоставить их по уровням (фонетика и фонология нами не затрагиваются).

Глава 1

Уровень морфемы и слова

Структурные классы слов

Начав с уровня морфем и простых слов, перейдем к производным словам, образованным при помощи аффиксов, клитик, удвоения, метатезы, а далее — к сложным и составным словам. Следующий уровень — синтаксический: от словосочетаний и грамматических комплексов, из которых строятся фразы, перейдем затем к самым простым предложениям (возможно, с некоторыми усложняющими компонентами). Сложные предложения в сравнительный обзор данного типа включены быть не могут.

Грамматические категории реализуются средствами и/или словесного и синтаксического уровней — это отражают описания типов. По структурным уровням сравнивать между собой можно как три типа АН языков, так и все их с индокитайским типом (ИТ). Это первичный и основной этап в типологическом сопоставлении структурных особенностей языков ЮВА в целом. Результаты проведенного в части III системного сравнения типов по уровням отражены в таблицах соответствующей структуры. Эти таблицы, в которых суммированы все результаты анализа содержания книги, ее и заключают.

Морфемы

Первым этапом описания грамматических структур должна быть, несомненно, информация о морфемах. В связи с темой настоящей работы целая группа проблем должна быть рассмотрена относительно двух типов морфем: дисиллабического в островных языках и моносиллабиче-

ского на полуострове. Наиболее отчетливо свойства моносиллабической морфемки представлены в языках вьет-мыонгских и тайских, а также чамийских. Эти два свойства связаны системным отношением: (1) преобладающие модели моносиллабической (односложной) морфемы, или силлабоморфемы, содержат две, три или четыре фонемы с многочисленными позиционными ограничениями, что предопределяет относительно небольшое число возможных в языке минимальных материальных сегментных единиц; (2) при помощи супraseгментных фонологических средств (регистров и музыкальных тонов) количество минимальных единиц возрастает в несколько раз, обеспечивая достаточную базу для семантических полей.

Дисиллабические (двусложные) морфемные модели являются основным типом полнозначных, т. е. лексических, а также прономинальных морфем в большинстве АН языков. Односложные и трехсложные знаменательные морфемы также существуют в разных пропорциях в разных языках. В большинстве АН языков количество фонем невелико, особенно мало гласных. Более или менее многочисленные позиционные ограничения так или иначе характеризуют морфемные модели разных языков. Особенно характерны для каждого языка различия в наборах фонем, образующих первый и второй слоги дисиллаба.

Незнаменательные АН морфемы, как свободные (частицы, предлоги, артикли), так и связанные (аффиксы, частичные редупликаторы) являются в основном моносиллабами; такие структуры характерны и для местоименных клитик, обладающих разными степенями свободы/связанности.

Значительно число двусложных АН морфем, образованных повторением одного слога, подчас с фонетическим изменением: (МЯ) *pipi* 'щека', *puru* 'племя', *lelah* 'устать', *barak* 'отец'.

Виды ударения — силовое, долготное, музыкальное — варьируют по фонетическим и фонологическим функциям в разных языках.

Выше указывалось о возможности выделения структурных подтипов АН семьи. Среди них есть особые периферические подтипы, которые сочетают в себе АН черты с признаками внешних языковых систем. В данном исследовании интерес представляют некоторые малайские языки, бытующие на островах вблизи Индокитая: моккен, моклен, урак лавой, чамийские языки во Вьетнаме и Камбодже, ачех на северной Суматре. В результате контактов их носителей с разными этносами Индокитая в названных языках отмечаются явления эволюции от дисиллабического к моносиллабическому строю. Такая эволюция происходит во взаимодействии с переносом ударения на последний слог морфемы; при этом финальная гласная часто разрастается в дифтонг, чему сопутствует ослабление и исчезновение перво-

го слога. Тоны и регистры приобретают фонологическую значимость в различении моносиллабов — опять же под влиянием соседних языков. Теряют продуктивность и пропадают АН аффиксы, обогащаются наборы аналитических средств, т. е. кардинально эволюционирует система. Эта стадия перехода фиксируется лингвистами в названных языках, объединяемых в «континентальный» АН подтип (учитывая величину азиатского континента, кажется более адекватным употреблять другое название, например, «северная периферия», связывая его с полуостровным ИТ); указанная проблема хорошо раскрыта в статье М. Лариша [Larish 1997].

Следует подчеркнуть, что в названную группу уже не приходится включать такие языки, как современный чам во Вьетнаме, хуэ на о-ве Хайнан, в которых процесс моносиллабизации и перемены структуры в целом достиг более высокого уровня. Современный разговорный язык чам по основным параметрам принадлежит к ИТ [Алиева и Б. Кх. Тхе 1999].

В языках с аффиксальным словообразованием наблюдаются различия между знаменательными морфемами с точки зрения их свойств как словообразующих основ. Например, в языках МТ морфемы делятся на классы по их сочетаемости с аффиксами и даже по использованию приемов удвоения. В первую очередь, это классы именных и предикатных морфем; особый класс образуют морфемы со значением числа. В грамматических описаниях это явление, как правило, не эксплицируется, однако оно выходит на поверхность при описании аффиксальных моделей, ибо в них по-разному проявляются дистрибутивные свойства разных морфем (см. об этом: [Алиева и Б. Кх. Тхе 1999]).

В то же время не установлены факты — например, для тагальского языка (ФТ) — наличия классовых разграничений морфем по этому признаку. Мы вернемся к данному вопросу в связи с рассмотрением аффиксации.

В языках ВИТ структура слова имеет характерные отличия от других АН типов: в большей части их, как и у океанийского типа (ОТ), мало либо очень мало продуктивных аффиксов, и деривативных, и грамматических. Можно добавить, что в некоторых языках ВИТ имеются глагольные аффиксы, выражающие или уточняющие видовые значения, наличие значений переходности, включая каузативные отношения. По нашему анализу данных М. Кламер, в языке камбера есть несколько глагольных префиксов (в том числе *pa-*), выражающих пассивное значение. М. Кламер указывает также на различие в именных аффиксах отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности.

В целом, при малой продуктивности аффиксов в языках ВИТ, большую долю значений на уровне слов и синтаксических связей выражают — тоже, как в языках ОТ, — местоименные клитики. Они очень многочисленны

и разнообразны, складываются в парадигмы, обычно фиксируемые в описаниях каждого языка.

Аффиксация

Единицы, условно называемые словами, могут рассматриваться с точки зрения как морфемной структуры, так и семантических и функциональных свойств.

С точки зрения структуры слова линия разграничения проходит между аналитическими типами ИТ и ОТ и более или менее синтетическими ФТ и МТ. Языкам ВИТ присущи промежуточные свойства. ФТ и МТ обладают значительными, а ФТ весьма богатыми наборами агглютинативных моделей, образуемых префиксами, суффиксами, конфиксами, инфиксами, а также сочетаниями разных аффиксов. В языках ВИТ, ОТ, а также в мон-кхмерских языках в Индокитае имеются некоторые модели слов с аффиксами (в последних есть инфиксы), однако они либо непродуктивны, либо слабопродуктивны, что особенно становится очевидным при сравнении с продуктивной аффиксацией в языках ФТ и МТ. В целом в ИТ и ОТ мономорфемные слова преобладают, в языках ВИТ положение промежуточное. Обогащение лексики происходит посредством иных средств — словосложения и удвоения; богато и разнообразно представлены способы удвоения, особенно используемые также и для передачи грамматических значений.

Простые, непроеизводные, равные одной морфеме слова есть везде. Таковы моносиллабические в ИТ и в АН, а также в мон-кхмерских языках, но в разных случаях их процентное соотношение с непростыми, дву- и многоморфемными словами далеко не одинаково. Качественные вариации также имеют место. И для ОТ, и для ВИТ, и для ИТ свойственны аналитические структуры (даже количественные индексы аналитизма могут быть близкими, см. [Алиева 1998: 54–59; Alieva 1988]). Однако эти типы существенно различаются. В языках ОТ исконные для АН служебные морфемы представлены не как связанные, аффиксальные компоненты, а как свободные, односложные, лишённые лексического значения частицы, выступающие в качестве препозитивных и постпозитивных грамматических показателей; вместе с местоименными клитиками они окружают двусложные и трехсложные ядерные слова, образуя сегменты, придающие тексту специфический облик. В ВИТ, как говорилось, эти функции преимущественно выполняют единицы местоименной генетики — клитики.

Напротив, в ИТ элементов такого рода очень мало; для передачи грамматических значений — синтаксических связей и референциальных категорий — системно и упорядоченно используются лексические морфе-

мы с изменением семантики, по форме такие же односложные единицы, как и ядерные слова; в результате текст (в транскрипции) выглядит как однообразная последовательность моносиллабов.

Как упоминалось, более или менее богатой аффиксацией среди языков региона ЮВА обладают ФТ и МТ, т. е. АН языки.

С функциональной точки зрения, аффиксальные модели в АН языках выполняют как деривативные, так и грамматические задачи. Специфическая черта АН агглютинации — широко распространенный синкретизм аффиксов, реализующих в одной модели деривативную (в частности, транспортирующую) и грамматическую функции сразу. Например: МЯ: *pa*ku ‘гвоздь’ > *metaku* (т. е. *meN+p*) ‘прибивать’ (перех., акт.), *di pa ku* ‘быть прибитым’ (перех., пасс.).

Другая особенность состоит в том, что свойства выступающих как основы морфем с полнозначительным значением (не местоименным, не нумеральным и т. п.) играют важную роль в процессах словопроизводства (как и при удвоении), что позволяет говорить о делении морфем на лексико-грамматические дистрибутивные классы. При этом особого внимания заслуживает оппозиция именных и предикатных (акциональных, качественных) морфем. Например, в языках МТ о таком делении, отнюдь не всеохватывающем, говорить можно; обычно это выявляется при описании процессов словопроизводства. Есть аналогичные явления и в некоторых языках ОТ. Напротив, в ФТ, например, в тагальском, нет сколько-нибудь отчетливого деления морфем на классы: все знаменательные морфемы и как слова, и как основы ведут себя подобно именам (это касается и многих образований с аффиксами, см. [Шкарбан 1995]).

Выше я неоднократно пыталась показать, что неразграниченность имен и предикатов на разных уровнях предстает как импликация характерной для АН семьи доминанты — категории посессивности [Ч. I, гл. 5].

В разных языках ФТ и МТ более или менее богатые инвентари аффиксальных моделей используются в словообразовании, как именном, так и глагольном; очень мало — у прилагательных и числительных. Что же касается выражения грамматических значений, то здесь АН языки ведут себя отчетливо как акционально-доминированные языки (доминанта 2).

Это подразумевает, что отсутствует именная морфология, реализующая грамматические категории; даже столь специфическая для языков ОТ именная категория отчуждаемой — неотчуждаемой принадлежности не выражается морфологией имен (для этого используются аналитические показатели). В языках ОТ и глагольная морфология представлена слабо. Для них характерны лишь глагольный суффикс пассива и префикс каузатива.

В целом глагольная морфология в АН языках, как уже говорилось, богата и своеобразна. Именно отличия в этой области в первую очередь позволяют разграничивать ФТ и МТ, а также ВИТ. В языках малайского типа морфология менее богата, чем в филиппинских.

В языках МТ есть аффиксы, в основном, суффиксы *-kan*, *-i*, которые, присоединяясь к корневым морфемам, образуют основы глаголов с дифференцированными значениями переходности: каузативности, инструментальности, локативности, бенефактивности. Эти производные основы, а равно и корневые переходно-глагольные основы, принимают префиксы залога, образуя активно-пассивную парадигму, например:

Основы: — *kirimkan* < *kirim* + *-kan* ‘посылать что-л. (посылать + кауз.)’; — *belikan* < *beli* + *-kan* ‘покупать на что/потратить что/для кого-л. (покупать+ инструм./бенеф.)’; — *jalani* < *jalan* + *-i* ‘идти, проходить по чему-то (идти + локатив)’; — *kirimi* < *kirim* + *-i* ‘посылать кому-то/куда-то (посылать + бенеф./локатив)’.

Формы активного и пассивного залогов в МТ: *mengirimkan* + *dikirimkan*; *membelikan* + *dibelikan*; *menjalani* + *dijalani*; *mengirimi* + *dikirimi*.

Таким образом, образование парных залоговых форм со специальными актантными значениями представляет собой двуступенчатый процесс.

Кроме того, во многих языках МТ в залоговую парадигму входят формы с нулевым залоговым показателем: например, в МЯ префикс пассива *di-* указывает, что агенс не является 1-м или 2-м лицом: в этих случаях, а также в императиве форма без залогового префикса, т. е. нулевая форма, сочетается с различными местоимениями и прономинативными именами, стоящими слева и указывающими на 1-е или 2-е лицо агенса.

Например: (МЯ) *dilukai* > ‘ранен кем-то’ // *aku/kau lukai* ‘ранен мной/тобой’ // *anak lukai* ‘ранен ребенком’ (=мной/тобой) // *kakak lukai* ‘старшим братом’ (=мной/тобой). Языки океанийского типа по выражаемым связям похожи на МТ, однако в них нет столь же продуктивных аффиксов переходности и залога; выражение этих значений происходит при посредстве частиц и клитик, присоединяемых к знаменательным словам.

В некоторых группах языков МТ, например, на о. Сулавеси, существуют разработанные парадигмы местоименных проклитик и энклитик. В МТ имеют место случаи выражения посредством аффиксов аспектуальных и модальных значений, однако, как правило, значения референциальных и коммуникативных категорий передаются более или менее стандартно посредством аналитических показателей.

Таким образом, для МТ характерны следующие черты глагольной аффиксации: (А) возможности построения переходно-глагольных основ с дифференцированными актантными связями: (Б) наличие парных,

или симметричных активно-пассивных форм, образуемых от основы переходного глагола; (В) в некоторых языках — например, МЯ, — участие в этой парадигме форм с нулевым префиксом и местоименными компонентами.

В языках ФТ глагольный морфологический инвентарь весьма богат. При этом он существенно отличен от глагольной системы МТ и, более того, от большинства известных лингвистической типологии категорий и форм.

В глагольную парадигму ФТ входят синтетические, образованные префиксами, инфиксами, суффиксами, редупликаторами и их сочетаниями формы, которые выражают отношение либо к агенту, либо к пациенсу; последние, т. е. формы пассива, морфологически дифференцируются как имеющие отношение к непосредственному объекту, инструменту, месту, бенефицианту, каузируемому субъекту и даже как отношение к причине или источнику действия. Эту систему, чтобы отличить от симметрично-залоговых парадигм в МТ, часто называют фокусной, используется также термин «триггер». Кроме актантных, фокусные формы синкретично передают и некоторые темпорально/аспектуально/модальные значения, или могут трансформироваться в специфические формы с именными значениями и валентностями, так что количество моделей от одной корневой морфемы может достигать и 100, и приближаться к 200. Синтаксические связи активных глагольных форм уточняются с помощью различных приименных частиц, связок и форм местоимений. Однако фокусные морфологические показатели с ними не сочетаются. Сочетания местоименных компонентов с нулевой формой глагола, отмеченные выше для МТ, в ФТ отсутствуют (См. [Шкарбан 1995], там же в библиографии).

Заслуживает быть упомянутым и в ФТ, и в МТ наличие особых варьирующих префиксов (*ber-*, *bar-*, *mag-*, *mar-*, *meu-*), которые свободно образуют от имен глаголы с комбинированным посессивным значением «иметь данный предмет», а также: «использовать/применять/производить данный предмет, иметь к нему отношение» и т. п. Например: (ТЯ) *magkapatid* 'иметь брата/братъев' (*kapatid* 'брат'); *magbihis* 'быть одетым' (*bihis* 'одежда', 'платье'); (МЯ) *beristeri* 'быть женатым' (*isteri* 'жена'); *bertempat* 'находиться (где)' (*tempat* 'место'); *berairmata* 'плакать' (*airmata* 'вода + глаз' = 'слеза'). При этом имя может сохранять свое определение: (МЯ) *beristeri empat* 'иметь четырех жен'; *berpelajaran tinggi* 'иметь высшее образование' (*pelajaran* 'учение, образование'; *tinggi* 'высокий').

И это явление, и нечеткость оппозиции имя — глагол, могут также рассматриваться как импликации доминанты посессивности в АН языках, о чем упоминалось выше.

Способ удвоения и его функции. Структуры повторов

Задача этого раздела — дать на материале островных и полуостровных языков схематическое сравнение структурных моделей, в которых реализуется способ удвоения, — как слов, так и морфов. Удвоение органично присуще структуре языков ареала и является их важнейшим и характерным средством. Оно, как правило, выражает количественные различия и их оттенки³.

В большинстве языков удвоение используется в различных функциональных сферах: в деривации с варьированием лексического значения, в транспозиции при изменении дистрибутивных и функциональных свойств лексем, при построении синтаксических конструкций, не говоря уже о таких универсальных применениях, как стилистика, выражение эмоциональных, количественных и мелодических нюансов речи.

При описании удвоения нами используется соответствующий специальный инвентарь понятий и терминов, приводимый здесь частично. Подробное представление об этих средствах можно получить из специального сборника статей «Языки ЮВА. Проблемы повторов» [Алиева, ред. М.: 1980].

Удвоение — это способ и процедура производства языковых единиц.

Повтор — словесная единица, произведенная способом удвоения от редуликанта — исходной единицы, к которой присоединен равный ей по составу или отличающийся от нее редуликатор.

Таким образом, слово-повтор состоит из двух частей: редуликанта “R” и редуликатора “r” — и обозначается как rR или Rr.

Между R и r могут быть различные структурные отношения и в количественном, и в качественном аспектах, соответственно следует различать: удвоение полное — идентичное или дивергентное, и частичное — идентичное или дивергентное. При дивергентном удвоении редуликатор отличается от редуликанта качественно, т. е. по фонемному составу, иногда — лишь регистром или тоном. Применение удвоения в этих случаях — живой продуктивный процесс. Наряду с этим в разных языках много непродуктивных повторов — двусложных корневых, неделимых в синхронии единиц. Они могут регулярно удваиваться, как обычные морфемы, например: (МЯ) *bibi* ‘тетя’ > *bibi-bibi* ‘тети’.

³ Данная система анализа и типологии разработана в 70-х годах XX века в процессе исследования категории удвоения в языках ЮВА и ДВ в Отделе языков ИВ АН. Активное участие в этой работе принял скончавшийся в 1971 г. Ю. А. Горгониев. Результатом работы явился сборник публикаций, вводная статья которого содержит полное представление терминологии и дефиниций [Алиева, ред. 1980].

В ряде языков ИТ возможно удвоение живых слов-повторов, при котором гR еще раз удваивается полностью или частично, со многими вариантами, подчас очень непростыми; это вторичное удвоение.

Осложненное удвоение, когда к повтору присоединяются аффиксы, характерно для ФТ, МТ и ВИТ.

С функциональной и семантической точек зрения удвоение, как отмечалось, может нести разные функции. По отношению к исходной единице R повтор может быть: (а) новым словом с другим лексическим значением; (б) словом с иными частеречными свойствами; (в) словом с дополнительными грамматическими значениями — аналогом грамматической формы со значением количественной семантики, ибо удвоение — иконический прием; (г) словом-синонимом, т. е. стилистическим вариантом.

Способы удвоения в языках ареала ЮВА различаются. Прежде всего, в процессе удвоения сохраняется фонемный состав корневых морфем — моносиллабов и дисиллабов, и к тому же различия в соотношении тех или иных структурных моделей, используемых в конкретном языке или группе языков.

В АН языках наличествуют модели и полного, и частичного удвоения с тождественными и дивергентными вариантами. Редупликант R может быть отдельной двусложной корневой морфемой (корнесловом), аффиксальным производным, сложным или составным словом. При полном удвоении редупликатор равен R, повтор = RR. Примеры (МЯ):

простые слова: *pohon-pohon* 'деревья', *pipi-pipi* 'щеки';

производные слова: *memata-matai* 'следить, шпионить' (<*mata* 'глаз'), *menimbun-nimbun* (< *timbun* 'куча') 'лежать кучами', *pelajar-pelajar* 'ученики', *mahaguru-mahaguru* 'профессора';

сложные слова: *kereta api-kereta api* 'поезда'.

Поскольку цель настоящей работы — сопоставление структурно-грамматических явлений, — постольку переводы примеров (в частности, повторов) даются схематично во избежание многосложных толкований, которые были бы нужны ввиду отсутствия эквивалентных форм в русском языке.

При частичном удвоении редупликатор "г" равен: (а) одному первому слогу корневой морфемы, (б) двум первым ее слогам, (в) финальной ее части. При этом возможны явления варьирования гласных и согласных корня, особенно — чередования согласных на границе R и г. Примеры:

(МЯ) *tetangga* 'сосед' (<*tangga* 'лестница') > *tetangga-tetangga* 'соседи';

(ЯВЯ) *sesrawungan* 'общение' (< *srawung* 'вместе');

(ГЯ) *darating* (*da-dating*) < *dating* 'приходить';

(малаг.) *mafampana* < *mafana* 'горячий' (*mp* < *na* + *f*).

Среди языков полуострова аналогичные частичные образования встречаются в имеющих двусложные корни мон-кхмерских языках, собственно в ИТ их нет. В моносиллабических языках преобладают полные дивергентные повторы с чередованиями инициали, финали/рифмы. Например:

(ВЯ) *rung ruc* < *ruc* 'блестящий, яркий';
cau coi < *cau* 'растение'.

Они встречаются и в МК языках:

(пакох) *ngong kingong* 'рев слона';
tob kob < *kob* 'тощий'.

Напротив, для тайских языков дивергенция моносиллабов нехарактерна, используются приемы тождественного удвоения [Морев 1991].

В названных языках ИТ широко встречаются трех- и четырехкомпонентные повторы, произведенные от двусложных единиц-повторов (вторичное удвоение), либо от составных слов. На материале ВЯ эти явления подробно описаны в статье И. И. Глебовой в сборнике «Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов» (М., 1980: 33–47). Интересно, что во вторичных повторах все 4 компонента начинаются с одной и той же согласной; сложные трансформации происходят с тонами.

При рассмотрении дивергентных повторов, естественно, встает вопрос о наличии правил, регулирующих фонетические чередования.

В некоторых МК языках (например, языке пакох [Wadson 1966]) отдельные, отнюдь не абсолютные правила прослеживаются. ВМ языки не дают полной возможности, но, повторяем, ряд правил существует.

Явления цельности корневой морфемы в повторах и внутренней структуры повторов связаны между собой. В некоторых языках исходная морфема служит редупликатором в неизменной или слегка измененной форме, в других изменения могут быть весьма значительны. Первое наблюдается в большинстве языков МТ и ОТ, в тайских. В разных языках ВИТ удвоение реализуется по-разному.

Для ВМ и МК языков (ИТ) характерны вариативность и чередования морфемных форм при удвоении (но также и при других процессах сложения морфем). Исходные словоформы меняют свой фонетический состав, но количественно не усекаются и иногда даже удлиняются (см. приведенные выше примеры из ВЯ и пакох). Во вьетнамском языке различные по фонемному составу пары слогов подчас считаются повторами при наличии одного лишь общего, притом супрасегментного признака — одинакового тона [Глебова, там же].

Проблемы морфемных структур

Сегментная фонемная нестабильность морфем, их способность к количественным и качественным изменениям в составе повторов дает основание выдвинуть некоторые теоретические проблемы.

С точки зрения синхронии это касается статуса морфемы, которую Блумфильд определил как базисную неделимую единицу языка (определение столь важное для структурного анализа любого языка). В связи с фонемной нестабильностью эта проблема может решаться по-разному. Некоторые авторы выдвинули предположение, что в структуре языка может быть выделен еще один уровень (или подуровень), охватывающий единицы, не равные ни морфеме, ни слогу, ни слову, и включающий в себя редупликаторы, или, шире, субморфы. Такие предложения находим в статьях Ю. А. Горгониева [1980], Ю. Х. Сирка [1980].

На мой взгляд, может быть предложен и иной подход, не влекущий столь кардинальных изменений в понимании уровневой структуры языка. Дескриптивные задачи вполне могут быть решены посредством идентификации и перечисления (включения в словарь) морфемных вариантов и насколько это возможно — выведением формул вариаций морфов. Такой подход вполне увязывается с более общим и широким, существующим во многих языках явлением вариантности морфемных форм (я писала об этом в общем плане в статье о классификации морфем, см. [Алиева 1985]).

Наличие вариантности морфемных форм в синхронии ставит и проблему диахронического характера. Не являются ли морфемы, обнаруживающие в синхронии качественные и количественные отличия, по происхождению единицами не простыми, но образованными с помощью аффиксации, сложения и того же удвоения? Эти вопросы обсуждались в ряде работ относительно истории двусложных корней в АН и АА языках; обширный материал дивергентных и частичных повторов дает дополнительные основания для развития исследований компаративистов в этом направлении.

Словосложение. Способы. Семантика

Образование новых лексических единиц путем сложения простых используется в языках тем активнее и разнообразнее, чем беднее набор аффиксальных моделей.

Применительно к языкам данного ареала следует различать в первую очередь два способа образования сложных лексем из знаменательных единиц: морфемосложение и словосложение и соответственно две разновидности

сти единиц: сложные слова и составные слова. Третья структура, аналитический грамматический комплекс, образуемый для передачи грамматического значения путем присоединения вспомогательной единицы к ядерной лексеме (см. гл. 2), отнесена нами к уровню синтаксиса.

Образование сложных слов, предполагающее сложение корней, частично несвободных морфем, по асинтаксичным моделям (что обычно для флективных ИЕ языков) в языках ареала ЮВА непродуктивно или малопродуктивно. Такие слова чаще всего либо заимствованы, например, из китайского, санскрита, пали, либо образованы как кальки с использованием заимствованных из этих языков компонентов. Они преимущественно употребляются в литературных формах языков, особенно важна их роль в терминологии.

Преобладающий структурный тип непростых единиц в лексике — это составные слова. Они идентичны по ряду признаков свободным словосочетаниям, но отличаются от них принципиально, будучи единицами в о с п р о з в о д и м ы м и. Наибольшая их часть в ходе употребления подвергалась идиоматизации либо целиком, либо по одному из компонентов и требует знания смысла всего слова, так как компоненты (оба или один) не допускают синонимических замен. Признаки такого рода, естественно, предполагают наличие в языке значительного числа переходных, промежуточных единиц, и здесь особенно наглядны процессы развития и формирования его лексики.

В соответствии с основными структурными моделями морфемных единиц и простых слов — моносиллабических в ИТ и дисиллабических в островных языках — составные слова демонстрируют существенные различия.

В языках ИТ это очень продуктивный способ. Здесь основной тип составных слов — это двусложные единицы, состоящие из полнозначных силлабоморфем, между которыми могут быть разные семантико-синтаксические отношения — сочинительные, подчинительные и даже предикативные. Слоги при этом не теряют своей фонетической полноты и произносятся в потоке речи как обычные односложные слова.

В некоторых языках ИТ (ВЯ, ЧЯ) продуктивны особые трехсложные модели: одна из них включает предикативную пару в атрибутивной функции «Имя + (П + С)», вторая аналогична трехчленному предложению (П + С + Д); однако значений референциальности (предикативности) они лишены. Примеры:

(ЧЯ) *tnujh naw tan* 'охотник' (человек идти охота), *kah hraj mu* 'запад' ('сторона солнце входит').

В отличие от богатства и изобилия моделей словосложения в ИТ, в языках ФТ этот способ развит слабо, что в них явно искупается богатой

аффиксацией; по слабому развитию этого способа в ФТ, в тагальском, например, по определению Л. И. Шкарбан [1985: 130–141], — это способ периферийный.

В МТ, ВИТ и ОТ способ словосложения весьма продуктивен, но, в отличие от моносиллабического ИТ, слагаемые единицы здесь минимально двусложны; аффиксальные образования — в языках МТ — также свободно входят в составное слово: (МЯ) *ayun mengisar* ‘карусель’ (‘качель вращаться’); *sekolah atas* ‘школа высшей ступени’ (‘школа верх’); *pelajaran tinggi* ‘высшее образование’ (‘образование высокий’), в этих двух последних сочетаниях невозможно, например, менять *atas* и *tinggi*. Такие бинарные единицы могут служить цельной основой, принимающей аффикс или местоименную клитику: *berpelajaran tinggi* ‘иметь высшее образование’; *pelajaran tinggi.mu itu* ‘это твое высшее образование’.

Подчеркивая различия в структурах составных слов в ИТ, МТ, ВИТ, ОТ, нельзя забывать о существенном сходстве этих структур, а именно, об их семантической близости к регулярно образуемым словосочетаниям синтаксического уровня. Отличие от последних, как указывалось выше, — в единстве, часто идиоматичности значения, в фиксированности состава, запрете на синонимические замены, — все, что в совокупности делает составные слова воспроизводимыми единицами лексического уровня; среди них велико число терминов, для которых стабильность состава и семантики особенно значимы. Более подробно теоретически и фактологически на материале ИЯ эта проблема рассмотрена Н. Тимониной [1985], мною [Алиева 1998: 83–106] и рядом авторов на материале других языков ареала в статьях сборника [Омельянович, ред. 1985].

Глава 2

Классификация слов по семантическим и функциональным признакам

В связи с данной проблемой могут быть выделены несколько оппозиций. По семантике противопоставляются:

знаменательные слова — незнаменательные слова;

денотативные знаменательные слова — местоименные слова;

отрицания.

На эту классификацию накладывается функциональная, лексико-грамматическая классификация слов — деление на части речи.

Оппозиция «знаменательные — незнаменательные» слова

В рассматриваемых типах языков универсальная оппозиция между знаменательными (полными) и незнаменательными словами представлена со значительными различиями.

Незнаменательными здесь считаются слова, лишенные лексического денотата и выполняющие различные служебные функции. Это: а) несинтаксические частицы и б) синтаксические грамматические элементы, в том числе предлоги, союзы, артикли, реляционные частицы, связки, эмфатические и коммуникативные частицы, междометия.

В первую очередь здесь следует отметить различие между двумя аналитическими типами языков — ИТ и ОТ. В первом из них грамматические функции выполняются полными словами, а во втором — огромным числом незнаменательных частиц, этимология которых не просматривается и в диахронии.

В языках ФТ картина принципиально иная. Здесь имеются немногочисленные частицы, аналогичные артиклям и предлогам; использование

лексических слов в грамматических функциях вообще нехарактерно ввиду наличия богатой аффиксации.

Языки МТ имеют промежуточный характер. Они обычно располагают несколькими исконными предлогами и очень немногочисленными, малоиспользуемыми артиклями. В то же время для передачи разнообразных грамматических значений, включая синтаксические связи, пространственные указания, модальность, вид, время, фазисность, используются слова, которые во многих случаях претерпевают полную или частичную делексистализацию; они выступают как показатели в грамматических комплексах.

Весьма смешанный характер имеют системы языков ВИТ. Существуют разнообразные сочетания частиц, в том числе образующие парадигмы с передачей грамматических и уточнением лексических значений. Многочисленны и многозначны местоименные клитики, некоторые из них участвуют в уточнении синтаксических связей. Все это особенно наглядно показано в грамматике языка лети [Engelenhoven 1995].

Отрицания

Как особо характерную черту следует отметить наличие в языках ЮВА наборов различных отрицательных слов. Таковы:

- общее отрицание и видовое отрицание «еще не», которые употребляются с глаголами и прилагательными;
- приименное отрицание;
- императивно-запретительное отрицание — обычно с глаголами;
- специальное слово для отрицания наличия и принадлежности, например, в (ТЯ) wala 'не' заменяет tau/tauoon 'иметь, быть, наличествовать' — все они выступают в качестве неспрягаемых глаголов в функции сказуемого.

О местоимениях

Семантическое и функциональное различие существует между полнозначными и местоименными словами.

Многие АН языки отличаются богатством своих местоименных парадигм. Здесь существуют слова, заменяющие имена, прилагательные, наречия и даже глаголы. Личные местоимения имеют парадигмы посессивных форм, как полных, так и кратких (проклитических и энклитических), или парадигмы косвенных, подчиненных форм.

Не могу не отметить здесь, что притяжательные местоимения в АН языках, наряду с основными, притяжательными, функциями, играют и роль агенса при пассивных глаголах, объекта/пациенса при активных переходных глаголах, функцию субстантивации, выражения определенности и ряд других. Это, как отмечалось в части I, — импликация доминанты притяжательности.

В языках ОТ и ВИТ местоимения располагают некоторыми особыми категориями: двойственного числа, отчуждаемости-неотчуждаемости, эмфатического выделения [Круга 1975: 64–72; Крупа 1982: 68–77].

В этом отношении языки ИТ отличаются бедностью наборов местоименных слов, они обычно не имеют даже притяжательных форм личных местоимений. Этот недостаток компенсируется тем, что в качестве личных местоимений выступают просубстантивы — существительные, указывающие на лицо, его пол, возраст, социальный статус; часто выбор слова в речи определяется ситуацией.

Такое прономинальное функционирование существительных в языках МТ также имеет место, особенно в сферах речи, связанных с общественной жизнью.

Указательные местоимения

Указательным местоимениям присуща особенность, свойственная и островным и полуостровным языкам, — это трехчленная парадигма единиц, коррелирующая с актом речи и указывающая на:

близость к говорящему,
близость к его собеседнику,
на удаленность от обоих.

Такое дейктическое различие способствует выражению личных, пространственных и даже темпоральных отношений.

О классификации частей речи

Говоря о проблеме частеречной классификации полнознаменательных слов, — проблеме, включающей в себя множество частных вопросов и различных решений (и это нашло отражение во многих публикациях), следует выделить одну важную особенность, присущую в общем всем рассматриваемым языковым типам и отличающую их от ностратических языков. Это оппозиция «имена — предикативы (т. е. глаголы и качественные слова)».

Первое отличие состоит в том, что в языках ЮВА эта оппозиция недостаточно отчетлива и глубока.

В аналитических языках ИТ нет морфологических средств, которые помогали бы разграничивать имена и предикативы, хотя в описаниях этих языков обычно предлагаются семантические, функциональные и дистрибутивные критерии для разграничения классов слов.

В языках ФТ, которые, напротив, располагают богатой аффиксацией в сфере глагольных категорий и конструкций, тем не менее существует много случаев, когда нельзя различить глагольные и именные конструкции. Это происходит, в частности, из-за специфики функционирования артиклей. Л. Шкарбан, в течение многих лет исследующая проблему частей речи на тагальском материале, заключает: «Тагальский язык с его сложной и разветвленной морфологией в принципе характеризуется невозможностью четкого разграничения между глагольной и именной сферами внутри его формального инвентаря» [Шкарбан 1995: 20].

Напротив, в ряде языков МТ, несмотря на менее богатую морфологию, глагольные и именные структуры различаются в большем числе случаев; это в первую очередь относится к малайскому языку, воспринявшему в небольшой степени европейское языковое влияние.

В аналитических языках ОТ парадигмы служебных и местоименных частиц играют важную роль в различении классов слов. Так, в полинезийских языках сочетаемость с пассивными суффиксами маркирует предикатные слова — глаголы, причастия.

Что касается АН языков в целом, то причиной отсутствия четкой предикатно-именной оппозиции является, по моему мнению, особенно интенсивное действие такой доминанты, как посессивность. Агнс при пассивном глаголе выражается так же, как посессор при имени, — притяжательными средствами. Эта фундаментальная особенность имеет целый ряд следствий в языковой системе, и отсутствие четкой оппозиции «имя — предикат» является одной из основных импликаций.

Вторая прагматически весьма существенная черта языков ЮВА в сфере классификации слов — это отнесенность качественных слов (= прилагательных) к классу, или подклассу, предикатов. В европейской лингвистической традиции прилагательные считаются — и достаточно обоснованно — именным классом, поскольку они имеют те же морфологические категории — число, род, падеж — и нуждаются в связке в функции сказуемого. Ситуация в языках ЮВА принципиально иная: слова с качественными значениями по функционированию и дистрибуции близки к стативным глаголам. Существенно то, что здесь нет специальных предикатных слов, передающих относительные признаки (кроме слов «левый» и «правый», которые вряд ли могут считаться качественными словами, а также некоторых европейских заимствований). Поэтому в описаниях языков ЮВА обычно выделяется

общий класс предикатных слов, покрывающих как глагольную, так и адъективную семантику. Оппозиция классов выглядит так: «имена VS глаголы + прилагательные», в отличие от обычной европейской и, шире, ностратической схемы: «имена + прилагательные VS глаголы».

Глава 3

Синтаксический уровень. Сочетания слов

Как было отмечено ранее, нами рассматриваются два типа базовых структур синтаксического уровня: бинарные сочетания слов и простые предложения. И у тех и у других выделяются некоторые характерные особенности, релевантные для столь масштабного сопоставления.

Бинарные сочетания:

(а) словосочетания, образуемые из двух лексических единиц на основе их валентности;

(б) специфические двойные сказуемые — вид сериальных паратаксистических последовательностей глаголов;

(в) грамматические комплексы, в которых лексическое ядро снабжено грамматическим показателем.

По характеру ядерного слова словосочетания образуют разные разряды. Остановимся на именных и глагольных словосочетаниях.

Именные словосочетания

По структурам именных словосочетаний ФТ и ВИТ противостоят остальным рассматриваемым нами типам. Как упоминалось ранее, в МТ, ВИТ, ОТ, ИТ основная позиция зависимых определяющих слов в именных словосочетаниях — это постпозиция, место справа от ядра. В этой позиции могут стоять и существительные, и глаголы, и качественные слова, и местоимения, передающие разнообразные признаки определяемого субстантивного понятия; могут быть и количественные определения. Во всех языках ЮВА отсутствуют синтетические формы для выражения относительных признаков (т. е. относительные прилагательные); для этого достаточно постановки имени или глагола в позицию определения при существительном. Примеры:

(МЯ) *rumah kayu* 'деревянный дом' ('дом дерево');
kapal berlayar 'парусный корабль' ('корабль *ber* + парус').

Более разнообразны позиции указательных местоимений, числительных, классификаторов — последние в сочетании с числительным или без него; эти два варианта особенно важны в ИТ.

В МТ, ВИТ и ОТ местоименные клитики могут стоять как в постпозиции, так и в препозиции (что регулируется правилами). Подобные правила построения словосочетаний и образуемых при их развертывании синтаксических групп обычно включаются в грамматики. Например, сводная таблица для языков ИТ представлена в [Clark & Amara P. 1985: 66].

В языках ИТ имеются специальные маркеры, факультативно используемые в притяжательных словосочетаниях. Таковы: ВЯ: *cu'a*, КхЯ: *roboh*, ТхЯ: *khoong*, ЧЯ: *nu'*. Примеры:

(ВЯ) *ba con cho cu'f toj mau den do* 'мои три черные собаки' ('три' КЛФ 'собака' 'я' 'цвет' 'черный' 'вещь' 'цвет');

(КхЯ) *sioowphiw sii lieng pii kbaal roboh kn'om nuh* 'те две мои книги желтого цвета' ('книга' 'цвет' 'желтый' 'два' КЛФ 'вещь' 'я' 'тот');

(ТхЯ) *thai⁵ khoong⁵ phoo³* 'плуг отца' ('плуг вещь отец') [M. Clark & Amara P.: 67].

(ЧЯ) *gwa nu' ama tahlaz* 'плуг моего отца' ('плуг ребенок отец я').

В таких словосочетаниях личное местоимение передает притяжательное определение в постпозиции к определяемому.

В МТ существуют атрибутивные служебные слова, присоединяющие к имени справа глагол, прилагательное, порядковое или объединяющее числительное в функции определения; в малайском таково слово *yang* (близкое к понятию «который», т. е. не выражающее притяжательности); как относительный признак, так и притяжательное отношение могут выражаться предлогами — все эти средства факультативны. Например, в МЯ предлоги *dari* «из, от», *daripada* выражают связь принадлежности в постпозитивных определениях:

rumah dari batu merah 'дом из красного камня';

rumah daripada nenek saya 'дом моей бабушки'.

В языках ФТ есть обязательные атрибутивные маркеры, соединяющие ядро и определение к нему в бинарный комплекс или группу (ТЯ: *nan/ng/na*). В ТЯ возможны и постпозиция, и препозиция зависимого слова, причем в препозиции обычно стоят притяжательные местоимения в полной форме и количественные определения; могут быть и качественные слова. Такие построения, как сказано выше, также обычны для языков ОТ. Например:

(ТЯ) *bahay na bago ~ bagong bahay* 'новый дом' (*bahay* 'дом'), но *bahay nang bato* 'дом каменный = из камня';

bahay nila ~ kanilang bahay ‘их дом’;
tatlong bato ‘три камня’.

Принято подчеркивать существенное структурное различие в области именных сочетаний между восточными и западными индонезийскими языками. Для ВИТ используют определение «препозиция посессора» — это, естественно, модель именного сочетания.

Глагольные словосочетания

Модели глагольных словосочетаний в любом языке наиболее разнообразны, и еще более многообразными они предстают при сравнении структур разных языков.

Особое внимание лингвистов привлекают, с одной стороны, языки ФТ с их своеобразными залогово-фокусными структурами, определяемыми глагольной морфологией, и, с другой стороны, языки ВИТ и ОТ, располагающие многочисленными аналитическими показателями залоговых и эргативоподобных конструкций, среди которых преобладают местоименные компоненты. Здесь, конечно, нет возможности остановиться, хотя бы бегло, на этой проблематике. Общее представление о языках ОТ можно получить из книги В. Крупы [1975]. Отметим лишь, что основная позиция зависимого актантного имени в большинстве языков — справа от глагола. Однако между четырьмя АН типами и ИТ есть кардинальные различия. В ИТ господствует структура П — С — Д, и зависимое от глагола имя со значением объекта, цели, локативного актанта стоит непосредственно после глагола, который следует за агентивным именем.

В АН языках залоговые и фокусные аффиксальные глагольные формы в функции сказуемого по исконным правилам стоят в начале предложения (исключение — малайский); справа от сказуемого стоит имя со значением агенса, которое вводится предлогом факультативно (МЯ) или маркируется притяжательными показателями. Например:

(МЯ) *yang diambil [oleh] ayah* ‘взятые отцом’ (которые брать. Пасс. предл. отец).

(ТЯ) *ang mga wika ng sinasalita sa Pilipinas* ‘Языки, на которых говорят на Филиппинах’ (Арт. множ. язык лигатура говорить. пасс. дур. на Филиппины).

Характерны модели словосочетаний, состоящие из глагола и агенса — притяжательного компонента-агенса:

(МЯ) *buku yang diambil mereka*. ‘книга/книги который взяты они’.

(ТЯ) *Ang itong sinalita mo*. ‘то сказанное твое / тобой’.

Словосочетания, состоящие из глагольного ядра и зависимого притяжательного компонента (по смыслу — актанта-агенса), используются

не только в залоговых конструкциях. Сочетание «глагол/прилагательное + местоимение» (обычно — притяжательная клитика) объединяет в себе значения агенса и его состояния: движения, речь, физические и эмоциональные состояния, качества. Такое сочетание может стоять в позиции подлежащего, к которому относятся разнообразные предикаты. Подобные модели характерны в основном для МТ, но встречаются и в ФТ, и в ОТ. Примеры:

(МЯ) *buku yang diambil [oleh] mereka* ‘книга, взятая ими’ (книга которой взять + пасс/предл./они), ср. *buku mereka* ‘их книга/книги’;

Jalan.ku terlalu cepat. ‘Я шел/шла слишком быстро’ (идти/ходьба.я слишком быстрый). Ср. *Cepat.ku terlalu*. ‘Скорость моя чрезмерна’ (быстрота мой/моя слишком).

(ТЯ) *ang sinalita to* ‘то, что сказано тобой’ (арт. сказать + пасс + прошл. твое).

Наличие таких конструкций (предикат + притяжательная форма местоимения) это одна из основных импликаций доминанты посессивности. Характеризуя притяжательный тип языков, на это указывали И. И. Мещанинов и целый ряд европейских авторов более раннего времени [Мещанинов 1940]. Возможность таких построений в АН языках связана с богатством форм личных местоимений в этих языках, что нехарактерно для языков ИТ.

Сериальные построения сказуемых

Весьма характерная полипредикативная конструкция в различных аналитических языках — это сериализация глаголов. Строго говоря, **сериальным предикатом** следует считать последовательность из двух или трех глаголов, обозначающих с разных сторон один и тот же процесс (действие, движение, состояние). Примеры:

(тай-сэк) *rua1 khooj³ lum⁴ phet⁶ aw¹ paj¹ leew⁶*. ‘Моя лодка унесена ветром’ (лодка я ветер дуть брать уходит перф) [Морев 1991: 203];

(МЯ) *Anak berteriak memanggil ibu*. ‘Ребенок плакал, зовя мать’ (ребенок кричать медиа звать. акт мать);

(ВЯ) *Tinh hình đang phát triển thang lo'i*. ‘Обстановка складывается благоприятно’ (обстановка развиваться побеждать перф) [Панфилов 1993: 313].

В специфических для аналитических языков паратаксистных полипредикативных конструкциях глаголы, обозначающие разные процессы, связанные отношениями времени, цели, результата, причины, сравнения, также могут непосредственно следовать друг за другом без эксплицитного выражения этих отношений. Однако показатели этих отношений, а также обозначения объектов могут быть введены. Примеры:

(МЯ) *Anak terus berteriak nak memanggil ibu.* ‘Ребенок сразу закричал, зовя мать’ (ребенок сразу кричать хотеть звать мать).

(тай-сэк) *lum⁴ phet⁶ aw¹ rua¹ khooj³ paj¹ leew⁶.* ‘Ветер унес мою лодку’ (ветер дуть брать лодка я уходит перф) [Морев, там же].

Две эти разновидности полипредикативных конструкций создают возможность для передачи всех обстоятельственных признаков процессов, что в морфологически богатых языках обслуживается наречиями и нефинитными глагольными формами. Сочетания глаголов в полипредикативных конструкциях регулируются их валентностями. Как видно из приведенных примеров, глаголы зависимые, дополняющие семантически главный глагол, обычно следуют за ним.

Грамматические комплексы

Обратимся к характеристике грамматического комплекса (ГК) как специфического аналитического средства выражения грамматических значений. Любой ГК состоит из ядра — знаменательного слова — и относящегося к ядру зависимого компонента — грамматического показателя.

Ядро ГК — элемент переменный, это любое слово того класса или подкласса, которому свойственно быть сказуемым и образовывать данный ГК. Напротив, показатель — это элемент стандартный, возможности его замены очень узки и есть не всегда. Один показатель времени может заменяться другим, показатель сравнения — другим показателем сравнения и т. п.; возможность замены ограничена рамками того же самого категориального грамматического значения.

В качестве грамматических показателей выступают служебные слова (что и свидетельствует об их служебной функции) и вспомогательные слова — знаменательные слова, претерпевшие частичную делексикализацию (в направлении ослабления конкретных и развития абстрактных компонентов семантической структуры). Например, в глагольных ГК в основном используются специальные глаголы с ослабленным, измененным денотативным значением, что позволяет предполагать эволюцию подобных ГК от сериальных структур. Это особенно характерно, как упоминалось, для языков ИТ.

Модели комплексов с разными граммемами образуют подобие парадигматических рядов, что дает основание для постановки вопроса о грамматических категориях, — конечно, обладающих своеобразными семантическими и функциональными свойствами. В различных работах по аналитическим языкам для единств, подобных ГК, используются разные обозначения: аналитическая форма, аналитическое слово, группа, фраза,

часть, *piése*, и другие. Ни одно из них не кажется мне удовлетворительным, поэтому отдано предпочтение сочетанию «грамматический комплекс» как термину.

Значения грамматического порядка, выражаемые в ГК, имплицитно выражаются лексико-грамматическими свойствами ядерного слова, его валентностями на грамматические показатели. Соответственно различаем глагольные, именные, адъективные, местоименные ГК.

В моделях *глагольных* ГК выражаются категории: вид, относительное время, фазисность, объективная (эпистемическая) модальность, взаимность и совместность, интенсивность и др.

В моделях *именных* ГК выражаются синтаксические связи, определенность, одушевленность, исчисляемость; функции грамматических показателей реализуются предлогами, связками, артиклями, частицами, местоименными клитиками, классификаторами, словами меры.

В моделях *адъективных* ГК выражаются степени качества и степени сравнения, относительно-временные значения, релятивность.

Местоименные ГК могут отражать свойства иных ГК — в основном, именных, но в АН языках, имеющих глаголы-заместители, они могут иметь и свойства глагольных (см., например, Гр ИЯ 1972: 241).

Добавим несколько более конкретных замечаний.

В аналитических языках ИТ и ОТ глагол в функции сказуемого может иметь — как правило, факультативно — различные аналитические показатели отношений референтности и/или коммуникативности. В этом аспекте языки МТ примыкают к аналитическим языкам. Обычная позиция грамматических показателей — слева от ядра, с которым они образуют более или менее слитные комплексы. Такая позиция очевидно противоречит основному в этих языках закону прогрессивного словопорядка, но согласуется с фреквенталией межуровневых отношений (см. ч. I, гл. 5, доминанта 1); в частности, для МТ левая позиция грамматического показателя согласуется с левой позицией аффиксов, т. е. префиксацией.

Глагольные ГК более или менее регулярно обслуживают предикацию. Примеры:

(МЯ) *Kapal mereka telah berangkat.* ‘Их корабль уже отбыл’ (корабль они уже отбыть).

Ayah belum pulang. ‘Отец еще не вернулся’ (отец еще не вернуться). *Tidak semua anggota selalu bersuara.* ‘Не все члены голосуют всегда’ (не все член/члены всегда голосовать).

Относительно ИТ можно еще отметить использование рамочных модальных глагольных групп; два семантически связанных показателя обрамляют всю группу справа и слева, что способствует четкости членения

предложения, столь важной для аналитической структуры. Такие построения обычны, в частности, для текстов на чамском языке; наиболее характерна — отрицательная структура, ограничиваемая парными отрицаниями; в такой роли могут быть и показатели времени и вида. См. [Алиева, Буй Кх. Тхе 1999: 100].

Примеры:

(ЧЯ) *Ni plong tarja' kajo'z po "bang vo"*. 'Он выскочил (вышел) и запер дверцу опять' [с. 105].

(ТхЯ: лао) *Njaang⁵ lom²-kan²*. 'идти и разговаривать друг с другом'.

(Тхя: лаха) *Kon⁴ raak¹-tyw³ khat⁴*. 'закрывать двери плотно' [Морев 1991: 190].

Глава 4

Синтаксис. Предложения

Неоспоримым центром языковой системы является сентенциальный синтаксис, так как даже в морфологически богатых языках все формы семантически и формально обслуживают предложение.

В данной обзорно-сопоставительной работе представляется интересным затронуть две проблемы: роль порядка слов и выражение предикативного отношения посессивности.

Вопрос о порядке слов выше мы рассматривали на уровне словосочетаний. В предложении же на первый план выходят предикатно-актантные (падежные) отношения.

В двух аналитических типах — ИТ и ОТ — предложения структурируются по-разному.

В языках ИТ главное средство — это строгий порядок слов: Подлежащее — Сказуемое (П + С) или Подлежащее — Сказуемое — Дополнение (П + С + Д). Каждый член может выражаться синтаксической группой; эксплицитное обозначение его функции может отсутствовать.

В языках ОТ порядок слов также фиксированный, но более разнообразен: С + П + Д объекта в активных и эргативных конструкциях и С + Д агенса + П объекта — в пассивных, с глаголом, отмечаемым специальным суффиксом. Каждый член может маркироваться слева и справа частицами и местоименными клитиками, указывающими на его синтаксическую функцию и на другие грамматические значения.

В языках ФТ с их богатым глагольным спряжением, обслуживающим синтаксические, т. е. актантные залогово-фокусные — и референциальные — видовременные и модальные — отношения (но не согласовательные модели), есть свои особенности.

Нейтральный господствующий порядок здесь, как и в большинстве АН языков, — инициальная позиция глагола-сказуемого. К нему примыкают

актанты, выражаемые местоимениями, за ними следуют актанты и сирконстанты, по-разному выражаемые именными группами, которые вводятся маркирующими их функциями частицами — артиклями, предлогами. Таким образом, функционально маркированные синтаксические группы могут относительно свободно передвигаться в предложении. Например:

(ТЯ) *Siya ay bumili ng aklat para sa ako.* ‘Он купил книгу для меня’ (он связка *купить*. акт. прош. для артикль я). *Bumili siya ng aklat para sa ako. Ibinili niya ako ng aklat.* ‘Куплена им для меня книга’ (*купить*. пасс. бенеф. я артикль книга).

Для языков МТ характерен фиксированный порядок внутри синтаксической группы, но со значительными возможностями передвижения маркированных групп относительно друг друга. В МЯ нейтральный порядок в простом предложении, т. е. П — С — Д, однако при изменении коммуникативной задачи он легко изменяется. Примеры:

(МЯ) *Anak saya sering pergi ke nenek. Kemaren dibawanya seekor kucing. Kucing itu sudah dimandikannya dengan sabun. Dengan sabun dimandikannya kucing itu.*

‘Моя дочка часто ходит к бабушке. Вчера она принесла кошку. Она уже вымыла эту кошку мылом. И она с мылом помыла эту кошку’ (экспрессия). (сын дочь я часто ходить/уходить, бабушка, вчера, пасс. + нести + местоим. 3-го л., один + хвост (КЛФ), кот/кошка, этот/тот, показ. прош. вр. пасс. + *купать* предл. + *мыло* кауз. + пасс. + местоим. 3-го л.

В МЯ сирконстанты и П-актанты тяготеют к инициальной или финальной позиции в предложении, актанты с предлогами могут занимать различные позиции, в том числе и впереди управляющего слова, группы с атрибутивным показателем (*yang*) передвигаются ограниченно и только справа от определяемого слова. Важную роль играют не только препозитивные синтаксические маркеры, но и замыкающие, обычно дейктические элементы; см. выше: *dengan sabun; kucing itu*.

В языках АН при наличии эксплицитного маркирования синтаксических функций в целом существуют большие возможности для варьирования порядка сегментов предложения, в частности для целей коммуникации. Это относится и к языкам ВИТ. Как упоминалось, при этом продуктивные функции принадлежат местоименным клитикам и разным частицам.

В ИТ эти задачи в большей степени решаются с помощью выбора структурных моделей предложения. И в целом между островными и полуостровными языками в построении простых предложений — существенные различия. Хотя не следует забывать и о таком важном сходстве, как постпозиция определяющих слов в словосочетании.

Притяжательная предикативная связь в предложениях

Рассмотрение этого вопроса более логично начать с того, используются ли для выражения предикации специальные глаголы со значением «иметь».

Компаративистика свидетельствует, что в разных языках отсутствие исконных корней со значением «иметь» — это скорее правило, чем исключение. Э. Бенвенист показал, что в очень многих языках глагол «иметь» возник на позднем этапе развития, причем и исконные сентенциальные формы не включали модель со значением обладания. Тем интереснее, на мой взгляд, провести сравнение между языками, выявляя, какие средства возникали и входили в употребление для выражения такой предикации, ведь без этого ни один современный язык не обходится.

Для ИТ характерно наличие специальных глаголов, хотя полного единообразия нет. В языках вьетнамском, мыонг, ксингмул, чам, чру (тьру) имеются специальные глаголы с совмещенным значением 'иметь/быть'. Таковы вьетнамский *ko*, мыонг *so*, ксингмул *kuj/kujh*, чамский *hu*, чру *hu*. Они очевидно сходны по фонемному составу и, вероятно, имеют общее происхождение, являясь одним из элементов индокитайской языковой общности.

В кхмерском языке есть лексемы *mien* 'иметь' и *kmien* 'не иметь'.

Названные глаголы в этих языках выполняют много дополнительных функций, напрямую не связанных со значением обладания: ВЯ, ЧЯ: «возможность, способность», ЧЯ: «модальность, реализованность», а также «обладание признаком» (например, *hu klaj* 'лесистый' < *klaj* 'лес'); эти глаголы с ослабленным лексическим значением участвуют также в построении вопросительных и отрицательных предложений.

Тайские языки имеют более разнообразные лексические средства в выражении притяжательности; так, существуют специальные глаголы со значениями 'быть', 'не быть', 'находиться где-л.', 'обладать'. Например, (ТхЯ) соответственно: *pen¹*, *maj³*, *chaj³*, *ju²*, *mi¹* [Морев 1991: 152–155].

Предложения с притяжательной предикацией, включая отрицательную, имеют обычный порядок слов П — С — Д: посессор + «иметь/не иметь» + обладаемое.

Можно предложить допущение, что для ИТ свойственна доминанта посессивности, реализуемая специальными глаголами (как, например, в английском).

В то же время для этих языков характерно почти полное отсутствие притяжательных местоимений.

Во всех АН типах ситуация в данной области принципиально иная.

Прежде всего, большинство из этих языков, как упоминалось выше, имеют богатые наборы личных и притяжательных местоимений.

Обратное положение — с глагольными лексемами со значением 'иметь'. Таковые полностью отсутствуют в ОТ.

В МТ и ВИТ исконных лексем с этим значением также нет, но вошли в употребление вторичные лексем, многие заимствования.

Имеющиеся в ФТ специальные глаголы — это вторичные формы (ТЯ *tau/tauroon* 'иметь/иметься' — неспрягаемый глагол).

Отсутствие лексемы 'иметь' в прото-АН лексическом фонде видно из [Wurm & Wilson 1975].

АН языки обладают в этой сфере своими специфическими средствами.

Прежде всего, пропозиция принадлежности выражается через идею «быть, наличествовать» — глагол *ada*. В языках МТ используются модели предложений с глаголом 'быть, иметься', относящим к действительности притяжательное словосочетание; часто употребляются вопросительные и отрицательные варианты таких предложений. Например:

(МЯ) *Aksi itu ada akibatnya*. 'Эта мера имела результат'. *Aksi itu tak ada akibatnya*. 'Эта мера не имела результата'; *Adakah akibatnya aksi itu?* 'Дали ли эти меры какой-нибудь результат?' (*aksi* 'действие, мера'; *itu* 'этот/тот'; *ada* 'быть/иметь'; *akibat.nya* 'результат + местоим. притяж. 3-го л.'; *tak* 'не'; — *kah* ч-ца вопрос).

Притяжательные словосочетания часто входят в структуру тематических предложений. Например: (МЯ) *Aksi itu akibatnya banyak*. 'Эта мера приносит/принесла значительные результаты' (*banyak* 'много').

В ОТ притяжательное словосочетание соединяется в предложении с разнообразными предикативными частицами, обеспечивая выражение притяжательной пропозиции и отнесение ее к действительности. В ПН языках специальные полные притяжательные местоимения ставятся после существительного; некоторые авторы трактуют их как сказуемые, хотя обычной позицией сказуемого в этих языках является начало предложения. [Крупна 1982: 132]. Например:

(маори) *He whare toona*. 'Он имеет дом' (*he* ч-ца со значением наличия, *whare* 'дом'; *toona* 'его/ее').

(гавай) *He mauahine ko'u*. 'У меня есть мать' (*he* ч-ца; *mauahine* 'мать'; *ko'u* 'мой') [Крупна *ibid.*].

В сфере выражения притяжательности в АН имеется специфическое средство морфологического характера, а именно, образование отыменных глаголов посредством префикса, придающего значение «иметь предмет» (выраженный именем-основой), о чем подробнее говорилось выше.

В текстах на МЯ, например, для выражения идеи обладания чаще используются предложения с глаголом на префикс *ber-*, чем с глаголом «иметь», особенно при выражении вопроса или отрицания. Например:

(МЯ) *Kini kamu sudah berijazah.* ‘Теперь у тебя уже есть диплом’; *Kamu sudah berijazah, bukan?* ‘Ведь теперь ты имеешь диплом, не так ли?’; *Kamu belum berijazah.* ‘У тебя пока нет диплома’ (*kini* ‘теперь’; *kamu* ‘ты’; *sudah* уже; *ber.ijazah* = *ber-* + ‘диплом’ ‘имеющий диплом’; *bukan* ‘не так ли?’; *belum* ‘еще не’).

Добавим несколько кратких замечаний.

В аналитических языках ИТ и ОТ и частично в МТ глагол в функции сказуемого может иметь различные показатели референтности и/или коммуникативности; обычная их позиция — слева от глагольного ядра, с которым они образуют комплексы. Такая позиция противоречит основному правилу словопорядка, но согласуется с фреквенталией межуровневых отношений, т. е. доминантой 1 (часть I, гл. 5). Такие глагольные ГК регулярно обслуживают предикацию в предложениях.

Относительно ИТ можно еще отметить наличие рамочных моделей глагольных комплексов. Два семантически связанных показателя, например, отрицательных, обрамляют всю группу справа и слева, что способствует четкости членения предложения. Примером может быть набор отрицательных показателей в ЧЯ. Есть модель целого предложения, обрамленного двумя отрицаниями. Пример: *Ti hu thaj limu' thang ni 'o.* ‘Никто не входил в этот дом’ (‘никто входит в дом этот не’) [Алиева, Буй Кх. Тхе 1999: 100].

Таблица 4А (продолжение)

Личные местоимения:		ФТ	МТ	ВИТ	ОГ	ИТ
Функциональные свойства Полные формы местоимений	в препозиции к <u>имени</u>	+	+	+	+	[+]
	в постпозиции к <u>имени</u>	+	-	/-	-	-
	в препозиции к <u>глаголу</u>	+	+	+	+	+
	в постпозиции к <u>глаголу</u>	+	+	+	+/	+
Краткие клитические формы местоимений (клитики)	предикация (П + С) модели словосочетаний	+	+	+	+	+
	предикация (П + С) выражение посессора	+	+	+	+/	+
	предикация (П + С): актив пассив	+	+	+	+	+
	Словосочетания с актантной связью: И+Г (актив П+С) И+Г (пассив)	-	+	-	-	+
	предикация (С-П): актив пассив	+	+	+	+	+
	словосочетания с актантной связью (Г+И)	+	+	+	+	+
	притяжательные словосочетания (К+И) клитика + имя	-	-	-	/+	-
	притяжательные словосочетания (И+К)	+	+	+	+	/+/-
	словосочетания с активным глаголом: клитика = агенс	-	+	+/	+/	-
	словосочетания с инактивным глаголом: клитика = объект/пациенс	+	+	+/	+/	-
согласование по лицу в предикативной паре	+	+	+	+/	-	

Притяжательные / косвенные формы местоимений

		ФТ	МТ	ВИТ	ОТ	ИТ
Полные формы	в препозиции к имени	+	-	+	+	-
	в постпозиции к имени	+	+	+	+	+
	в препозиции к глаголу	+	+	+	+	+
		с активным глаголом	+	+	+	+
		с пассивным глаголом	+/-	+	+	/+/-
	в постпозиции к глаголу	с активным глаголом местоимение= агенс местоимение = объект, пациенс	- +	- +/-	- +/-	- +

Структурные типы слов

Непроизводные слова		ФТ	МТ	ВИТ	ОТ	ИТ	
Корневые слова = морфемы	знаменательные слова	+	+	+	+	[+]	
	грамматические показатели	Частицы	+	+	+	+	+
		Предлоги	+	+	+	+	+
		Послелоги	-	-	/+/?	-	-
		Артикли	+	+/-	/+/?	+	/+/?
Лигатуры-связки	+	/+/?	+	+	+		
Производные слова							
Аффиксация							
Типы аффиксов	префиксы	сегментные префиксы	+/-	/+/?	+	/+/?	+/-
		преназализация	+/-	+	+	+/-	-
	суффиксы	квазипрефикс (заимствованная денотативная единица)	[+]	/+/?	[+]	[+]	[+]?
		сочетание префиксов	+	+	+	-	-
		префикс + конфикс	+	+	+/-	-	-
	инкорпорация	префикс + инфикс	+	+	+/-	+/-	-
		исконный сегментный суффикс	+	+	+/-	+/-	-
		квазисуффикс	+	+	+/-	+/-	/+/?
		=устойчивая комбинация: префикс + суффикс с единым значением	+	+	+/-	+/-	-
		вводимые в корневую морфему	+	+	+/-	+/-	+/-
вводимые в префикс	+	+	+/-	-	-		
аффикс + свободное словосочетание	+	+	[+/-]	+/-	+/-		

Таблица 3Б (продолжение)

Функции аффиксов	словообразование	именное	+	+	+	+/–	+/–	+/–
		глагольное	+	+	+/–	+/–	+/–	–
	грамматические функции	актантные (падежные) отношения: дифференцированная переходность	–	+	+/–	–	–	–
		каузативно-фактитивные	+	+/–	+/–	+	–	–
		активно-пассивный залог	+	+	+/–	+/–	–	–
синкретизм (= деривативные + грамматические значения)	каузативно-фактитивные	фокус (триггер)	+	–	–	–	–	–
		видоверм. значения	+	+/–	+/–	–	–	–
		модальность	+	+/–	+/–	–	–	–
	именные слова	именные слова	+	+	+/–	–	–	–
		глагольные слова	+	+	+/–	+/–	–	–
	более одного актанта	+	+/–	+/–	–	–	–	
Двухкомпонентные лексические единицы								
Сложные слова	структурно не равные синтаксическому сочетанию	включающие связанный компонент w: Ww, wW	+	+	+	+	+	+
Составные слова	структурно равные синтаксическому сочетанию	двухкомпонентные: W' + W''	+	+	+	+	+	+
		трехкомпонентные: с относительным придаточным (И+ (П+С) равные предложению (П + С + Д)	–	–	+	+	+	+/–

Таблица 3Б (окончание)

Слова-повторы: структурные типы										
R=M= односложное корневое слово / морфема	тождественный повтор	полный: R+Г=M+M' частичный: R+Г= M+(M-x)	+	+	+	+	+	+	[+] /+/	+
R=M= двусложное слово / морфема	дивергентный повтор	полный: R+Г=M+M частичный: R+Г= M+(M-x)	+	+	+	+	+	+	+	+/-
R=W=Af+M	тождественный повтор	полный: R+Г=M+M частичный: R+Г= M+(M-x)	+	+	+	+	+	+	+	+
R=af+af	тождественный повтор	полный: R+Г=M+W частичный: R+Г=W+af+af	+	+	+	+	+	+	+	+
W=W+w (сложное слово)	тождественный повтор	полный: R+Г=(W+w)+(W+w)	+	+	+	+	+	+	+/-	+/-
W=W+W' (составное слово)	тождественный повтор	полный: R+Г=(W+W')+(W+W')	+	+	+	+	+	+	+/-	+/-
Вторичное удвоение										
R'+Г'	полное повторное	R'+Г'=(M+M')+(M+M') (M'+M)	-	-	-	-	-	-	-	+/-
	полное перевёрнутое неполное	R'+Г'= M+M+M' или M+M'+M' или M+M'+M или M'+M+M'	-	-	-	-	-	-	-	+/-

Список литературы

На русском языке

- Агус Салим, 1990 — Аспектуальные типы глаголов и семантика редуцированных форм в ИЯ // Сопряженность глагольных категорий. Сб. научн. тр. Калинин.
- Алиева Н. Ф., 1965 — Некоторые особенности индонезийской агглютинации // М. — Л. 1982 — Чамский язык и проблема индокитайского языкового союза // Региональная и историческая адаптация культур в ЮВА. М. 1990 — Смена письменностей в контексте истории и традиционных культур народов ЮВА // Материалы Первого Советско-французского симпозиума по ЮВА. М. 1998 — Типологические аспекты индонезийской грамматики. Аналитизм и синтетизм. Поссесивность. М. 2008 — Типология языков Восточной Индонезии: Основные структурные особенности // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XVIII. МГУ, ИСАА. 2010 — О вкладе российских лингвистов в австронезийское языкознание // Бюллетень № 17: Труды межинст. научн. конф. «Востоковедные чтения 2008». Москва, 8–10 сент. 2008. Общество востоковедов. М.: ИВ РАН, 2010. 1972, Гр. ИЯ — Алиева Н. Ф., Аракин В. Д., Оглоблин А. К., Сирк Ю. Х. Грамматика индонезийского языка. М. 1999. Алиева Н. Ф., Буй Кхань Тхе — Язык чам. Устные говоры восточного диалекта // Петербургское востоковедение. 1980. Алиева Н. Ф., Теселкин А. С. — Основы теоретической грамматики индонезийского языка. Ч. 2: Синтаксис. М., Военный Краснознаменный институт.
- Аракин В. Д., 1963 — Мальгашский язык. М. 1965 — Индонезийские языки. М. 1973 — Самоанский язык. М. 1981 — Таитянский язык. М.
- Атнашев Б. П., 2001 — Литература тямов Вьетнама как отражение их религиозных воззрений. СПб.
- Бакланова Е. А., 2009 — Лексические заимствования и проблема интерференции в тагальском языке. Канд. дисс. М., МГУ, ИСАА.
- Беликов В. И., 1998 — Пиджины и креольские языки Океании. М.
- Благодарова Ю. Л., 1966 — Атрибутивные отношения в современном тайском языке. М. 1999 — Язык хайнаньских ли. М.
- Вардудль И. Ф., 1977 — Основы описательной лингвистики. М. 1976. Отв. ред. Вьетнамский лингвистический сборник. М. 1983 — Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М.

- Горгониев Ю. А., 1966 — Грамматика кхмерского языка. М.
 1965 — Явление параллелизма в становлении грамматических категорий в языках изолирующего типа. М.
- Демидюк Л. Н., 1982 — Удвоение в предикативах индонезийского языка. М., МГУ, ИСАА.
- Деопик Д. В., Кузнецов А. И., 1983 — Малые народы Индокитая. М.
- Десницкая А. Н., 1980 — Языковой союз как категория исторического языкознания. М., ИЯ РАН.
- Дорофеева Т. В., 2001 — История письменного малайского языка (7-й — начало 20-го века) // М.: Академия гуманитарных исследований.
- Зарбалиев Х. М., 1997 — Язык минангкабау. М.
- Зубкова Л. Г., 1971 — К характеристике морфемных стыков в индонезийском языке // Народы Азии и Африки. № 6. М.
 1978 — Сегментная организация простого слова в языках различных типов. Автореф. докт. дисс. М.
 1983 — Вокалическая и консонантная структуры корневого слова в индонезийском, яванском и тагальском языках // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. М.
- Карташова Л. Я., 1992 — Малагасийский язык. Учебное пособие. МГУ.
- Крупа Виктор, 1967 — Язык маори. М.
 1975 — Полинезийские языки. М.
 1979 — Гавайский язык. М.
- Крус М., Шкарбан Л. И., 1966 — Краткий очерк грамматики тагальского языка. М.
- Ландер Ю. А., 2002 — Индонезийская морфера *se-*; производные значения. СПб.
- Лонг Сеам, 1989 — Исследования по лексикологии и грамматике древнекхмерского языка (по надписям Камбоджи VI — XIV вв.). М.
- Морев Л. Н., 1964 — Основы синтаксиса тайского языка. М.
 1978 — Язык лы. М.
 1983 — Шанский язык. М.
 1991 — Сопоставительная грамматика тайских языков. М.
- Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф., 1961 — Тайский язык. М.
- Морев Л. Н., Москалев А. А., Плам Ю. Я., 1972 — Лаосский язык. М.
- Невский Н. П., 1935 — Материалы по говорам языка цоу. М. — Л.
 1981 — Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М.
- Оглоблин А. К., 1971 — Индонезийские конструкции с *ritua* в сопоставительном освещении // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Отв. ред. В. И. Беляев, А. А. Долинина. Вып. 1. Л.
 1974 — Диатезы и залоги в индонезийском языке. Л.
 1976 — Оглоблин А. К., Мунтаха С. О глагольных конструкциях в мадурском языке. Востоковедение. Вып. 2. Л.
 1983 — О языковых контактах в яванском ареале // Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. Отв. ред. В. М. Солнцев. М.

- 1983 — Оглоблин А. К., Агус Салим. Фазовые и модальные конструкции в ИЯ. Категории глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л.
- 1985 — Диахрония и морфология малайско-яванских языков // Вопросы языкознания. № 3.
- 1986 — Мадурский язык и лингвистическая типология. Л.
- 1991 — Вопросы типологической эволюции малайского языка // Малайско-индонезийские исследования. № 4. Отв. ред. Б. Б. Парникель. М.
- 1996 — Очерк диахронической типологии малайско-яванских языков. М.
- 1998 — Условные конструкции в индонезийском языке. СПб.
- 2004 — Древнеяванский ирреалис // Ирреалис и ареальность. М.
- 2004 — Оглоблин А. К., Крамарова С. Г. Уступительные конструкции в индонезийском языке // Типология уступительных конструкций. М.
- 2011 — О залоговых соответствиях в языках Западной Австронезии // Маклаевский сборник. Вып. 4. Сост. М. В. Станюкович. СПб. МАЭ РАН.
- Панфилов В. С., 1993 — Грамматический строй вьетнамского языка // Петербургское востоковедение.
- Подберезский И. В., 1971 — Двусоставное предложение в современном тагальском языке // Языки Китая и ЮВА. Проблемы синтаксиса. М.
- Поздеева Т. А., Рачков Г. Е., 1977 — Бенефактивные конструкции в тагальском языке // Востоковедение. № 5. Л.
- Рачков Г. Е., 1981 — Введение в морфологию современного тагальского языка. Л.
- Рождественский Ю. В., 1969 — Типология слова. М.
- Сердюченко Г. П., 1961 — Чжуанский язык. М.
- Сирк Ю. Х., 2008 — Австронезийские языки. Введение в сравнительно-историческое изучение. М.
- Солнцев В. М., 1978 — Язык как системно-структурное образование. Изд. 2-е. М.
- Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т., Глебова И. И., 1960 — Вьетнамский язык. М.
- Солнцев В. М., Хоанг Туе, 1988 — Некоторые итоги полевого обследования языков народов СРВ совместной Советско-Вьетнамской экспедицией (1979–1981) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы. М.
- Солнцева Н. В., 1985 — Проблемы типологии изолирующих языков. М.
- Теселкин А. С., 1961 — Яванский язык. М.
- 1963 — Древнеяванский язык (кави). М.
- 1974 — Лекции по обобщающему курсу грамматики малайского/индонезийского языка. Ч. 1: Морфология. М.
- 2010 — Джакартско-русский словарь (с приложением краткого очерка джакартского языка). М.
- Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., 1980 — Основы теоретической грамматики индонезийского языка. Ч. 2: Синтаксис. М.

- Членов М. А., 1976 — Население Молуккских островов. М.
- Членов М. А., Членова С. Ф. — Аруанские языки: необычная языковая общность в Восточной Индонезии // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XVIII. М.
- Членова С. Ф., Ревзина О. Г., 1985 — Грамматические заметки по кейскому языку // Языки Азии и Африки. Фонология. Лексикография. Грамматика. М.
- Членова С. Ф., 2002 — Грамматические заметки по языку давлор (попытка первого описания) // Труды Международного семинара «Диалог 2002». Т. 2. М.
- 2004 — Словарь языка серуа (Вост. Индонезия) // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XVI. М.
- Членов М. А., Членова С. Ф., 2004 — Серуа, исчезающий язык в Восточной Индонезии // Там же.
- Членов М. А., Членова С. Ф., 2008 — Западный таранган и добел: Языки активного строя // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XVIII. М.
- Шкарбан Л. И., 1968 — О принципах выделения классов слов в тагальском языке // Вопросы выделения частей речи на материале языков различных типов. М.
- 1980 — О категориях залога и падежа в тагальском языке в свете соотношения глагола, имени и местоимения // Теория и типология местоимений. М.
- 1982 — О семантических видах предикатов в тагальском языке // Семантические типы предикатов. М.
- 1989 — Порядок слов в тагальском языке // Очерки типологии порядка слов. М.
- 1995 — Грамматический строй тагальского языка // Восточная литература. М.
- 1985 — К вопросу о типологии систем частей речи (на материале языков ЮВА и ДВ) // Лингвистическая типология/Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуть. М.
- Этнические процессы в странах ЮВА. Сб. статей. М., 1974
- Языковые универсалии и лингвистическая типология. Сб. статей, 1969.

На западных языках

AA	Austroasiatic
AN	Austronesian
ANU	Australian National University (Canberra)
BSOAS	Bulletin of the Oriental and African Studies (University of London)
BTLV ed(s).	Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde (Leiden) editor(s)
ICAL	International Conference on Austronesian Linguistics (ANU)
ILDEP	Indonesian Linguistics Development Project (Jakarta)
JSBRAS	Journal of the Straight Branch of the Royal Asiatic Society Baltimore (London)
JAL	Journal of Asiatic Languages
KITLV	Koninklijk Institute voor de Taal-, Land- en Volkenkunde (Leiden)

M.	Moscow
PL	Pacific Linguistics (ANU, Canberra)
SEA	Southeast Asia(n)
Vol.	Volume

- Adelaar K. A., 1985. Proto-Malayic – The reconstruction of its phonology and parts of V. Alieva Natalia F., 1978 – Observations on typological evolution in Indonesian languages // PL. The Second ICAL. Proceedings.
- 1983 – The Austronesian language-type features as revealed in Malay // Papers from the 3-d ICAL, 4. PL.
- 1984 – A language-union in Indo-China // Asian and African Studies, Bratislava. V. 20.
- 1988 – Possessivity as the contensive and formal dominant in the structure of the AN languages // Praci-Bhasha Vijnan, Indian Journal of Linguistics, 15, 2. Calcutta.
- 1991 – Morphemes in contemporary spoken Cham: Qualitative and quantitative alternations // Cahiers de Linguistique Asie Orientale, XX, 2. Paris.
- 1992 – Malay and Cham possession compared // Oceanic Linguistics, Paris 31, N° 1. Honolulu.
- 1994 – Areal contacts and specificity of Cham (in Malay) // Jurnal Dewan Bahasa. Vol. 38, N° 7.
- Amran Halim et al. 1983 – Amran Halim L. Carrington S. A. Wurm, eds. – Papers from the Third ICAL. PL.
- AN 2005-The Austronesian Languages of Asia and Madagascar: typological characteristics // Routledge, New York.
- Anceaux J. C., 1981 – Towards a typological reconstruction of the verbal system in Proto-Austronesian // The Third ICAL. (Bali, Denpasar).
- Bazell C. E., 1949 – Sintactic relations and linguistic typology // Cahiers Ferdinand de Saussure. V. 8.
- Benedicte P. K., 1975 – Austro-Thai. Language and culture. New Haven.
- 1976 – Austro-Thai and Austro-Asiatic // Jenner et al.
- Benveniste E., 1960 – ‘Être’ et ‘Avoir’ dans leur fonctions linguistiques // Bulletin de Société linguistique de Paris, 50.
- Blagden C. O., 1894 – Early Indo-Chinese influence in the Malay peninsular // JSBRAS, 27.
- Blust R., 1992 – The AN settlement of mainland SEA // Arizona State Univ. K. Adams, Th. Hudak, eds. Papers from the Second Annual Meeting of the SEA Linguistics Society.
- Brown C. C., 1956 – Studies in country Malay // London.
- Capell A., 1979 – Further typological studies in Southeast Asian languages // Nguyen Dang Liem (Ed) 3.

- Carstens (Eisengarten) R., ed., 1987 – Konfrontationslinguistische Studien zu austroasiatischen und austronesischen Sprachen. Jena: Friedrich-Schiller Univ.
- Chamic and Beyond: Studies in Mainland Austronesian Languages, 2005 – Anthony Grant and Paul Sidwell, eds. // PL.
- Clark M. & Amara P., 1985 (Marybeth Clark & Amara Prasithrathsint) – Synchronic lexical derivation in South East Asian languages // Ratanakul et al.
- Cowan H. K. J., 1948 – Aanteekeningen betreffende de verhouding van het Atjehsch tot de Mon-Khmer talen // BTLV, 104.
- Dahl O., 1977 – Proto-Austronesian // Lund: Scandinavian Institute of Asian Studies.
1986 – Focus in Malagasi and Proto-Austronesian // FOCAL 1.
- Dardjowidjojo, Soenjono, 1983 – Beberapa aspek linguistik Indonesia // Seri ILDEP.
- Durie M., 1985 – A grammar of Achehnese on the basis of the dialect of the North Acheh // Dordrecht: Floris.
1989 – Proto-Chamic and Achehnese mid-vowels. Towards Proto-Acheh-Chamic // BSOAS.
- Dyen I. 1965 – A lexicostatistical analysis of the AN languages // JAL, Memoir 19. Baltimore.
1971 The Chamic languages // Current Trends in Linguistics. Vol. 8. The Hague – Paris.
- FOCAL, 1986. Papers from the Forth International Conference on Austronesian Linguistics // PL.
- Fokker A. A., 1951 – Inleiding tot de studie van de Indonesische syntaxis // Djakarta.
- Foley W. A., 1976 – Comparative syntax in AN. Ph. D. diss. // Berkeley: Univ. of Calif.
- Grimes Charles E., ed., 2000 – Spices from the East: papers in languages of Eastern Indonesia. PL.
- Gonda J., 1950 – The Functions of Word Duplication in Indonesian Languages // Lingua, 2, 2.
1950–1952 – Indonesian linguistics and general linguistics, Part I & II // Lingua 2, 3 and 3, 1.
- Greenberg H., 1960 – A quantitative approach to the morphological typology of languages // IJAL 26, 3.
- Jenner et al., 1976 – P. L. Jenner, L. C. Thompson, S. Starosta, eds. Austroasiatic studies // Honolulu: The Univ. Press.
- Haghes Jock, 2000 – The morphology of Dobel, Aru, with special reference to reduplication // PL.
- Headly P. K., 1976 – Some sources of Chamic vocabulary // Jenner et al., 1976.
- Henderson Eu. J. A., 1965 – The topography of certain phonetic and morphological characteristics of SEA languages // Lingua, 15.
1985 – Further shuffling in SEA languages // Ratanakul et al.
- Herrfurth H., 1983 – The ergative character of clauses as a typological sign of the AN languages (in German look his monograph) // Acta Orientalia, 44.

- Imran Ho Abdullah, 1993 — The semantics of the modal auxiliaries of Malay // Kuala Lumpur. Dewan Bahasa dan Pustaka.
- Kahlo Gerhard, 1963 — Grundriss der Indonesischen Sprache // VEB Verlag Enzyklopadie. Leipzig.
- Kaseng S., 1982 — Bahasa Bugis Soppeng. Valensi morfologi dasar kata kerja // ILDEP. Djambatan.
- Kerajaan Campa, 1981 — École Franç'aise d'Extrême-Orient // Jakarta: Balai Pustaka.
- Kern J. C. H., 1908 — Austronesisch en Austroasiatisch // Verspreide geschriften, XIV (Review on: P. W. Schmidt. Die Mon-Khmer Volker ein Bindeglied...).
- Klamer M., 2002 — Typical features of the AN languages of Central/Eastern Indonesia // Oceanic Linguistics. V. 41, 2.
- 2004 — East Nusantara: Genetic, areal and typological approaches // Oceanic Linguistics. V. 43, 1.
- Krupa Viktor, 1968 — The Maori language // Moscow: Centre of Oriental Literature.
- 1982 — The Polynesian Languages. A Guide // London: Routledge & Kegan Paul.
- Larish Michael D., 1997 — Moklen-Mokken phonology: Mainland or insular Southeast Asian typology? // Ode & Stokhof.
- 1991 — Le Campa et le Monde Malais // Paris. Centre d'Histoire et Civilisations de la Peninsule Indochinoise.
- Lewis M. Blanche, 1969 — Sentence analysis in modern Malay // Cambridge Univ. Press.
- Lichtenberk F., 1985 — Possessive constructions in Oceanic languages and in Proto-Oceanic // PL. AN linguistics at the 15th Pacific Science Congress.
- Lynch J., 1982 — Towards a theory of the origin of Oceanic possessive constructions // Amran Halim et al.
- Naylor P. B., ed., 1980 — Austronesian studies. Papers from the Second Eastern Conference on AN languages // Ann Arbor: Univ. of Michigan.
- Nguyen Dang Liem, ed., 1974 — SEA Linguistic Studies. Canberra. PL.
- 1979 — SEA Linguistic Studies. 4. PL.
- Nik Safiah Karim, 1978 — Bahasa Malaysia Syntax. Some aspects of its standardization // Kuala Lumpur: Dewan Bahasa dan Pustaka.
- Ode & Stokhof, 1997 — Cecilia Ode & Wim Stokhof, eds. Proceedings of the Seventh ICAL // Amsterdam-Atlanta: Editions Rodopi B. V.
- Ogloblin A. K., 1988 — Resultative, passive and neutral verbs in Indonesian // Typology of Resultative constructions. Ed. by V. Nedyalkov. Amsterdam.
- 1991 — Old Javanese verb structure // The art and culture of South-East Asia. New Delhi. Lokesh Chandrah.
- 2000 — The old-Javanese word // L. Chandrah, ed. Society and Culture of South-East Asia. New Delhi.
- 2005 — Javanese // AN languages of Asia and Madagascar. Routledge.
- Pawley A., Reid L. A., 1980 — The evolution of transitive constructions in AN // Naylor, ed.
- Peiros Ilia, 1998 — Comparative linguistics in SEA // PL.

- Ratanakul et al., 1985 (Surya Ratanakul, David Thomas, Suwullai Rremsrirat, eds.) – SEA Linguistic Studies Presented to Andre-G. Haudricourt // Bangkok: Mahidol Univ.
- Reid L. A., 1983 – The evolution of focus in AN // Amran Halim et al. V. 2.
- Samsuri, 1980 – Analisa Bahasa. Memahami bahasa secara ilmiah // Jakarta.
- Wurm S. A. & Wilson, 1975 – English finderlist of reconstructions in AN languages (post-Branstetter) // PL.
- Yamada Yukihiro & Tsuchida Shigeru, 1975 – Philippine languages. Tokyo.
- Zide N. H., ed., 1966 – Studies in Comparative AA Linguistics. London.

Научное издание

Алиева Наталья Федоровна

Структурно-типологическое исследование
языков Юго-Восточной Азии

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор *А. З. Алмазова*
Корректор *Л. В. Хохлова*
Верстка и художественное оформление *А. В. Ельцевой*

Подписано в печать 13.01.15. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 10,5. Уч-изд. л. 8,5.
Тираж 300 экз. Заказ № 209.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ООО «Издательство МБА».
Москва, ул. Озерная, 46. Тел.: (495) 726-31-69, 623-45-54, 625-38-13
E-mail: izmba@yandex.ru Генеральный директор С. Г. Жвирбо